91
Б 18

Л. С. БЕРГ

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ДЕТГИЗ 1950

13260
V

Проверено || 2015

(К)

АКАДЕМИК Л. С. БЕРГ

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

73260

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

Оформление книги
Ю. КИСЕЛЕВА

БИБЛИОТЕКА Г. Ш ВМС СССР

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1950 Ленинград

ПРОВЕРЕНО 1969 г.

91
Б48

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

Отзывы и пожелания издательству направляйте по адресу: Ленинград, набережная Кутузова, 6, Дом детской книги Детгиза

ПРЕДИСЛОВИЕ

Широко раскинулась наша Родина.

Она занимает значительные части двух материков — Европы и Азии. На земном шаре нет ни одной страны, равной ей по размерам.

Наши берега омываются водами трех океанов и множества морей; величайшие реки, длиной по нескольку тысяч километров, текут по просторам нашей Родины; огромные горные цепи пересекают страну в различных направлениях; неисчислимые богатства лежат в недрах нашей земли.

Разведать все уголки родной страны, нанести на карты речные, морские и сухопутные пути, отыскать природные богатства, скрытые в горах, тундрах и пустынях, — нелегкое, но почетное дело.

Его взяли на себя русские географы — путешественники и исследователи. Не щадя своих сил, они проходили по пустыням, взбирались на горные вершины, преодолевали полярные льды.

Русские исследователи-географы изучали не только родные просторы. Многие земли, лежащие далеко за пределами России, были впервые обнаружены и обследованы ими. И вместе с русскими исследователями до са-

мых отдаленных стран доходили вести о славе и могуществе нашей Родины.

Русские исследователи открыли шестой материк — Антарктиду и обнаружили и нанесли на карту много островов в Тихом океане; ими была впервые определена береговая линия северо-западной Америки и совершены первые плавания через северную часть Тихого океана к Аляске.

Русские обследовали большую часть побережья и островов Северного Ледовитого моря, и они же первые провели обширные научные исследования в центральной части полярного бассейна среди дрейфующих льдов.

Не по шелковой мураве, усыпанной цветами, проложен путь к знанию. Это суждение особенно справедливо по отношению к географам. В их странствованиях против них — голые скалы и снежные обвалы в горах, сыпучие пески в жарких пустынях, пловучие льдины в Арктике, раскаленная лава на вулканических сопках и жестокие штормы в океане...

Изображая трудности, предстоящие путешественнику, наш знаменитый исследователь Центральной Азии Н. М. Пржевальский сказал: «Не ковром будет постлана ему дорога, не с приветливой улыбкой встретит его дикая пустыня и не сами полезут ему в руки научные открытия. Нет. Ценою тяжелых трудов и многоразличных испытаний, как физических, так и нравственных, придется заплатить даже за первые крохи открытий».

Только те исследователи, которые не падают духом от затруднений и проявляют стойкость характера и несгибаемую волю, только те добиваются успеха. И радостное сознание исполненного долга, приобретение новых сведений для пользы страны — лучшая награда исследователю.

История показывает, что русский народ дал миру много замечательных географов, прославивших русскую науку.

Имена и дела великих русских путешественников — Афанасия Никитина, Семена Дежнева, Владимира Атласова, А. И. Чирикова, В. М. Головнина, Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. Н. Миклухо-Маклая, Н. М. Пржевальского и еще многих других — должны быть хорошо знакомы нашей молодежи.

Эти исследователи открыли миру ряд новых областей земного шара, проложили новые пути в неизведанные страны, изучали быт и нравы народов, прежде неизвестных.

Знакомясь с их трудами, читатели безусловно обратят внимание и на то, что на долю географов прошлого времени выпадали такие испытания, которые неизвестны советским географам. История географических исследований знает немало имен отважных и смелых людей, которые отдали свою жизнь в единоборстве с природой только потому, что они были плохо снаряжены в далекий путь или не получили во-время помощи.

В совершенно иных условиях работают советские географы. В их распоряжение государство предоставляет большие денежные ассигнования, современное научное снаряжение, удобные средства передвижения и связи. Коллектив, отправляющий исследователей в далекий путь, следит за их работой, помогает преодолевать все трудности. Ни на один день путешественники не теряют связи с научными организациями страны. И в опасную минуту страна приходит им на помощь. На поиски одного человека или небольшой группы снаряжаются экспедиции, отправляются самолеты.

Такая забота возможна только в нашей социалистической стране.

Уверенность исследователя в том, что всегда и везде о нем заботятся народ, партия и правительство, придает ему силы, вдохновляет на такие подвиги, которые были не под силу прошлым поколениям.

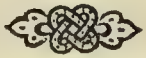
Из года в год растет число советских людей, посвятивших свою жизнь географическим исследованиям. Они стремятся полностью изучить богатства своей родной земли, исследовать районы строительства новых гидротехнических сооружений, освоить недра и подчинить все природные богатства разумной воле советского народа, чтобы тем самым внести свой вклад в дело строительства коммунистического общества.

В этой большой и важной работе советские люди не забывают о делах своих предшественников — русских исследователей прошлых веков. Их жизнь для нас пример беспредельной любви к Родине, преданности науке, настойчивости и воли в достижении поставленной цели. На их примере есть чему поучиться будущим географам-исследователям.

В этой книге рассказывается о трудах некоторых великих русских путешественников.

Пусть их дела заронят в сердца юных читателей стремление стать географами, самим предпринять путешествия, которые послужили бы на пользу науке и содействовали бы росту и могуществу нашей любимой Родины!

АФАНАСИЙ НИКИТИН

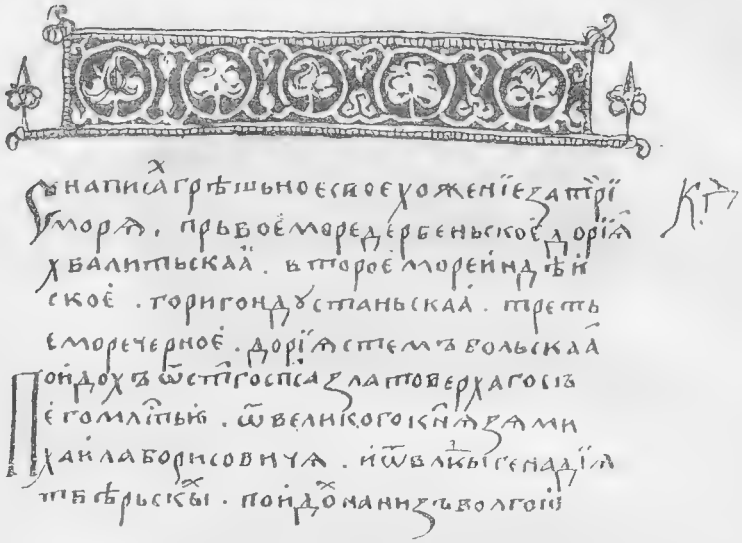


«Хождение за три моря»

В 1466—1472 годах тверской купец Афанасий Никитин совершил замечательное путешествие из Твери (ныне Калинин) в Индию и обратно. Путешественник оставил после себя записки, носящие название «Хождение[1] за три моря», — подразумеваются моря Каспийское, Индийское и Черное. «Хождение» Афанасия Никитина есть литературный памятник мирового значения. Он один из первых в европейской литературе дал правдивое описание Индии, основанное на личных впечатлениях. Через тридцать лет после Никитина Индию посетил португалец Васко да-Гама, но он попал в Индию морем, и ему была известна только прибрежная часть полуострова.

О жизни Афанасия Никитина мы знаем только то, что он сообщает в своих записках. К этому можно

[1] В рукописи было написано «Хожение».



Небольшой отрывок из рукописи Афанасия Никитина «Хождение за три моря».

прибавить, что путешественник скончался в 1472 году на обратном пути, не доезжая Смоленска, а записки Никитина были доставлены после его смерти в Москву.

До Афанасия Никитина Индия была известна на Руси как сказочная, полная чудес страна. Такою она изображалась в популярном в те времена «Сказании об Индейском царстве», а в онежских былинах упоминается об «Индеи богатой». И впервые Афанасий Никитин доставил об этой стране точные сведения. Не напрасно, стало быть, «Хождение» было включено в Московские летописи: значение этого памятника было оценено еще в XV веке.

Путешествие по Волге, Каспийскому морю и Ирану. Пребывание в Ормузе

Из Твери (ныне Калинин) Никитин в 1466 году спустился Волгою до Астрахани. В нижнем Новгороде (ныне Горький) Афанасий присоединился к послу шаха Ширвана, Хасан-беку. Ширван был в те времена самостоятельным владением, включавшим города Закавказья: Шемаху, Баку и Дербент. Владетель Ширвана (шах) отправил к великому князю московскому Ивану III послом Хасан-бека, который в 1466 году возвращался домой, имея с собой, как сообщает Афанасий Никитин, девяносто кречетов, посланных Иваном III шаху в подарок. К этому-то послу и присоединился Афанасий Никитин. Отправились на нескольких судах.

В те времена владения Руси по Волге простирались лишь немного ниже Нижнего Новгорода. Далее начинались земли казанских татар.

Вплоть до Астрахани плавание проходило благополучно. Но ниже Астрахани малое судно, на котором находились товары Афанасия Никитина, было разграблено татарами, которые к тому же убили одного из русских. В устье Волги было захвачено другое судно, большое. Афанасия Никитина татары отпустили за море, назад же, в Русь, не пускали, опасаясь наказания от русских за грабеж.

От устья Волги направились к Дербенту на двух судах: на одном — посол Хасан-бек со своими людьми и с десятью русскими, а на другом — шесть москвичей и шесть тверичей. Повидимому, Афанасий Никитин находился на судне вместе с Хасан-беком. По дороге разразилась буря, и одно из судов разбило о берег, причем местное население (кайтаки — одна из дагестанских народностей) захватило русских и разграбило товары.

Когда Никитин прибыл в Дербент, он узнал, что здесь находится Василий Папин, посол Ивана III к шаху Ширвана. Папин отправился в путь тоже по Волге, но раньше Никитина и благополучно добрался до Дербента. Афанасий Никитин просил Папина и Хасан-бека заступиться за ограбленных и взятых в плен людей. Люди были отпущены.

Из Дербента наш путешественник отправился в Баку, где, по словам Никитина, горит неугасимый огонь. Действительно, близ Баку есть выходы горючих газов.

Отсюда Никитин начал свое путешествие в Индию.

Путь его шел сначала морем на южный берег Каспийского моря, а затем сухопутьем через Персию (Иран) в Ормуз, город на острове в Ормузском проливе, соединяющем Персидский залив с Индийским океаном. Это был оживленный порт, через который велась торговля с Малой Азией, Египтом, Средней Азией, Индией и даже с Китаем. Купцы всех стран находили здесь защиту и покровительство.

«Ормуз — великая пристань, — говорит Никитин, — люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Всё, что на свете родится, то в Ормузе есть. Пошлина же на товары велика, со всего берут десятину» (десятую часть стоимости). Ормуз, между прочим, вел торговлю жемчугом, которым богат Персидский залив.

Про Ормуз Афанасий Никитин говорит, что он лежит на острове и что его ежедневно дважды «заливает море»; имеются в виду приливы, которые здесь, как обычно, происходят два раза в сутки. Никитин правильно отмечает необычайно высокую температуру воздуха в Ормузе: солнце здесь, говорит он, может человека сжечь. О невероятной жаре в Ормузе рассказывают и другие путешественники. Венецианец Марко Поло, дважды посетивший Ормуз, передает, что здесь при домах существовали бассейны, куда спускались жители во время палящего ветра — самума.

Остров Ормуз представляет собою место безводное и лишенное растительности. Достоинством его гавани

было то, что здесь она была недоступна нападениям с суши.

В Ормузе Афанасий Никитин приобрел коня, имея в виду продать его в Индии, где очень ценились кони.

Индия. Чаул и путешествие дальше в глубь Индостана

Через полтора месяца по отплытии из Ормуза Никитин высадился на западном берегу Индии в Чауле, под 18,5° северной широты, к югу от Бомбея. Чаул — это древний город, упоминаемый еще знаменитым географом древности Птоломеем. Чаул, славившийся своей торговлей, входил при Никитине в состав владений мусульманской династии Бахманидов.

Люди здесь, по описанию Никитина, имеют темный цвет кожи, и все ходят почти голыми, носят только платок вокруг бедер. Особенное внимание Никитина обратило на себя то обстоятельство, что женщины ходили с непокрытой головой: это считалось на Руси зазорным. Всё, что говорит наш путешественник об одежде, относится к немусульманскому населению. Нужно сказать,

Индия в 1472 году представляла страну, разделенную на отдельные государства. Мусульманские государства обозначены римскими цифрами без кружков: I — Кашмир, II — Дехлийский султанат, III — Мультан, IV — Синд, V — царство Гуджерат, VI — царство Мальва, VII — царство Хандеш, VIII — царство Бахманидов, IX — царство Бенгалия, X — царство Джауннур. Индийские государства обозначены римскими цифрами в кружках: I — царство Виджаянагар, II — Орисса, III — Гондвана, IV — Раджпутана. Черными кружками обозначены пункты, через которые проходил Афанасий Никитин.

что во времена Никитина Индия была поделена на десять государств, во главе которых стояли мусульманские правители, и на четыре индийских, которыми управляли местные владетели.

Эти владения вели между собой беспрерывные войны. Афанасий Никитин описывает войну между государством Бахманидов и могущественным царством Виджаянагар. Во время этой войны погибло много людей от голода и безводия. При взятии бахманидами одного города попало в плен около двадцати тысяч мужчин, женщин и детей, которых потом продавали за бесценок.

Возвращаемся к описанию путешествия Никитина. За Афанасием Никитиным ходило много народу: «дивились белому человеку».

Среди предметов вооружения местных военных людей наш путешественник называет щит, меч, копье, нож, саблю, лук и стрелы.

Из Чаула Никитин отправился сухим путем в глубь Индостана. Здесь внимание путешественника обратил на себя способ передвижения знатных людей «на людях», то есть на носилках. У «хана» много слонов, которые используются во время военных действий.

Зима здесь начинается с «троицына дня», то есть в начале июня. Никитин называет зимою время, когда наступает летний муссон, приносящий обильные дожди и сравнительную прохладу.

«В течение четырех месяцев, и днем и ночью, всюду была вода и грязь». Действительно, разгар летнего муссона, который в океане дует с юго-запада, приходится на время с июня по сентябрь.

Весна же, согласно Никитину, наступает с «покрова», то есть в октябре, когда прекращаются муссонные дожди. Зимний муссон длится с середины декабря по конец мая. В эти месяцы почти не выпадает дождей, и самым теплым месяцем является май.

Население разводит пшеницу, горох и другие полевые растения. Из кокосовых орехов, а также из коры пальмы приготовляют опьяняющий напиток. Лошадей кормят горохом и вареным рисом.

В Индии Никитин останавливался в подворьях, или караван-сараях. Это были даровые помещения для путников. Таких подворий было в старой Индии множество. Древний обычай вменял правительству в обязанность

13260
Филиал Центральной ВМБ
Библиотека РШВМ СССР

строить подобные приюты между каждыми двумя деревнями. За чистотою в этих домах должны были наблюдать деревенские старосты. Приезжий обязан был сообщить старосте, откуда он и куда идет, по какому делу, на чем приехал, какой касты, где постоянно живет, имеет ли оружие. Ответы на вопросы записывались, а оружие отбиралось на ночь. Для индусов и для мусульман были в подворьях разные помещения.

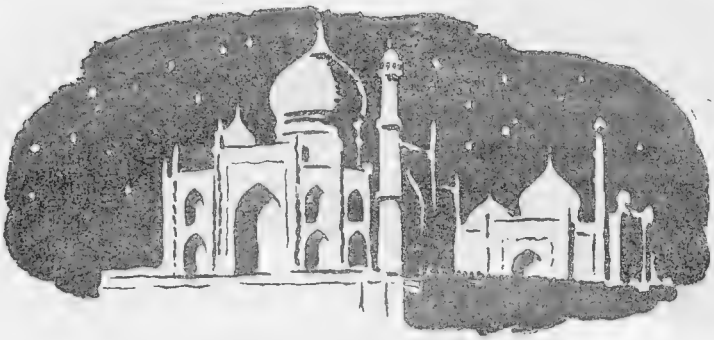
По мусульманским обычаям, иноверцы, то есть христиане или евреи, прибывшие в мусульманскую страну, могли оставаться здесь по своим делам не более года, после чего они должны были или уехать, или принять ислам, или сделаться подданными.

Хан одного из городов Индии отнял у Никитина жеребца, одно содержание которого обошлось нашему путешественнику в сто рублей, и обещал вернуть только в том случае, если Никитин примет мусульманство. Но при посредстве одного хорасанца (Хорасан — страна в северном Иране) удалось уговорить хана вернуть жеребца и не обращать Никитина в свою веру. По этому поводу Никитин иронически замечает: «Русские — братья, кто из вас хочет итти в Индийскую землю, тогда ты оставь

свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю». Но, очевидно, на счастье Никитина, ему пришлось иметь дело не с очень фанатичным мусульманином. Надежды Никитина на возможность торговли с Индией не оправдались: «Ничего нет для нашей земли», «На Русскую землю товара нет». Дешевы только перец и краска, — очевидно, так называемая кубовая, синяя краска, или индиго. За ввозимые товары приходится немусульманам платить высокие пошлины, а кроме того, на море большая опасность от пиратов-кафиров, то есть индусов.

Пребывание в Бидаре. Царство Бахманидов

Четыре месяца провел Никитин в Бидаре. Это большой город, в центре Декана (южная часть Индии), на высоте 700 метров над уровнем моря. В те времена Бидар при-



надлежал мусульманской династии Бахманидов, был столичным городом и славился своими шелковыми тканями, металлическими изделиями и драгоценными камнями. Алмазы из Декана доходили до Европы. Особенной известностью, как источник драгоценных камней, пользовалась Голконда.

В Бидаре был большой конский рынок. Здесь Никитин и продал, не без выгоды, своего жеребца.

Никитин называет Бидар столицей всего Индостана. Но это не совсем верно. Правда, Бахманидское царство было в те времена самым могущественным в Индии, но номинально властителем мусульманского Индостана считался султан, имевший местопребывание в Дели (или Делхи), недавней столице всей Индии. В 1398 году в Дели был провозглашен повелителем всей Индии Тамерлан, но он со своими войсками через три месяца ушел оттуда, оставив после себя разорение и голод. В Дели снова появились местные мусульманские владетели. Во времена Никитина власть делийских султанов почти не распространялась на Декан.

Бидар был богатым, многолюдным городом, и европейские писатели называют его, как и Никитин, «Би-

ГОСУДАРСТВА
БАХМАНИДОВ и ВИДЖАЯНАГАР

дар Великий». Остатки прежнего величия в виде развалин дворцов, мечетей, мавзолеев и других зданий сохранились до сих пор. Но и в настоящее время Бидар — большой город.

Наблюдательный Никитин обращает внимание на тяжелое положение крестьян в Декане: «Земля весьма многолюдна; сельские люди очень бедны («голы вельми»), а

бояре богаты и роскошны; носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10, да свирельников 10».

Во время выездов султанов еще более бросалась в глаза противоположность между причудами и бессмысленной роскошью богачей, с одной стороны, и бедностью и бесправием сельского люда — с другой.

В процессиях, устраивавшихся султанами во время большого мусульманского праздника байрама, выступало до трехсот слонов. Слонов покрывали парчою, а боевых

слонов одевали в стальные латы, иногда золоченые. Во рту у слона была цепь, размахивая которою слон не позволял приближаться к царю; к бивням прикрепляли мечи. На спине у слона устраивали «городок», в котором помещалось от шести до двенадцати вооруженных человек, иногда с пушками (во времена Никитина пушки были широко распространены в Индии; их привозили

сюда из Западной Европы и доставляли обычно венецианцы).

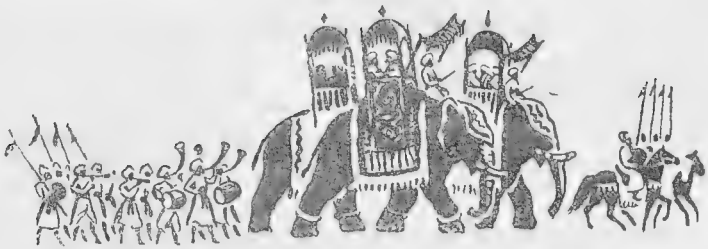
На султане кафтан, усеянный яхонтами; шапка украшена огромным алмазом. Под султаном золотое седло; на нем три окованных золотом сабли, с ним лук, украшенный яхонтами. Перед султаном индеец нес зонт. В процессии принимали участие слоны, верблюды, множество коней в украшенной золотом сбруе, а кроме того, жены султана, свита, музыканты, трубачи, танцовщики. Индийцы, — говорит профессор И. П. Минаев, знаток Индии, — страстные охотники до зрелищ. И в XIX веке в любой столице независимого индийского князя можно было

вдоволь насмотреться на такое же пышное шествие, какое видел в XV столетии Никитин в Бидаре.

Музыканты, певцы, плясуны, даже фокусники были, говорит Минаев, необходимыми участниками пышного выезда индийского властелина. Процессия обычно двигалась не среди торжественной тишины, а сопровождалась оглушительным шумом певцов, трубачей, барабанщиков, конским топотом, ревом слонов и диких зверей.

Слоны в Индии считались символом могущества. У султана Мухаммед-шаха I, правившего в царстве Бахманидов за сто лет до Никитина, было до трех тысяч слонов. Это был самый богатый из царей своей династии: никто из последующих царей, — говорит Минаев, — не грабил столько соседних раджей (местных князей), сколько он: в своих походах он перебил около полумиллиона «неверных» (то есть индусов). Слоны использовались на войне; каждый слон равнялся от пятисот до тысячи всадников. Кроме слонов, в походах участвовали, по словам Никитина, «лютые звери» — вероятно, львы, тигры, леопарды.

Никитин сообщает, что во время торжественных выездов за султаном шло сто обезьян. В Индии обезьяны у индусов-брамаистов почитаются как священные животные. Бог Хануман, один из героев индийского эпоса Рамаяны, считался царем обезьян. В Бенаресе есть даже храм, посвященный обезьянам.



Минаев рассказывает, что в начале прошлого века один индийский владетельный князь устроил свадьбу двух обезьян, на что истратил сто тысяч рупий (рупия — индийская монета). При этом брамины совершили все обряды, полагающиеся при бракосочетании. Устроена была свадебная процессия со слонами, верблюдами, конями. Жених был посажен на носилки, на голове его был венец, а за носилками следовали певицы, музыканты, плясуны. Свадебные торжества продолжались двенадцать дней.

В Бидаре Никитин свел знакомство со многими индусами-браманистами и признался им, что он не мусульманин, не хорасанец Юсуф, за которого он выдавал себя, а русский по имени Афанасий. После этого признания индусы начали относиться к Афанасию Никитину доверчиво, «не стали таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жен своих также не скрывали».

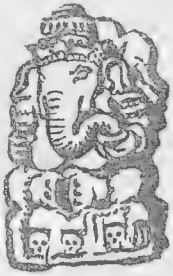
По этому можно судить, что Никитин был необычайно талантливым путешественником: умел завоевывать доверие местного населения, свободно говорил на тюркских, персидских и индустанских языках, отличался веротерпимостью, в случае надобности мог сойти и за мусульманина.

Путешествие дальше Индусы-браманисты

Пробыв в Бидаре четыре месяца, Никитин сговорился с индийцами пойти в Парвату — священное место индусов, их Иерусалим и Мекка, по словам Никитина. Сюда на поклонение съезжалось несметное число индусов, здесь ежегодно, в определенные дни, устраивались ярмарки. В Парвате, которая лежала вне пределов мусульманских владений, находилось много храмов, посвященных богу Шиве. В храмах были идолы в разных образах, то в виде человека с хоботом слона (бог Ганеша), то в виде обезьяны (бог Хануман), то в виде лютого зверя. У одного из громадных каменных идолов лицо обезьяны, хвост перекинут через плечо, а в левой руке меч, а «руку правую поднял высоко и простер как царь Юстиниан в Царьграде». (Имеется в виду

конная статуя Юстиниана в Константинополе, которая во времена Никитина уже не существовала.) Перед идолом, о котором рассказывается, стоит высеченное из черного камня позолоченное изображение огромного быка. Это бык бога Шивы. Быка этого «целуют в копыто и сыплют на него цветы». Вообще у браманистов бык и корова — это священные животные.

«Индийцы, — говорит Никитин, — совсем не едят мяса: ни говядины, ни баранины, ни свинины, не едят птицы и рыбы, не пьют вина». Но это справедливо лишь в отношении некоторых сект. Сам Никитин сообщает, что некоторые едят баранину, кур, рыбу, яйца; говядины же никто не ест. Употребление вина было, действительно, запрещено браманистам; пьяница на том свете, по учению браминов, перерождался в осла. Однако, несмотря на это, в Индии всегда пили крепкие напитки. Но говядину индусы-браманисты тогда, как и теперь, ни при каких условиях не ели, и убить корову считалось большим грехом. Индийцы, говорит Никитин, вола зовут отцом, а корову матерью. Как известно, в молитве браманистов, обращенной к корове, корова именуется блаженною, чистою, дочерью бога Брамы. На их помете, сообщает Никитин, пекут хлеб и варят себе



еду, а пеплом мажут по лицу, по челу (лбу) и по всему телу. Индусы, продолжает Никитин, не едят вместе с мусульманами и даже «друг с другом». Имеется в виду запрещение представителям различных каст есть друг с другом. В Индии считалось предосудительным, если брамин ел то, на что взглянул человек низшей касты, или мусульманин, или собака. Осквернение могло происходить не только от человека другой касты, но и от грешника; поэтому не ели даже со своими: «кто знает, какой великий грех скрыт у кого». Поэтому рекомендовалось не есть вместе с женой. Как передает Никитин, в дороге каждый имел свою посуду и сам готовил себе пищу. Однако брамину разрешалось в пути есть с женою-браминкой. От небрамина брамин мог принимать пищу только после трех дней голода. Еда индусов — рис и разные травы; всё это готовится с маслом. Ложек не употребляют. Если мусульманин посмотрит на еду, «и индеец уже не ест, а когда едят, то некоторые покрываются платком, чтобы никто не видел». Перед едою, как отметил Никитин, индусы совершают омовение — умывают руки и ноги и полощут рот; так это предписывалось древними правилами. Есть нужно было с обнаженной головой (как и у русских) и без обуви.

Индусы едят всё правою рукою, а левою не прикасаются к пище, сообщает Афанасий Никитин. Действительно, индусам-браманистам было запрещено касаться пищи левой рукой.

Мертвых сжигают.

Помимо мест, посещенных им, Никитин рассказывает и о других достопримечательностях Индии: о Каликуте[1] (некогда знаменитый порт на юге Индии), об острове

[1] Не смешивать с Калькуттой в Бенгалии.

Цейлоне, о Пегу (область в южной Бирме). На острове Цейлоне («Силяне») добывают драгоценные камни, среди них рубины, агат, берилл и другие. Водятся там обезьяны и слоны.

Относительно Каликута Никитин сообщает о товарах, какие вывозятся отсюда: это перец, корица, гвоздика, имбирь, мускатный орех и другие пряности. Иносказательно говорит Никитин о морских разбойниках, свирепствовавших в его время у западных берегов

Индии. Во время пребывания нашего путешественника в Индии, летом 1471 года, как раз благополучно закончился поход против одного из независимых пиратских княжеств на берегу океана, на границах владений Бахманидов.

Возвращение на родину

После четырехлетнего пребывания в Индии Афанасий Никитин в конце 1471 года решил вернуться на родину через знакомый ему Ормуз.

Он отплыл из гавани Дабул, которая расположена на западном берегу Индии, к югу от Бомбея. Ныне Дабул — небольшой населенный пункт, но некогда это был значительный торговый порт, куда доставлялось много лошадей.

Через месяц путешественники увидели «Ефиопские горы» — возвышенности на берегу Африки. Очевидно, неблагоприятные ветры занесли судно не туда, куда нужно было. От местного населения, которое имело поползновение разграбить судно, откупились, дав рису, перца, хлеба. Ормуза достигли благополучно. Отсюда Никитин направился не к Каспийскому морю, а к Черному — к Трапезунду. Незадолго до прибытия Никитина, именно в 1461 году, город этот перешел под власть турок.

Местные власти причинили путешественнику «много зла»: унесли весь его скарб к себе в город, произвели тщательный обыск, причем искали «грамот». Дело в том, что Афанасий Никитин прибыл в пределы Турции из воевавшего с Турцией Туркменского государства, и в Трапезунде заподозрили в Никитине шпиона.

Путь Никитина в Индию и обратно
ТВЕРЬ
Н. НОВГОРОД
СМОЛЕНСК
МОСКВА
КАЗАНЬ
КИЕВ
САРАЙ
КАФА
АСТРАХАНЬ
ДЕРБЕНТ
ТРАПЕЗУНД
БАКУ
ТЕБРИЗ
БАГДАД
КУМ
КАШАН
ИСФАГАНЬ
ИЕЗД
ШИРАЗ
КИРМАН
ЛАР
БЕНДЕР
ОРМУЗ
ДЕЛИ
МОСКАТ
КОМБАТ
ЧАУЛ
БИДАР
ДАБУЛ
КАЛИКУТ

В конце концов Никитина отпустили, и он через Крым отправился на родину. Последний пункт, какой упоминает Никитин в своем «Хождении», — это Кафа, или Феодосия, в Крыму, куда путник прибыл 5—6 ноября 1471 года. Не дойдя до Смоленска, Афанасий Никитин весной 1472 года скончался.

«Хождение за три моря» свидетельствует об острой наблюдательности и, вместе с тем, полной добросовестности составителя. Мало того, через всё произведение проходит идея единства русской земли. На чужбине ни при каких обстоятельствах Афанасий Никитин не забывает о родине. Он везде выступает как русский, а не как тверитянин.

Трогательно патриотическое отступление составителя в отношении Русской земли. Отметив, что Грузинская, Турецкая, Волошская (Румынская) и Подольская земли всем обильны и что здесь всё съестное дешево, Афанасий Никитин прибавляет:

«А Русская земля — на этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Но да устроится Русская земля, и да будет в ней справедливость».

Через восемь лет после смерти Афанасия Никитина Русь сбросила с себя монгольское иго и стала самостоятельным государством.

СЕМЕН ДЕЖНЕВ

Плавание из Колымы на Анадырь. Неудача. Новая экспедиция. Мыс Дежнева

Не прошло и полустолетия после покорения Ермаком Сибирского царства, как русские, постепенно продвигаясь на восток от Оби, достигли Тихого океана: в 1639 году Иван Москвитин, с горстью казаков, основал поселение на берегу Охотского моря. Незадолго до этого был основан на Лене Якутск, и эта мощная река пройдена до самого устья. В 30-х годах того же XVII века были открыты Яна, Индигирка, а вскоре и Колыма, на которую пошли морем с устья реки Алазеи (она расположена между Индигиркой и Колымой). В этом походе на Колыму участвовал и казак Семен Иванович Дежнев, один из замечательнейших русских землепроходцев.

В 1647 году холмогорец Федот Попов снарядил в Нижнеколымске небольшой отряд, который должен был плыть морем на восток и искать «рыбью кость» — так в те времена называли моржовые клыки, высоко ценившиеся в торговле. По слухам, много моржей было близ устья реки Анадыря, до которой никто из русских еще не доходил.

К участию в этом предприятии был привлечен Семен Дежнев, который уже тогда был известен своей опытностью и отвагой.

Летом 1647 года четыре судна (по-тогдашнему «кочи»), на которых находились 63 промышленника, вышли из устья Колымы на восток. Однако цель оказалась недостигнутой: из-за непроходимых льдов пришлось вскоре вернуться назад, на Колыму. Но эта неудача не остановила начатого дела. В июне 1648 года снова был снаряжен отряд, теперь уже на шести кочах, которые отправились из устья Колымы 20 июня (старого стиля). Целью опять было достижение реки Анадыря.

Плавание было весьма трудным из-за жестоких ветров. Только через три месяца достигли мыса, который теперь носит имя знаменитого землепроходца Семена Дежнева.

Этот мыс, или нос, Дежнев описывает следующим образом: «А с Колымы реки итти морем на Анадырь реку, есть нос, вышел в море далеко; против того носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных».

Два острова, о которых говорит Дежнев, — это острова Диомида, или Гвоздева, в Беринговом проливе против мыса Дежнева. Зубатыми людьми называли в те времена здешних эскимосов, которые прежде носили в нижней губе украшения из моржового зуба, камня, кости. Для этого протыкали нижнюю губу близ углов рта и вставляли втулки вроде зубьев или округлых бляшек, иногда размерами в 3—5 сантиметров. Чукчи подобных украшений никогда не носили.

Пройдя Берингов пролив, судну Дежнева пришлось опять испытывать сильные бури. Небольшую флотилию разметало в разные стороны, а коч Дежнева, на котором было 25 человек, выбросило на берег где-то к югу от устья реки Анадыря. Это произошло после 1 октября.

Пришлось итти пешком к этой реке десять недель. «Пошли мы все в гору, сами (то есть без проводников), пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы». Когда прибыли к Анадырю в недалеком расстоянии от моря, то из 25 человек осталось в живых только 12.

В следующем, 1649 году Дежнев, построив суда, поплыл по Анадырю вверх и построил на берегу этой реки Анадырское зимовье. Так был закреплен Анадырский край за Россией. Но, помимо того, Дежнев совершил великий географический подвиг: он впервые нашел путь из Ледовитого океана в Тихий океан и тем доказал, что Азия не соединяется с Америкой.

Великий географический подвиг

Читая немногословный отчет Дежнева о его героическом плавании из Колымы на Анадырь, совершенном триста лет назад, нельзя не удивляться отваге русских мореходов и знанию ими своего дела. Надо принять во внимание, что в XVII веке наши моряки плавали по Ледовитому морю[1] в кочах, небольших парусных судах

[1] Ледовитым морем во времена Дежнева называли Ледовитый океан.

длиною менее 20 метров; коч поднимал около 30 тонн груза. Известно, что наши древние мореплаватели пользовались компасом.

Во всяком случае, плавание в Чукотском море и в настоящее время дело нелегкое: вспомним хотя бы о бедствиях, которые пришлось перенести в тех же местах «Челюскину» в 1933—1934 годах.

Достоверность сообщений Дежнева не подлежит никакому сомнению, хотя раньше находились ученые, оспаривавшие истинность донесений мореплавателя и утверждавшие, что он якобы достиг Анадыря не морем, а посуху. Но из самого отчета Дежнева можно убедиться

в подлинности его открытий: ни от кого не мог он получить сведений об островах Диомида и о живущих там «зубатых» эскимосах.

Указывали также, будто о походе Дежнева ничего не было известно ни в Сибири, ни в Москве, пока академик Г. Ф. Миллер не нашел в 1736 году отчета Дежнева в Якутске. Но это неверно.

О походе Дежнева знали и в Сибири, и за границей и до Миллера. Хорват Юрий Крижанич, живший в Тобольске в 1661—1676 годах, написал на латинском языке произведение «Сибирская история», в котором, между прочим, рассказывается следующее: сибирские «воины (то есть казаки) доказали, что Ледовитое море соединяется с тем морем, которое омывает с востока Сибирь и Китай». Эти слова могут относиться только к плаванию Дежнева 1648 года.

Голландец Витсен, посетивший Москву в 1664 году, выпустил в свет на голландском языке обширный труд «Север и восток Татарии», выдержавший несколько изданий. В этой книге, не упоминая имени Дежнева, автор рассказывает о том, как казаки с большими трудностями

обогнули северо-восточную оконечность Азии, причем приводится даже такая деталь, как точное количество судов, принимавших участие в этом плавании.

В Сибири жил и много путешествовал взятый в плен в Полтавской битве швед Страленберг. В 1715 году он в Тобольске составил карту Сибири. В устье Индигирки на этой карте есть надпись: «Отсюда русские, пересекая море, загроможденное льдом, достигли с громадным трудом и опасностью для жизни области Камчатки». На самом деле отправным пунктом этого плавания была не Индигирка, а, как мы видели, Колыма.

Дежнев сообщил об Анадыре ряд любопытных географических сведений. Он составил чертеж этой реки от устьев до верховьев, к сожалению, до сих пор не обнаруженный в архивах. В своих отчетах он дал краткое, но точное описание природы Анадырского края. Река Анадырь, — пишет Дежнев, — не лесна, и соболей по ней мало. В верхнем течении растет редкий лиственничный лес; в долине реки встречаются белая береза и душистый тополь. Помимо долины реки, леса на Анадыре нет. В Анадырь входит из моря много «красной рыбы», то

есть рыбы лососевых пород. Имеется в виду рыба кета, которая массами входит в Анадырь, мечет здесь икру и, по совершенно правильному наблюдению Атласова, после этого вся в реке погибает, не возвращаясь в море.

Дежнев скончался в Москве в 1673 году.

Итак, Дежнев совершил великий географический подвиг, впервые доказав, что Азия отделена на северо-востоке от Америки проливом. Несомненно, по его данным на русских картах второй половины XVII века северо-восток Азии окружен морем.

Анианский пролив и исследования Дежнева

Если мы взглянем на карту Азии в каком-либо из географических атласов конца XVI или всего XVII столетия, то увидим на месте нынешнего Берингова пролива, между Азией и Америкой, Анианский пролив.

Впервые об Анианском проливе упоминает итальянский картограф Гастальди в 1562 году.

Как попало на карты изображение пролива между Азией и Америкой — пролива, обозначенного в том самом месте, где примерно через сто лет был открыт Дежневым пролив, впоследствии названный Беринговым? Можно ли предполагать, что в этих местах кто-нибудь из европейцев плавал в середине XVI века?

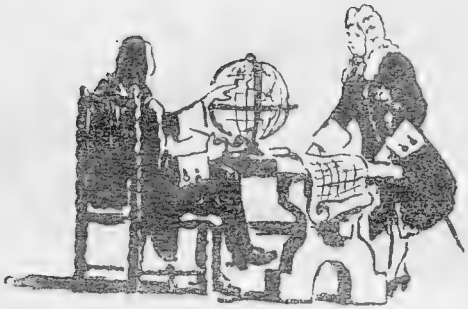
На эти вопросы со всей категоричностью надо ответить: до Дежнева (1648 год) никто из европейцев в области Берингова пролива не плавал, а домысел о проливе между Азией и Америкой есть кабинетное измышление.

Рассуждали так: раз Европа отделяется от Азии и Африки проливами, — значит, вероятно, и Азия отделена

„АННАНСКИЙ ПРОЛИВ"
МЕЖДУ АЗИЕЙ И АМЕРИКОЙ
(ПО КАРТЕ ГАСТАЛЬДИ XVI ВЕК)

проливом от Америки. Название «Аннан» основано на плохо понятом тексте знаменитого итальянского путешественника Марко Поло, посетившего Китай во второй половине XIII века.

Аннанский пролив вскоре нашел у старинных географов всеобщее признание. В январе 1725 года, незадолго



до смерти, Петр I говорил генерал-адмиралу Апраксину: «Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, проложен не напрасно».

Некоторые ученые, даже в XX веке, тоже думали, что Аниапский пролив был в свое время показан «не напрасно». Высказывались предположения, что сведения о Беринговом проливе могли доставить испанские мореплаватели первой половины XVI века, когда из Мексики было отправлено несколько экспедиций на север Тихого океана.

Но такая возможность совершенно исключена. Как мы говорили, Аниапский пролив появился на картах впервые в 1562 году, а испанцы лишь в 1595 году достигли на севере 41,5° северной широты, то есть почти на 25° южнее Берингова пролива.

Итак, Аниапский пролив есть картографическая фантазия, и истинным открывателем пролива между Азией и Америкой является Семен Иванович Дежнев.

Открытие это имеет не только большое географиче-

ское значение, но оно важно еще в том отношении, что Дежнев является основоположником Северного морского пути, впервые освоенного в советское время. Об этом следует вкратце рассказать.

Обследование русскими северного берега Сибири. Северный морской путь

В 1525 году в Риме находился московский посланник Дмитрий Герасимов, опытный и широко образованный дипломат. С его слов была опубликована в том же году на латинском языке (которым, кстати сказать, Герасимов свободно владел) «Книга о посольстве Василия, великого государя московского, к папе Клименту VII». В этом сочинении Герасимов высказывает следующее замечательное пророческое суждение:

«Достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли».

В этих немногих строках заключается целая программа исследовательских

работ по освоению Северного морского пути. Эта задача была завершена, после четырехсотлетних усилий, лишь в советское время, когда корабль «Сибиряков», руководимый капитаном В. И. Ворониным и имея во главе научного штаба знаменитых полярных исследователей профессора В. Ю. Визе и академика О. Ю. Шмидта, в одну навигацию 1932 года прошел из Белого моря вокруг берегов Сибири в Тихий океан.

Итак, открытие северо-восточного прохода из Европы в Тихий океан потребовало громадных трудов и энергии. Над разрешением этой задачи работали такие замечательные русские люди, как Дмитрий Герасимов, Семен Дежнев, Петр I, Беринг и Чириков, Прончищев, братья Лаптевы, Ломоносов, Воейков, Кропоткин, Макаров, Менделеев, и советские исследователи В. И. Воронин, В. Ю. Визе, О. Ю. Шмидт и многие другие. По справедливости, мысль о Северном пути надо назвать национальной русской идеей, так как она была и зачата (в 1525 году) и через четыреста лет окончательно осуществлена (в 1932 году) русскими.

К середине XVII века русскими моряками и землепроходцами был обследован весь северный берег Сибири и было доказано, что между Белым морем и Тихим океаном нет никакой земли, которая преграждала бы путь на восток, чего опасался Дмитрий Герасимов.

К 1646 году русские дошли морем на восток до Чаунской губы.

Дальнейший этап в освоении Северного морского пути был осуществлен в 1648 году Дежневым, имя которого останется навсегда в истории великих географических открытий. Он первый подтвердил догадку Дмитрия Герасимова о возможности Северного морского пути.

Пятьдесят лет назад, в 1898 году, по ходатайству

Карта северного морского пути 1610 г.

Предполагаемый путь от Голландии до Китая (CHINA) помечен кривой линией

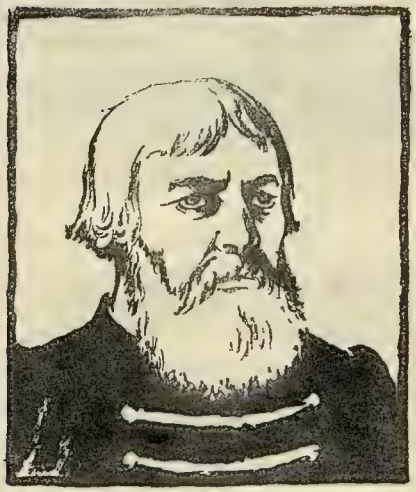
Географического общества имя Дежнева было присвоено описанному им «Большому каменному носу», на азиатском берегу Берингова пролива.

Ни Дежнев, ни Беринг (1728) не видали американского берега Берингова пролива. Честь открытия обоих берегов этого пролива принадлежит не Куку (1778), как обычно думают, а подштурману Ивану Федорову и его помощнику геодезисту Михаилу Гвоздеву.

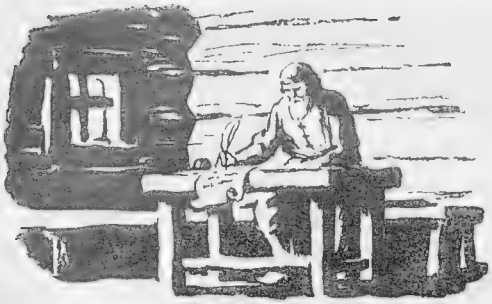
Выйдя 23 июля 1732 года из устья реки Камчатки, они направились к району мыса, носящего теперь имя Дежнева.

Осмотрев острова в Беринговом проливе, они пошли к американскому берегу, носящему теперь название мыса принца Уэльского, произвели съемки и в декабре 1732 года послали подробное донесение о плавании.

Таким образом, Иван Федоров, видевший оба берега Берингова пролива и представивший материал для составления карты, достойным образом завершил дело Дежнева.



ВЛАДИМИР АТЛАСОВ



Первые сведения о Камчатке. Поход Атласова. Присоединение Камчатки к России

В 1949 году исполнилось 250 лет с того времени, как Владимир Атласов присоединил Камчатку к владениям России.

Камчатка расположена примерно между широтами Ленинграда и Киева, но природа этого полуострова совершенно особая: до недавнего времени Камчатка была единственным в нашем отечестве местом, где имеются действующие вулканы. (С воссоединением Курильских островов, в пределы Союза ССР вошла еще одна вулканическая область.)

Наименование «Камчатка» встречается впервые на чертеже Сибири, составленном в Тобольске в 1667 году по распоряжению воеводы Петра Годунова, а в объяснительной записке к этому чертежу, или «Списке с чертежа 1672 года», говорится о реке Камчатке.

Слово «Камчатка» происходит от одного из имен, каким себя называли первоначальные жители (аборигены)

этого полуострова, камчадалы, или ительмены. В настоящее время камчадалы сохранились лишь в нескольких селениях на западном берегу Камчатки, где еще можно слышать ительменскую речь. В остальных местах ительмены смешались с русскими и совершенно забыли свой язык.

Теперь камчадалами называют вообще всех русских, родившихся на Камчатке.

По языку ительмены принадлежат к той же группе, что и коряки и чукчи, обитающие на крайнем северо-востоке Сибири. Все эти три языка — ительменский, корякский и чукотский — занимают совершенно обособленное положение среди языков Сибири.

Коряки обитают в северной части полуострова Камчатки и в прилегающих местах материка. «Коряк» на языке этого народа значит: «оленный».

Каким образом сведения о Камчатке попали на первые русские чертежи?

Во время знаменитого плавания Семена Дежнева Беринговым проливом, осенью 1648 года, бурей разметало его суда. Двое кочей (большие лодки), во главе с Федотом Алексеевичем Поповым занесло на Камчатку. Часть людей Попова, следуя к югу, достигла реки Камчатки, где ими было построено зимовье. От спутников Федота и могли попасть к русским на Анадырь те сведения о реке Камчатке, которые мы находим на чертеже 1667 года.

Однако первым прошел всю Камчатку с севера до юга и дал обстоятельное описание ее казак Владимир Атласов, который и должен считаться открывателем этого полуострова. Им же Камчатка была присоединена к нашему Отечеству.

Р. КАМЧАТКА

Часть „Чертежа Сибири" Петра Годунова
1667 года

Поход Атласова на Камчатку

В 1649 году Семеном Дежневым было основано укрепление на реке Анадыре. В августе 1695 года из Якутска был послан сюда управителем (приказчиком) Владимир Атласов.

Атласов представляет собою личность совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе

с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его, как увидим далее, заключают массу ценнейших этнографических и общегеографических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII века, не исключая и самого Беринга, не дает таких содержательных отчетов.

В начале 1697 года Атласов отправился из Анадырска на юг. С собою он взял 60 русских и 60 юкагиров.[1]

---

[1] Юкагиры — народ, живущий на реке Колыме.

Пошли на оленях на Пенжину. Здесь застали коряков. Этот народ в те времена не имел в своем обиходе железных орудий, хотя понаслышке знал о железных ножах, топорах. Оружие и все хозяйственные предметы коряки изготовляли из камня и кости. Одежду и обувь шили из оленьих шкур. Питались рыбой и зверем. Жили: одни — в юртах из оленьих шкур, другие — в полуподземных землянках. Пенжинские коряки промышляли в море тюленей

и китов, для чего пользовались большими лодками метров по 12 длиной.

С устья Пенжины Атласов шел две недели на оленях по западному берегу Камчатки, а затем повернул на восток, к берегам Тихого океана, к корякам-олюторцам, живущим по реке Олюторе.

На Олюторе Атласов разделил свой отряд на две партии и одной приказал итти вдоль восточного берега Камчатки на юг. Во главе этой партии был поставлен Лука Морозко. Сам же Атласов повернул к западному

берегу и пошел на юг. На реке Палане, впадающей в Охотское море, часть бывших в отряде юкагиров восстала, изменнически убила нескольких казаков, многих, в том числе начальника отряда, ранила, а сама ушла.

В таком тяжелом положении Атласов вынужден был просить себе на помощь отряд Луки Морозки. Извещенные через верного юкагира, те прибыли и выручили Атласова.

Дойдя на юг за устье реки Тигиля, казаки повернули на реку Камчатку. При устье реки Крестовки, впадающей в реку Камчатку, поставили крест с надписью: «205 [то есть 1697] году, июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарыщи». Этот крест был в целости еще во время Крашенинникова, то есть сорок лет спустя.

На реке Камчатке казаки нашли четыре острога (укрепления), а возле них — около четырехсот камчадальских жилищ, или «юрт», как называет эти жилища Атласов.

Камчадалы обрадовались приходу русских и дали ясак (подать).

Такое поведение камчадалов объясняется тем, что у них были взаимные междоусобия. Приведенные в подданство камчадалы просили Атласова помочь им против их же сородичей с низовьев Камчатки, которые нападали на них и грабили. Атласов согласился, посадил служилых людей, юкагиров и камчадалов, в лодки и отправился вниз по Камчатке.

По обе стороны реки было видно много больших камчадальских селений, юрт по 300—500. Через три дня достигли того места, куда звали камчадалы. Здесь было до четырехсот юрт. Отсюда Атласов пошел обратно вверх по Камчатке, на старое место, а для «проведывания» камчадалов, живших по реке Камчатке вниз до моря, отправил казака. Посланный принес известие, что от реки Еловки (приток Камчатки) до моря имеется 160 острожков, в каждом по 150 и 200 человек. Острожками русские называли камчадальские «юрты», то есть землянки, укрепленные земляным валом и частоколом.

Население Камчатки. Быт и нравы камчадалов. Встреча с курилами

О камчадалах Атласов сообщает подробные и крайне любопытные этнографические сведения. «Возрастом», то есть ростом, они невелики, с бородами средними. Одежду носят из соболей, лис и оленьих шкур; украшением одежды служит собачий мех.

Юрты у них, продолжает Атласов, зимние земляные, а летние на столбах, вышиной от земли метров по шести, «а ходят в те юрты по лестницам». Своеобразные свайные постройки, или балаганы, сохранились на Камчатке до нашего времени.

Питаются камчадалы, по словам Атласова, рыбой и зверьем. Земледелия они в те времена не знали. На зиму запасали рыбу, складывали ее в ямы и засыпали их землей. Варили рыбу в деревянных корытах, куда, налив воду, клали раскаленные камни. О том, что камчадалы варили рыбу и мясо в деревянной посуде раскаленными камнями, свидетельствует и исследователь Камчатки академик Крашенинников. Ко второму тому «Описания Земли

Камчатки» (1755) им приложена таблица, на которой изображено, как камчадалы «жир варят из рыбы каленым каменьем в лодках». Способ кипячения воды при помощи раскаленных камней известен и у многих других народов: у индейцев-тлинкитов в северо-западной Америке, айнов, эскимосов, полинезийцев, новозеландцев и других.

Камчадалы изготовляли деревянную посуду и глиняные горшки.

Атласов не упустил отметить, какие русские товары могут найти сбыт у камчадалов: это голубой бисер и ножи, которые можно выменивать на соболей, лисиц и «больших бобров», то есть на так называемых морских бобров.

Морского, или камчатского, бобра правильнее называть морской выдрой: с настоящими бобрами это животное не имеет, кроме качества меха, ничего общего. Это представитель семейства куниц и ближайший родственник речной выдры. Калан, как называют морского бобра зоологи, достигает полутора метров в длину и веса до сорока килограммов.

Каланов некогда ловили в большом количестве на восточном берегу Камчатки, но теперь они сохранились лишь на южной оконечности полуострова, в заповеднике на мысе Лопатка. Кроме того, много каланов на Командорских островах (на острове Медном).

Двести лет назад, во время экспедиции Беринга, каланы целыми косяками встречались на берегу острова Беринга. Они не только не боялись человека, но даже приходили на огонь. Это веселые и грациозные животные. Выйдя из воды, каланы, прежде чем лечь спать, отряхивают с себя, как собаки, воду, потом «умываются», наподобие кошек, передними лапами, приводят в порядок

шерсть и затем укладываются клубочком. В теплые дни каланы играют на берегу, обнимая друг друга передними лапами. Преследуемый на суше калан изгибает спину и шипит как кошка, делая вид, будто хочет броситься на врага. Но для человека он нисколько не опасен.

Самка приносит одного детеныша, за которым ухаживает с большою нежностью, не покидая его даже во время крайней опасности.

Около 1725 года на Камчатке можно было выменять превосходную шкуру калана за нож, а в начале двадцатого столетия шкура калана стоила в Лондоне в оптовой продаже 800 рублей.

Во времена Атласова оружие у камчадалов было такое: лук из китового уса, стрелы каменные и костяные. Железных изделий у них не было. «Огненного» ружья, указывает он, камчадалы очень боятся и русских называют «огненными людьми». Крашенинников сообщает камчадальское название русских: «брахтатын», что значит: «огненные люди»; камчадалы думали, что у русских огненное дыхание.

Когда русские пришли на Камчатку, население этой страны переживало каменный век: металлов камчадалы и здешние коряки не знали. Крашенинников с удивлением рассказывает, как они из камня и кости делали топоры, ножи, стрелы, копья и иглы.

Камчадалы, продолжает Атласов, имеют лодки, которые поднимают человек по десять и по двадцать. Скота никакого не держат, есть у них только собаки величиной, как и у нас, «только мохнаты гораздо, шерсть на

них длиною в четверть аршина». Камчатские собаки — это типичные лайки; они действительно отличаются длинной шерстью. «А соболей промышляют кулемами (ловушками) у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на дереве стреляют».

Объяснялся с камчадалами Атласов при посредстве коряков, живших у русских и знакомых с русским языком.

Когда Атласов вернулся с низовьев реки Камчатки, то убедился, что коряки угнали его оленей. Атласов пошел за ними в погоню, догнал их у Охотского моря и после жаркого боя отбил оленей. Отсюда пошел к реке Иче.

Двинувшись отсюда на юг, он встретил небольшое поселение «курильских мужиков». Это первое упо-

минание о курилах, обитавших на самом юге Камчатки. В стране курилов, сообщает Атласов, теплее, чем у камчадалов, почему и соболи у них хуже; бобров больших (то есть морских) и лисиц много.

Атласов доходил на юг до реки Голыгиной, устье которой рядом с устьем Опалы. По реке Опале жили еще камчадалы, и Голыгина была, таким образом, первой из курильских рек, увиденных русскими. Ее-то и подразумевает Атласов, когда говорит, что «против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть».

Остров, который Атласов видел в море, — это самый северный из Курильских островов, именно Аланд, на котором расположен вулкан Аланд, высотою свыше 2 300 метров.

Курилы, жившие некогда на юге Камчатки, — это камчадалы, смешавшиеся с обитателями северных Курильских островов — курилами, или айнами. На языке

курилов «куру» значит: «человек» (того же значения слово «айну»). В настоящее время айны обитают на юге Сахалина, на двух самых южных Курильских островах и на японском острове Хоккайдо.

О курилах Крашенинников и другие путешественники отзываются весьма сочувственно: они вежливы, постоянны в своем слове, правдивы, честны, миролюбивы; к старикам относятся с большим почтением; между собою живут очень дружно.

С реки Голыгиной вернулись на реку Ичу. Здесь все олени пали, и пришлось зазимовать, поставив зимовье. Отсюда на реку Камчатку Атласов отправил Потапа Сюрюкова с 14 русскими и 13 юкагирами.

Оставшиеся на Иче участники похода стали просить о возвращении на Анадырь. Атласов согласился и 2 июля 1699 года с 15 русскими и 4 юкагирами вернулся в Анадырск, имея с собой в качестве подати 330 соболей, 191 красную лисицу, 10 лисиц сиводушатых (разновидность обыкновенной лисицы с черновато-бурым брюхом, нечто среднее между красной лисицей и чернобурой), 10 бобров морских, одежду соболью, 7 лоскутов бобровых.

До прихода русских соболь у камчадалов не был в большой чести. По словам Крашенинникова, камчадалы отдавали предпочтение собачьему меху перед собольим, а ловили соболей более для мяса, которое употребляли в пищу. Рассказывали, что туземцы смеялись над казаками, променивавшими ножик за 8 соболей, а топор — за 18.

В Анадырск Атласов привез камчадальского «князца», имея в виду доставить его в Москву «для подлинного о той земле уведомления», но на пути камчадал умер от оспы.

Природа Камчатки. Действующие вулканы

Атласов дал первое географическое описание Камчатки.

В нижнем течении реки Камчатки Атласов видел гору, из которой днем идет дым, а ночью пламя. Это Ключевская сопка, ныне действующий вулкан, высотою около 4900 метров, — высшая точка Камчатки, один из самых величественных вулканов всего мира.

Обычно над вершиной Ключевской сопки клубится дым в виде гигантских кочанов капусты, иногда поднимающихся над кратером на два и более километров; из этих клубов дыма нередко сыплются пепел и камни на склоны вулкана.

В 1935 году советские альпинисты спускались в кратер Ключевского вулкана. Они убедились, что кратер имеет диаметр в 250—300 метров и глубину в 50 метров. При спуске в кратер происходило извержение: тучи пепла и камней, из которых многие отливали яркокрасным цветом, веером вздымались на 200—300 метров вверх и с грохотом

летели обратно. Воздух был наполнен удушливыми газами — сернистым газом и хлористым водородом. Грохот и гул потрясали всю чашу кратера.

Во время одного мощного взрыва гигантское облако взвилось вверх и стало поливать всю чашу градом раскаленных камней. Всё же нашим бесстрашным исследователям удалось благополучно выбраться из кратера.

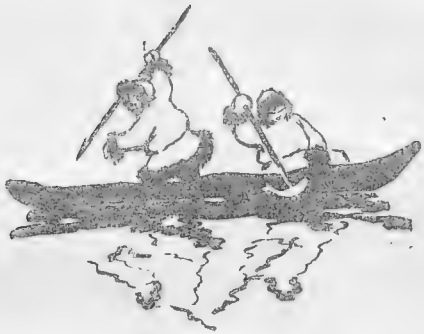
Замечательно, что на Ключевской сопке можно видеть рядом огонь и лед: края кратера покрыты слоем льда, а со склонов вулкана спускаются ледники.

Диких плодовых деревьев на Камчатке нет, как правильно отмечает Атласов, но в лесах много березы, лиственницы, ели и кустарникового кедра. Действительно, хвойные леса центральной Камчатки представлены частью рощами из даурской лиственницы, частью лесами из аянской ели; ель обычно смешана с лиственницей, осиной и березой. Кроме того, по горным склонам растут светлые леса из развесистой и кудрявой «каменной» (то есть горной) березы, у которой кора серая или красноватая. Лесов, подобных сибирской тайге, на Камчатке нет. По долинам рек растет белая береза. Кустарниковый кедр, или кедровый стланец, — это хвойный кустарник или деревцо высотой до трех метров, из рода сосны, орехи которого охотно употребляются в пищу не только человеком, но медведем и соболем.

Из ягод бросились в глаза Атласову брусника, черемуха и очень сладкая жимолость. Много на Камчатке брусники. Плоды здешней черемухи едят с большой охотой как свежими, так и печеными. Здешняя съедобная жимолость имеет прекрасные черно-синие ягоды, употребляемые в пищу как свежими, так и в виде варенья. Из коры этого кустарника прежде гнали водку.

Атласов упоминает об одной высокой траве, из которой камчадалы добывали сахар. Это зонтичное — «сладкая трава». По словам Крашенинникова, из 16 килограммов сухой травы получалось не более 100 граммов сахару. Сок этого растения ядовит, вызывает воспалительные явления. Казаки гнали из сладкой травы водку, заквашивая траву ягодами жимолости или голубики. Но предварительно надо было соскоблить со сладкой травы кожу, иначе получалась весьма вредная водка.

Атласов описывает богатство Камчатки рыбою. Рыба идет из моря в реки в несметном количестве. Есть семь родов рыбы, отличной от «русских» рыб. Из рек она в море не возвращается и вся погибает в реках. Одну из таких рыб Атласов, со слов местного населения, называет овечиной. Это чавыча, рыба из восточных лососей, самая ценная и самая крупная из камчатских рыб, входящих из моря в реки для икрометания (таких рыб называют проходными), она бывает весом до 40 килограммов и длиной до метра. В старые времена у камча-



далов был обычай — первую выловленную чавычу испечь на огне и затем съесть «с изъявлением превеликой радости», как говорит Крашенинников.

Атласов совершенно правильно отметил, что чавыча и родственные ей тихоокеанские лососевые, каковы кета, горбуша, нерка и некоторые другие, мечут икру раз в жизни, а затем погибают. По словам Атласова, рыбы (здесь имеется в виду красная рыба, или лососевые) входит в реки «горазло много».

Вот как описывает Крашенинников, бывший на Камчатке в 1737—1741 годах, ход лососевых:

«Все рыбы на Камчатке идут летом из моря в реки такими многочисленными рунами (стаями), что реки от того прибывают и, выступая из берегов, текут до самого вечера, пока перестанет рыба входить в их устья. По сбытии воды остается на берегах сонной рыбы столь много, что такого числа в больших реках нельзя надеяться. Ежели острогою ударишь в воду, то редко случается, чтоб не забагрить рыбу. Медведи и собаки в том случае больше промышляют рыбы лапами, нежели люди в других местах бреднями и неводами».

Р. АНАДЫРЬ
Р. ПЕНЖИНА
АНАДЫРСКИЙ ОСТРОГ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
Р. КАМЧАТКА
КЛЮЧЕВСКАЯ СОПКА
АВАЧИНСКАЯ СОПКА
КАМЧАТСКОЕ МОРЕ
ПОХОД В. АТЛАСОВА НА КАМЧАТКУ

Первые сведения о Японии

Помимо присоединения Камчатки к нашему Отечеству, благодаря энергии Атласова были впервые получены весьма ценные сведения о Японии.

Во время своего похода по Камчатке Атласов узнал, что у камчадалов содержится пленник, которого те называли «русаком». Это был японец из города Осака на острове Хондо. Он жил на Камчатке уже два года, и Атла-

сов объяснялся с ним при посредстве корякского переводчика. Японец — его звали Денбей — рассказал Атласову, что он, в качестве служащего одного купца, отправился из Осаки морем на 30 больших лодках, или бусах, каждая длиною по 30 метров, имея в виду доставить в «Индию» товары: рис, рисовую водку, сахар, ткани, фарфоровую посуду, железо. («Индия» — это результат взаимного непонимания: на самом деле Денбей вез товары в японский город Иеддо, или нынешний Токио; на диалекте жителей Осаки Иеддо звучит: «Ендо».)

Во время пути разразилась буря, и судно, после шести месяцев скитаний в море, выбросило на западный берег Камчатки, южнее устья реки Большой. Местные жители — помесь между камчадалами и курилами, которых русские называли «курилами», — не очень дружелюбно

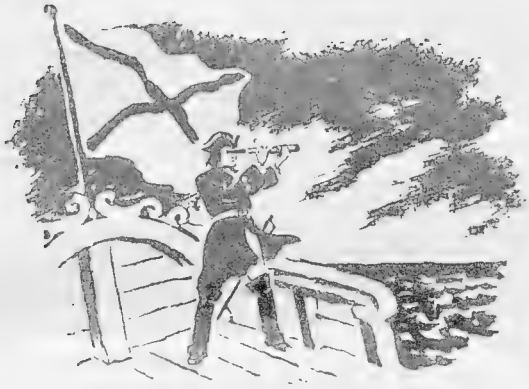
встретили пришельцев. Денбея ранили в руку. Захватили товары, причем ткани и железо взяли себе, рис и сахар выкинули из бочек, а водку вылили в море, оставив бочки для сохранения в них рыбы. На судне было пуда четыре золотых монет; но так как золото не было известно «курилам», то они роздали его своим детям для игры.

Из двенадцати японцев, бывших на судне, троих взяли в плен местные жители, а остальные девять угребли неизвестно куда. Товарищи рассказчика погибли в плену. Русским Денбей очень обрадовался. Атласов отнял пленника у местных жителей, поместил его вместе с русскими, а затем взял с собою в Анадырск. Отсюда Денбей был направлен в Москву, где в январе 1702 года представлен Петру I. Это был первый японец в России. Петр велел обучать его русскому языку, а когда он русскому языку и грамоте выучится, дать ему в обучение японскому языку троих или четверых русских ребят.

В Москве Денбей сообщил чрезвычайно любопытные сведения о своем плавании, о Камчатке, а особенно о Японии. К тому времени японец говорил недурно по-русски. Он сообщил подробные и достоверные сведения о своем государстве.

Таким образом, благодаря энергии Атласова не только была присоединена к нашему Отечеству Камчатка, но доставлено географическое описание этого полуострова и первые сведения о Курильских островах и о Японии.

А. И. ЧИРИКОВ



Организация Великой северной экспедиции

Капитан Алексей Ильич Чириков, виднейший из участников Великой северной экспедиции 1725—1742 годов, принадлежит к числу выдающихся русских мореплавателей.

Великой северной экспедицией называется крупное русское географическое предприятие, во главе которого в 1725 году Петром I был поставлен Беринг. История этой экспедиции такова.

Один из сподвижников Петра, корабельный мастер Федор Степанович Салтыков, подавал царю в 1713 и 1714 годах записки, в которых советовал построить суда в устьях сибирских рек и на этих судах плыть вдоль северных берегов Сибири, чтобы проведать путь до устья Амура и до Китая. Целью этого предприятия было установление торговли со странами Дальнего Востока.

Война со Швецией долго не позволяла приняться за осуществление этих проектов.

Но как только был заключен мир, в 1721 году Петр направил в устье Оби знающих людей для разведки: нельзя ли в этом месте устроить порт? В благоприятном случае предполагалось построить здесь суда и на них перевозить товары в Японию. Но эта попытка не увенчалась успехом.

Однако в феврале 1725 года (старого стиля) из Петербурга была отправлена на Дальний Восток экспедиция во главе с капитаном Иваном Ивановичем Берингом.

В данной ему Петром I инструкции предписывалось построить суда на Камчатке и на них проведать, соединяется ли Азия с Америкой.

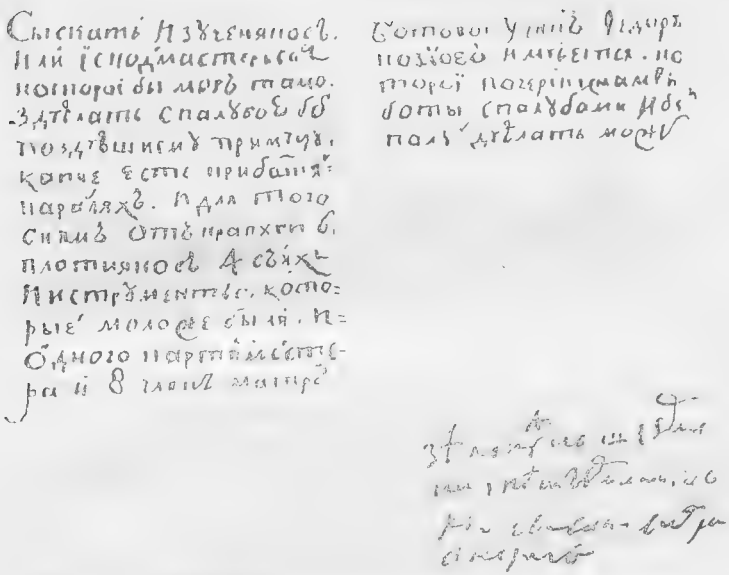
Но разрешение этого географического вопроса было не единственной целью. Предполагалось, если между Азией и Америкой есть пролив, организовать торговлю с Японией, Китаем и Индией северным морским путем.

В числе участников первой камчатской экспедиции был лейтенант Алексей Ильич Чириков, один из славнейших русских моряков. Это был прекрасно образованный офицер, скромный, честный и, вместе с тем, твердый в исполнении своего долга.

В 1721 году Чириков окончил Морскую академию в Петербурге, причем показал такие успехи, что сразу был произведен в унтер-лейтенанты. А в следующем году он был назначен преподавателем в ту же Морскую академию.

Хотя Чирикову в 1725 году не было еще полных двадцати двух лет, он был назначен первым помощником Беринга.

План экспедиции был таков: доставить людей и грузы



Один из пунктов Указа Петра I о посылке экспедиции Беринга. В пункте третьем этого Указа написано: о подыскании ученика или подмастерья, который мог бы сделать бот в Охотске. Внизу пометка рукой Петра I: «Зело нужно штурмана и подштурмана, которые бывали в пордной Америке».

через Сибирь в Якутск, а отсюда — в Охотск на берегу Охотского моря. Затем надлежало переправиться на Камчатку и далее морем проведывать, соединяется ли Азия с Америкой.

Перевозка грузов через Сибирь представляла громадные трудности. Чтобы дать представление о тогдашних условиях транспорта, приведем следующий пример. Из

Якутска часть снаряжения была отправлена в Охотск вьюками на 663 лошадях. Из них 267 пали в дороге. Более громоздкие вещи были посланы водою, по рекам. Но караван был застигнут морозами. Начальник каравана, лейтенант Шпанберг, человек грубый и жестокий, распорядился часть вещей перевезти на санях, запрягая в них людей. Из ста саней только сорок достигли с величайшим трудом Охотска в январе 1727 года.

В Охотске в это время было всего с десяток дворов, и для размещения многочисленной команды пришлось строить избы. Кроме того, нужно было готовить суда.

Лошади, пришедшие в Охотск, все пали от бескормицы, и команда должна была на себе таскать камни, глину, лес. Людям же пришлось дотаскивать на себе разбросанные по пути грузы. С ропотом пошли они на эту работу в феврале. Многие погибли, немало людей разбежалось. Только в апреле часть из этих вещей была доставлена в Охотск.

Осенью 1727 года вся экспедиция собралась на западном берегу Камчатки, в Большерецке. Здесь в это время

было всего четырнадцать дворов русских. Зимою часть грузов на камчадальских собаках была перевезена на восточный берег Камчатки. Для ночлега приходилось устраивать себе пристанище в снегу. В Нижнекамчатске, в низовьях реки Камчатки, было построено судно «Св. Гавриил» длиною в 18 метров.

Первое плавание. Неудача. Встреча с чукчами

25 июля 1728 года судно вышло из устья реки Камчатки, погрузив провианту для сорока человек на год.

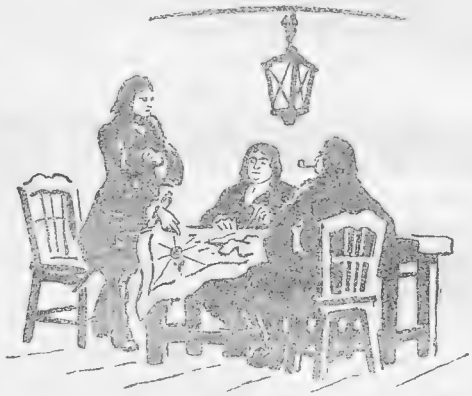
Шли на север. Под 64,5° северной широты к судну пригребли в кожаной лодке восемь чукоч, с которыми вели переговоры при посредстве переводчиков-коряков, находившихся на «Св. Гавриле».

Чукчи сообщили, что в море есть остров, на котором живут люди их рода. Действительно, через два дня был открыт остров, названный островом св. Лаврентия. Но следует иметь в виду, что на этом острове живут не чукчи, а эскимосы.

Вскоре вошли в пролив, который теперь называется Беринговым. 24 августа под широтою 65,5° стали держать совет, итти ли дальше к северу и, если итти, то как далеко.

Чириков советовал повернуть на запад к устью реки Колымы, ибо иначе нельзя разрешить вопроса, соединена ли Азия с Америкой или нет: Азия могла соединяться с Америкой и западнее того места, где находился «Св. Гавриил». В случае надобности, продолжал Чириков, следует поискать гавани, где можно было бы зазимовать.

Однако Беринг не последовал совету рассудительного и храброго моряка и через два дня, не видя нигде земли,



велел повернуть обратно, решив, что задача решена: Азия не соединяется с Америкой. Как мы видели, этот вопрос был еще за 80 лет до Беринга разрешен Дежневым, но в то время об открытиях Дежнева было мало кому известно.

На обратном пути Беринг открыл в самом узком месте Берингова пролива остров Диомида. На самом деле здесь два острова: Ратманова и Крузенштерна. Между ними теперь проходит граница, отделяющая СССР от Соединенных Штатов Северной Америки. В самом узком месте пролива Беринга Азия отделена от Америки расстоянием в 89 километров.

Остров Ратманова, принадлежащий Союзу ССР и населенный эскимосами, имеет в длину 5 километров; берег Азии отстоит на 32 километра от острова.

Другой остров, Крузенштерна, расположен в $3^1/_2$ километрах от соседнего и в 40 километрах от берега Америки, именно — от Аляски. Живут на нем тоже эскимосы. В ясные дни с острова Крузенштерна можно видеть оба материка: Азию и Америку.

На обратном пути снова встретились с чукчами, которые привезли для продажи мясо, рыбу, шкуры лисиц и песцов.

12 сентября прибыли после полуторамесячного плавания в устье реки Камчатки.

8 марта 1730 года Беринг, Чириков и другие участники экспедиции вернулись через Сибирь в Петербург.

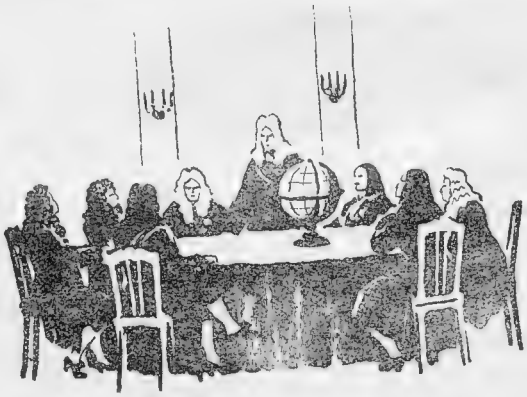
Здесь Берингу было указано, что он не решил с очевидностью поставленный перед ним вопрос, соединена ли Азия с Америкой, ибо, как говорил Чириков, мост между материками мог находиться западнее или севернее курса «Св. Гавриила».

Поэтому вскоре по возвращении Беринг представил проект новой экспедиции. Указ о снаряжении ее последовал в апреле 1732 года.

Цели второй камчатской экспедиции были таковы: установить, есть ли соединение «Камчатской земли» с Америкой, достичь берегов Америки и исследовать все стороннe эти берега, проведать Курильские острова и Японию, узнать, можно ли пройти морем из устья Колымы до Анадыря и Камчатки.

По проекту Беринга, и вторая экспедиция должна была достичь Камчатки сухим путем, через Сибирь, как и первая.

Однако президент адмиралтейств-коллегии адмирал Николай Федорович Головин внес предложение осуществить экспедицию морским путем — кругом Южной



Америки, мимо мыса Горн и Японии. Головин брался даже стать во главе такого предприятия.

Но эта замечательная мысль в те времена не нашла поддержки, и первое русское кругосветное плавание состоялось лишь в 1803—1806 годах под начальством капитанов Крузенштерна и Лисянского, избравших именно тот путь, который был предложен Головиным, — мимо мыса Горн.

Вторая камчатская экспедиция. Новые открытия

Вторая камчатская экспедиция направилась на Дальний Восток, так же как и первая, через Сибирь.

Первым помощником Беринга был назначен А. И. Чириков.

Кроме партии, которой надлежало плыть Тихим океаном к Америке, было снаряжено еще два отряда: один, — которому поручалась опись северных берегов Сибири; другой, — целью которого были всесторонние исследования Сибири. В состав этого последнего отряда входил, между прочим, С. П. Крашенинников, знаменитый путешественник по Камчатке.

Среди славных моряков, впервые положивших на карту северные берега Сибири, нужно упомянуть имена Овцына, Прончищева, братьев Лаптевых, Челюскина и многих других.

Опись северных берегов Сибири есть совершенно исключительный подвиг, делающий имена наших моряков бессмертными в истории географических открытий.

Только через два с лишним года грузы экспедиции

были доставлены в Якутск. К концу 1736 года в этом городе собрались Беринг, Чириков и другие участники,— всего, считая с командой, служилыми и ссыльными, назначенными для перевозки тяжестей в Охотск, до 800 человек. Понятно, что управлять таким громадным количеством людей было очень трудно. Одного продовольствия требовалось в год до десяти тысяч центнеров.

Весною 1737 года Чириков прибыл в Охотск. Здесь экспедиция занялась постройкой судов.

В начале 1740 года Чириков сделал Берингу такое предложение: он отправится в плавание на северо-восток от Камчатки с целью осмотреть берега Америки, а к осени вернется в Охотск. Но Беринг отверг этот план как не соответствующий инструкции.

Осенью 1740 года суда (пакетботы) «Св. Петр», под начальством Беринга, и «Св. Павел», под командой Чирикова, вошли в Авачинскую губу на Камчатке. Гавань, где остановились суда, одну из лучших в мире, Беринг назвал Петропавловской в честь судов экспедиции. Здесь был основан Петропавловск, в настоящее время

сильно разросшийся и процветающий центр Камчатской области.

15 июня 1741 года «Св. Петр» и «Св. Павел» вышли, наконец, из Авачинской губы в море, имея: первый всего 77 человек команды, второй — 75.

Беринг следовал впереди, а Чириков позади, километрах в восьми. Но через два дня Беринг приказал Чирикову итти впереди, отдавая преимущество его опытности.

1 июля суда находились примерно в 180 километрах

к югу от острова Амчитка, одного из Алеутских островов. Здесь во время свежего ветра суда потеряли из виду друг друга и более никогда уже не встретились.

27 июля Беринг, после полуторамесячного плавания, увидел американский берег: снеговые хребты и громадную гору св. Ильи, одну из высочайших в Северной Америке, — она достигает высоты в 5 520 метров. После высадки на острове Каяк (примерно под 60° северной широты) Беринг повернул обратно к Камчатке. На пути туда были открыты острова Шумагинские, Алеутские и Командорские.

После весьма бедственного плавания судно потерпело крушение у острова, названного впоследствии именем Беринга. Здесь 8 (19) декабря 1741 года, ровно через месяц после высадки на остров, Беринг скончался.

Плавание Чирикова. Неизвестная земля. Индейцы

Разлучившись с пакетботом «Св. Петр», Чириков сначала искал его, а потом направился к берегам Америки. В ночь на 26 июля 1741 года под 55°36′ северной широты увидели высокие горы и лес. Это был мыс Аддингтона на одном из островов к западу от острова принца Уэльского, в южной части нынешней территории Аляски, в области распространения индейцев-тлинкитов.

Таким образом, Чириков достиг американских берегов на полтора суток раньше Беринга. Не найдя удобного

места для стоянки, Чириков повел свое судно вдоль берега на северо-запад.

Через два дня, под широтою 57°50′, послали на берег штурмана Абрама Михайловича Дементьева с десятью вооруженными людьми. Им дана письменная инструкция об отыскании якорного места, об условленных сигналах с кораблем «Св. Павел» и о переговорах с жителями. Требовалось узнать: как называется земля, под чьею она властью, сколько жителей. Для местного населения были переданы подарки: один котел медный и один железный, двести штук коралловых бус, китайский табак, иглы, китайские материи, а также русские бумажные деньги на сумму десять рублей — рублевиками.

Далее наказывалось осмотреть землю, леса и травы, искать драгоценных камней и руд, для чего дан образец серебряной руды. Посланные должны были возвратиться не позднее, чем на следующий день. С судна видели, как шлюпка приближалась к берегу, а как приставала, того не усмотрели.

Посланных ждали неделю, но они не возвращались.

В течение этой недели днем на берегу, в месте предполагаемой высадки Дементьева, был замечен огонь. Отправили туда на последней оставшейся лодке боцмана Савельева с одним матросом, с плотником и конопатчиком, дали также запас провизии. Погода была тихая. Видели, как посланные пристали к берегу, но условленного сигнала, зажженного огня, от них не последовало. И эти посланные не вернулись.

Судьба пятнадцати человек из команды Чирикова неизвестна. Чириков думает, что они были предательски умерщвлены здешними индейцами-тлинкитами. Но это мало вероятно: местное население никогда не видало европейцев и не имело основания их опасаться. Возможно, что лодки попали в водоворот, образуемый приливо-отливными течениями, и погибли. Такой случай произошел в этих местах в 1786 году с двумя лодками путешественника Лаперуза.

О штурмане Дементьеве отзываются, что это был человек «молодой, добродетельный, опытный в своем ремесле и ревностный к службе отечества».

На следующий день после отправления Савельева со «Св. Павла» заметили две лодки, сначала принятые за

свои. С одной из них, на довольно далеком расстоянии, люди кричали «агай, агай!» — но обе воротились. По-тлинкитски «агау» значит: «иди сюда».

То обстоятельство, что индейцы не хотели приблизиться к судну, утвердило Чирикова в мысли, что они или убили посланных людей, или взяли их в плен. Как бы то ни было, потеря обеих лодок не позволяла делать дальнейшие попытки к высадке. Нельзя было запастись свежей водой.

Решено было итти назад, на Камчатку. Сначала плыли на запад, в недалеком расстоянии от берега. Мореплаватели имели перед собою величественный хребет св. Ильи, покрытый снегами и мощными ледниками. Здесь, у самого берега, вздымались к небу громадные обрывистые пики высотой до 6000 метров. Ледники в этих местах доходят до самого берега моря. На высоте 600 метров над уровнем океана уже находятся

вечные снега. Немного есть на земле картин природы, которые по величию могли бы сравниться с тем, что видел в Америке Чириков.

Близ берегов встречали китов, сивучей, моржей, котиков, множество птиц. (Сивуч принадлежит к семейству ушастых тюленей, куда относится и котик.)

Провианта на корабле было мало, еще меньше — воды. Чириков распорядился собирать во время дождей стекавшую с парусов воду. С первых чисел сентября команду стали кормить кашей дважды в день только через два дня в третий, а офицерам давали еду лишь раз в день, а воды всем отпускали столько, чтобы только утолить жажду.

Алеутские острова. Встреча с алеутами и обмен подарками

19 сентября, после свежего ветра, среди непроницаемого тумана, внезапно заштилело, и судно оказалось у самого берега. Едва успели бросить якорь. На следующее утро, когда прояснилось, увидели, что судно занесено в небольшую бухту с высокими безлесными каменистыми берегами.

Это был остров Адак, один из крупных Алеутских островов в группе Андреяновских.

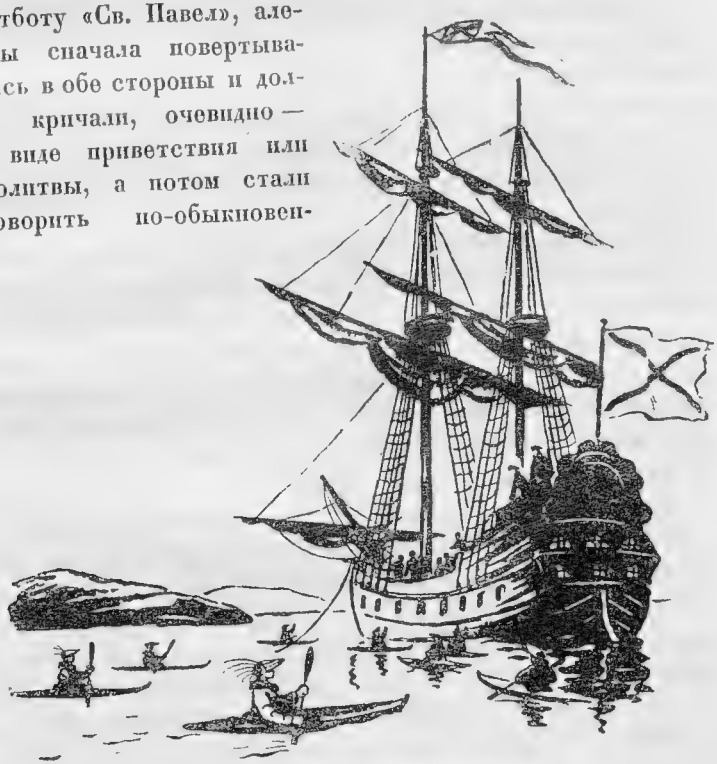
Поутру на семи обшитых кожею байдарах подъезжали местные жители, в каждой — по одному. Это были алеуты — народ, впервые открытый экспедицией Беринга.

За пять дней до Чирикова с алеутами встретился на Шумагинских островах Беринг. Живут алеуты на островах Алеутских, Шумагинских, а также на западном бе-

регу полуострова Аляски. По языку они родственны эскимосам. „Алиют“ — по-чукотски значит «островитяне». Так как с Берингом был переводчик чукча, возможно, что русские от него и услыхали это название. Сами себя алеуты называют унанган.

В половине XVIII столетия алеуты еще, в сущности, жили в каменном веке, и железо только что начало проникать к ним.

Приблизившись к пакетботу «Св. Павел», алеуты сначала повертывались в обе стороны и долго кричали, очевидно — в виде приветствия или молитвы, а потом стали говорить по-обыкновен-



пому. Но на корабль, несмотря на приглашения, взойти не пожелали.

Алеутские лодки были сплошь покрыты обшивкой из тюленьих или сивучьих кож. В некотором расстоянии от кормы был устроен люк с оторочкой из китовых кишок. При помощи шнурка эту оторочку можно затянуть и снова распустить. Сев в лодку через люк, алеут стягивает оторочку вокруг тела; таким образом, вода не может проникнуть внутрь лодки.

Путешественники не находят достаточно слов для похвал алеутской байдарке. Веннаминов, много лет проживший на Алеутских островах, говорит: «Байдарка алеутская столь совершенна в своем роде, что и самый лучший математик очень немного и едва ли что-нибудь может прибавить к усовершенствованию ее морских качеств».

Весло при байдарке двулопастное, то есть имеет лопасть вверху и внизу. Во время гребли весло держат посредине и гребут по обе стороны, то верхнею, то нижнею лопастью. Парусов алеуты никогда не употребляли. Необходимой принадлежностью байдарки служил пузырь, то есть вычищенный сивучий или тюлений желудок; если лодка опрокинется, то, держась за пузырь, ее можно повернуть килем вниз.

Управляли байдаркой алеуты с величайшим искусством; никакой ветер, никакое волнение не страшны им. На байдарке алеуты могли пройти до десяти километров в час, и шлюпка догнать их не в состоянии. Лодка так легка, что на суше ее свободно можно нести, вставив правую руку в люк.

На сидевших в байдарках алеутах Чириков заметил рубашки, сшитые из китовых кишок.

Подарки, которые предлагались алеутам, — чашки,

звонки, табак, трубки для курения, иголки, материя, даже медный котел — производили на них мало впечатления.

Китайскую чашку и материю они бросили в воду, а медный котел вернули обратно: он алеутам был не нужен, так как пищу они не варили, а употребляли в сыром или вяленом виде или же жарили на каменных сковородах.

Единственно, что они хотели получить, — это ножи. Алеутов просили привезти в обмен на ножи воду. Действительно, несколько человек привезли в пузыре воду, но, получив нож, воды не хотели дать, требуя на каждого по ножу.

Алеуты дарили нашим черную краску, которая служила у них для раскраски лица во время религиозных церемоний.

Чириков описывает своеобразные алеутские шляпы из древесной коры, выкрашенные в разные цвета. Шапок алеуты вообще не носили, но при поездках на байдарках употребляли деревянные шляпы с длинным козырьком, имевшие назначение защищать глаза от морских брызг. Шляпы эти ценились очень дорого. Одну такую шляпу алеуты подарили Чирикову.

Вечером того же дня «Св. Павел» снялся с якоря и продолжал свое плавание на запад.

Трудности. Возвращение на Камчатку и новая экспедиция

Недостаток воды и пищи давал себя чувствовать всё более и более. Стали варить кашу только через день, а в остальное время питались сухарями и маслом, иногда отваривая солонину в морской воде. С 25 сентября стали варить кашу по одному разу в неделю и выдавать в день только по пяти чарок воды.

Из команды многие были больны цынгой. В конце сентября заболел и Чириков и уже не мог выходить наверх.

Управление судном было поручено штурману Ивану Елагину, который тоже был болен. За распорядительность и служебную дисциплину Чириков произвел Елагина в лейтенанты.

Во время плавания усмотрели два из самых западных Алеутских островов — Агатту и Атту.

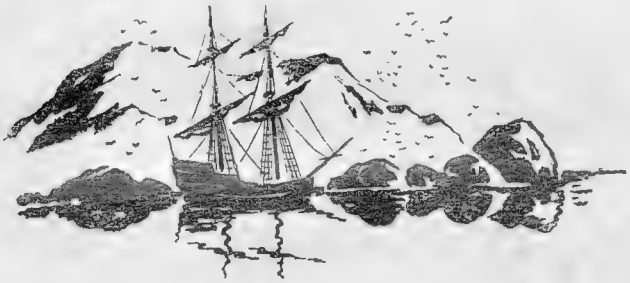
Наконец, 19 октября 1741 года мореходы увидели

Авачинскую губу на Камчатке. Из семидесяти человек экипажа вернулись только 49.

Плавание Чирикова есть истинное торжество мореходного искусства. Несмотря на бедствия от недостатка

воды и пищи, от цынги и невероятных штормов, Чирикову всё же удалось привести свое судно обратно на Камчатку.

В следующем, 1742 году Чириков, не совсем еще оправившийся от болезни, решил опять заняться исследова-



нием американских берегов. Имея только одного офицера Елагина, он вышел из Авачинской губы на восток и положил на карту гористый безлесный остров, названный им островом Федора (ныне остров Атту).

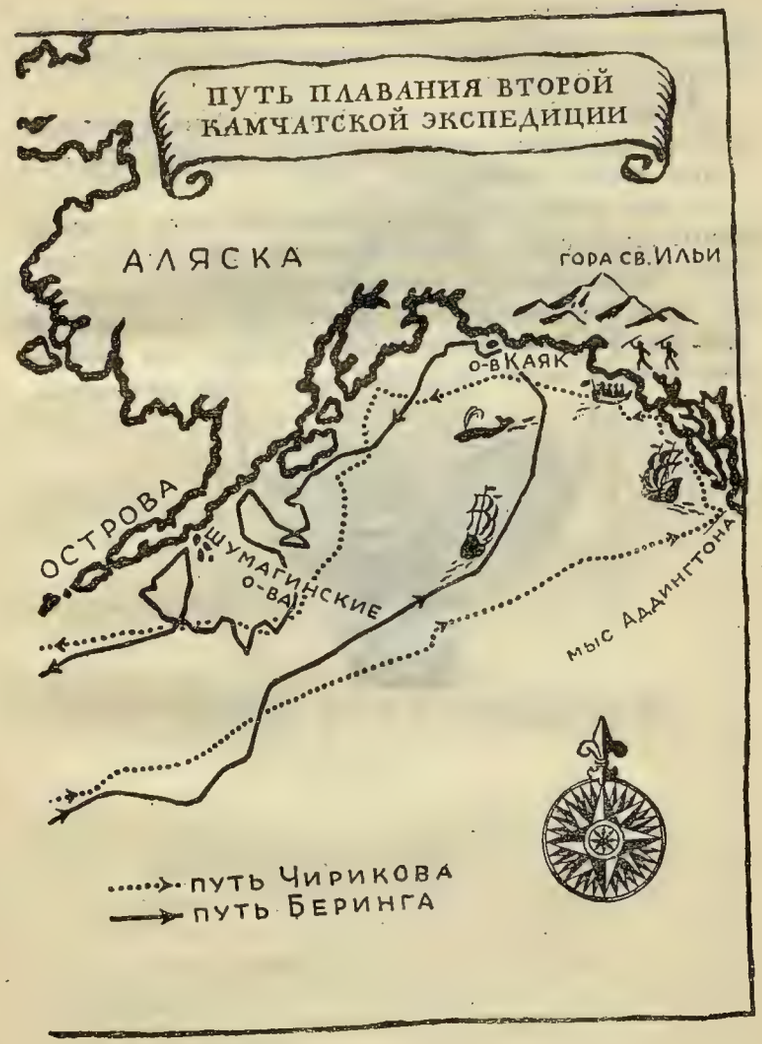
Из-за неблагоприятных ветров и постоянных туманов Чириков был вынужден повернуть обратно к Камчатке. На обратном пути Чириков видел остров Беринга, обошел его с южной стороны и назвал его островом св. Иулиана.

Был момент, когда «Св. Павел» находился всего в семи километрах от берега острова, на котором тогда терпел бедствие экипаж «Св. Петра», о чем Чириков не знал.

12 июля Чириков вернулся в Петропавловскую гавань, а через полтора месяца был в Охотске.

Здесь пакетбот «Св. Павел» был поставлен в безопасное место, а сам Чириков с частью команды отправился в Якутск.

П-ОВ ЧУКОТСКИЙ
БЕРИНГОВ ПРОЛИВ
О-ВА ДИОМИДА
О-В ЛАВРЕНТИЯ
КАМЧАТКА
КОМАНДОРСКИЕ О-ВА
О-В БЕРИНГА
ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ГАВАНЬ
О-В АТТУ
О-В АГАТТУ
О-В КЫСКА
АЛЕУТСКИЕ


ПУТЬ ПЛАВАНИЯ ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
АЛЯСКА
ГОРА СВ. ИЛЬИ
О-В КАЯК
ОСТРОВА
ШУМАГИНСКИЕ О-ВА
МЫС АДДИНГТОНА
ПУТЬ ЧИРИКОВА
ПУТЬ БЕРИНГА

Затем он жил в Енисейске и только в марте 1746 года вернулся в Петербург, где составил две карты северной части Тихого океана.

Вскоре он был назначен в Москву. Здесь этот великий мореплаватель скончался в начале декабря 1748 года в чине капитан-командора.

В лице Алексея Ильича Чирикова мы чтим одного из самых выдающихся путешественников. Знанием морского дела, образованностью, преданностью делу он превосходил всех участников обеих камчатских экспедиций. И прав был М. В. Ломоносов, когда говорил, что Чириков был главным лицом во второй камчатской экспедиции.

В. М. ГОЛОВНИН

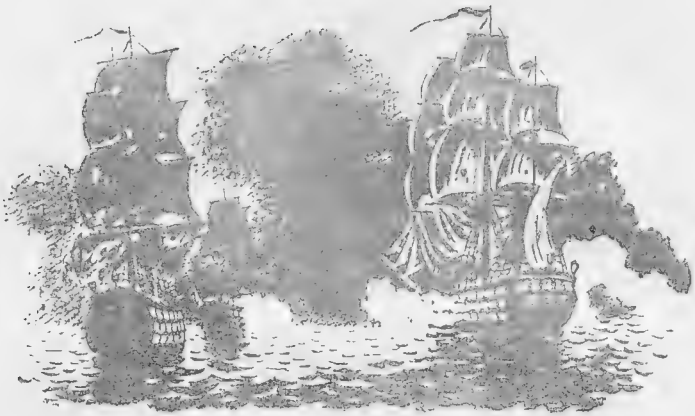
Годы ученья и первые плавания

Есть три великих русских мореплавателя, которыми гордится как русская наука, так и русский военный флот. Это—Василий Михайлович Головнин, Михаил Петрович Лазарев и Степан Осипович Макаров.

Жизнь Василия Михайловича Головнина, богатая событиями, чрезвычайно поучительна. Это был боевой моряк, ученый-географ, талантливый писатель. К этому надо прибавить, что Головнин принадлежит к тем русским гуманным путешественникам, исследователям далеких стран, к которым относятся Литке, Семенов-Тян-Шанский, Миклухо-Маклай, Потанин и другие.

Вот что, например, читаем мы у Головнина по вопросу о различных расах:

«Обширный ум и необыкновенные дарования достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились, и если бы возможно было несколько сот детей из разных частей земного шара собрать вместе и воспитывать по нашим правилам, то, может быть, из числа их с курчавыми



волосами и с черными лицами более вышло бы великих и редких людей, нежели родившихся от европейцев».[1]

В. М. Головнин родился в 1776 году в Рязанской губернии. Он рано лишился родителей. Родственники отдали двенадцатилетнего мальчика в морской кадетский корпус. Здесь молодой Головнин выделялся своими способностями, понятливостью, дисциплиной и прилежанием. Всего 14 лет от роду Головнин, имея уже чин гардемарина, участвовал в сражениях со шведами в Финском заливе. За проявленную в трех боях храбрость он был награжден медалью. В 1793 году Василий Михайлович окончил морской корпус и с того времени находился в беспрерывных плаваниях как в наших водах, так и за границей — в Швеции, Норвегии, Англии, Голландии.

В 1799 году находился при высадке десанта на берега Голландии и принимал участие в нескольких сражениях.

---

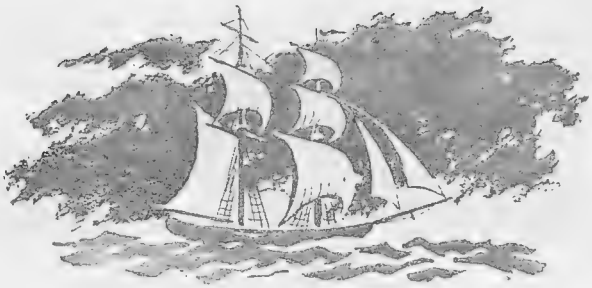
[1] В. М. Головнин. Путешествие на шлюпе «Камчатка» 1817—1819. I, СПб., 1822, стр. 337—338.

Плавал четыре года на английских военных судах, причем участвовал в боевых действиях у берегов Франции и Испании. Особенно отличился Головнин, когда, вызвавшись добровольцем, ворвался на палубу греческого пиратского корабля и сражался там с «необыкновенною отвагою», как писал его командир.

Плавание на «Диане». Арест на мысе Доброй Надежды. План Головнина. Камчатка

Вернувшись весной 1806 года на родину, Головнин вскоре был, как опытный моряк, назначен командиром военного шлюпа «Диана». Шлюп этот, построенный в России, на реке Свири, имел в длину 27 метров и водоизмещение в 300 тонн.

«Диане» поручалось отвезти товары в русские владения в Америке, а вместе с тем производить геогра-



фические исследования в северной части Тихого океана. Прежде всего «Диана» должна была посетить Камчатку.

25 июля 1807 года «Диана» вышла из Кронштадта в море. Прибыв в Копенгаген, Головнин застал здесь много английских военных судов, которые бомбардировали город. Датчане отвечали сильным огнем с береговых батарей. Головнин высаживался на берег и имел свидание с командующим датскими войсками.

Летом 1807 года Россия заключила с Наполеоном мир в Тильзите. Это вызвало напряженные отношения с Англией, которые вскоре перешли в открытые военные действия. Головнин прибыл в Англию, в Портсмут, когда положение было тревожным, но война еще не начиналась. Поэтому Головнин просил, через русское посольство, у английского правительства разрешения на свободное и безопасное плавание. Такое удостоверение и было выдано «Диане», как судну, отправленному с научной целью. Подписано оно было в тот самый день, когда была объявлена Англией война России.

Из Портсмута «Диана» вышла 1 ноября. Головнин имел намерение достичь Камчатки Тихим океаном, вокруг мыса Горн.

Посетив берега Бразилии и запасшись здесь провизией, «Диана» достигла мыса Горн, но здесь начались такие жестокие встречные ветры, что Головнин переменил свое решение и предпочел плыть на Камчатку вокруг мыса Доброй Надежды. Но когда «Диана» прибыла в Кейптаун, англичане, несмотря на удостоверение, задержали шлюп, «впредь до получения распоряжений из Лондона».

Шлюп был поставлен на двух якорях в самом дальнем углу залива, между английскими военными судами; все паруса на «Диане» были отвязаны.

Прошел год с лишним, а никаких вестей, касающихся корабля, не поступало. И вот Головнин решается на смелое и весьма рискованное дело. В сумерки, при сильном ветре и дожде, он приказал отрубить якорные канаты, поднять штормовые паруса и вышел из гавани. «Едва успели мы, — рассказывает Головнин, — переменить место, как со стоявшего недалеко от нас судна тотчас в рупор дали знать на вице-адмиральский корабль о нашем вступлении под паруса. Какие меры были приняты, чтоб остановить нас, мне неизвестно».

Когда гавань оказалась позади, все — и матросы и офицеры — стали привязывать и поднимать паруса и вообще готовить корабль к океанскому плаванию. Несмотря на ветер, дождь и ночную темноту, через два часа всё было готово, и «Диана» под всеми парусами понеслась по открытому морю.

«Таким образом, — говорит Головнин, — кончилось наше задержание, или, лучше сказать, наш арест на мысе Доброй Надежды, продолжавшийся один год и 25 дней».

План Головнина состоял в том, чтобы от мыса Доброй Надежды войти на юг, затем обогнуть Австралию, повернуть на север между Австралией и Новой Зеландией и плыть к Камчатке.

План удалось осуществить благодаря геройскому поведению экипажа. Нужно заметить, что на судне ощущался недостаток в продовольствии, а особенно в сухарях; поэтому команда и офицеры получали менее двух третей положенного продовольствия.

По пути останавливались только на Новогебридских островах (к востоку от Австралии), именно у острова

Танна. Архипелаг этот после Кука никем не посещался. После почти двухмесячного плавания, во время которого наши мореплаватели не видели ни земли, ни одного судна, они оказались среди роскошной тропической природы.

На острове виднелся вулкан, извергавший густой черный дым; ночью из жерла поднималось пламя.

Жители встретили путешественников дружелюбно, поднимались на палубу корабля, приносили для мены кокосовые орехи, сахарный тростник, плоды хлебного дерева и другие продукты тропической природы. Европейская еда и напитки не понравились островитянам. Головнин посетил местного старшину в его скромном жилище, здесь гостя потчевали кокосовым молоком из только что сорванных орехов.

Простояв на Новогебридских островах несколько дней и запасшись водой, свежей провизией и дровами, Головнин

отправился в дальнейший путь. 25 сентября 1809 года «Диана» бросила якорь в Петропавловске-на-Камчатке. Всё путешествие сюда длилось два года и два месяца.

На Камчатке Головнин провел две зимы, 1809—1810 и 1810—1811 годов, посетив за это время разные места полуострова.

В мае 1810 года он совершил плавание в северо-западную Америку, куда отвез запас хлеба, а кроме того, производил там описи.

Курильские острова. Предательский захват Головнина японцами. Годы пребывания в плену

В апреле 1811 года Головнину было поручено положить на карту южные Курильские острова.

Русские впервые ознакомились с Курильскими островами ровно за сто лет до Головнина.

В 1711 году казаки Данила Анцыферов и Иван Козыревский ходили с Камчатки на первый, самый северный Курильский остров — Шумшу.

Во время экспедиции Беринга, в 1739 году, вся цепь Курильских островов была положена на карту. Свое имя острова получили от русских: название «Курильские острова» происходит от народа курилов; это тот же народ, который на южном Сахалине и на острове Хоккайдо носит имя айнов.

Куру, а также *айну* на языке этого народа значит: «человек». В прежние времена курилы жили на всех Курильских островах и даже на южной оконечности Камчатки, но теперь курильское, или айнское, население есть только на самых южных Курильских островах.

Айны бросаются в глаза своим сильно развитым волосяным покровом на лице и на теле. Происхождение этого народа, сильно отличающегося по языку и культуре от соседей, долгое время было загадочным, но русский ученый Л. Я. Штернберг выяснил, что родину айнов следует искать в юго-западной части Тихого океана.

В мае 1811 года Головнин начал производить опись (съемку) южных Курильских островов. Продвигаясь вдоль этой цепи на юг, путешественники достигли острова Итуруп, где застали японцев. Были здесь также курилы с северных островов, русские подданные, которые прибыли сюда с торговыми целями. Головнин, при посредстве курилов, знавших по-русски, вступил в переговоры с японцами.

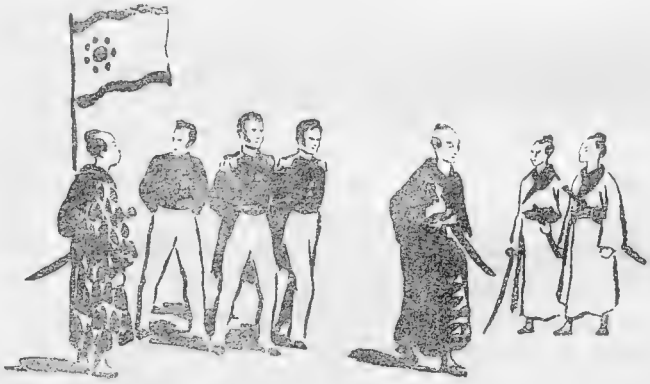
5 июля «Диана» была в виду японской крепости на Кунашире — самом южном из Курильских островов. При входе корабля в гавань с крепости были сделаны два пушечных выстрела; но ядра не достигли цели. Взяв с собою шесть человек, Головнин отправился на берег. Подпустив шлюпку метров на сто к берегу, японцы начали стрелять в нее ядрами. Пришлось вернуться на корабль. Однако в ближайшие дни Головнину удалось вступить

в мирные сношения с японцами. 11 июля, пригласив Головнина с шестью спутниками в крепость для переговоров, японцы предательски захватили всех в плен. При этом пленники были связаны веревками таким образом, что при попытке бежать руки в локтях переломились бы, а другая веревка затянула бы шею и задавила бы.

Из крепости русских повели в лес. «Поднявшись на высокое место, — рассказывает Головнин, — увидели мы наш шлюп под парусами. Вид сей поразил мое сердце, но когда штурман Хлебников, шедший за мною, сказал мне: «Василий Михайлович, взгляните в последний раз на «Диану», — яд разлился по всем моим жилам. «Боже мой, — думал я, — что значат эти слова? Взгляните в последний раз на Россию. Так мы теперь люди другого света».

Пленники были доставлены в город Хакодате на острове Хоккайдо, а отсюда в город Матсмай.

В Хакодате веревки были сняты, но все русские посажены в клетки. Караульные обращались с заключен-



ными неплохо, но местные власти необычайно докучали бесконечными расспросами о самых мелочных предметах вроде: «Что стоит сшить в России платье, которое теперь на вас?», «Сколько сажен в длину, ширину и в вышину имеет государев дворец?», «Сколько в нем окон?»

«На ответ наш, — говорит Головнин, — что мы этого не знаем, — японцы просили сказать хотя примерно. То же делали они и при всех других вопросах, когда мы отговаривались незнанием, и даже упорством своим нередко сердили нас, требуя настоятельно, чтоб мы сказали им примерно то, чего мы совсем не знаем; например, число портов во всей Европе, где строятся корабли, или сколько во всей Европе военных и купеческих судов. Можно было сказать им наугад, но в таком случае надлежало всё это помнить, ибо они все ответы наши записывали и спрашивали об одной и той же вещи раза по два и по три, только в разное время и другим порядком».

«Ничто не могло быть бо́льшим нам наказанием, как принуждение отвечать на такой вздор, и потому иногда мы, потеряв терпение, прямо говорили им, что не хотим отвечать; пусть лучше убьют нас, нежели спрашивают такие нелепости».

Но о японском народе Головнин отзывается сочувственно. Когда японцы выводили своих пленников гулять, некоторые жители приглашали русских в свои дома и угощали. Так как по японским постановлениям того времени не разрешалось принимать в своем доме иностранцев, то в дом русских не вводили, а сажали в галлерее, где потчевали чаем, табаком, японскою водкою «саки», сладкими пирожками, фруктами и прочим.

Отчаявшись получить свободу, шестеро русских пленников сделали попытку к побегу. Однако вскоре были настигнуты японцами и направлены обратно в город. «Когда мы проходили селения, — рассказывает Головнин, — весь народ собирался смотреть на нас; но, к чести японцев, должно сказать, что никто из них не делал нам никаких обид и насмешек, а смотрели на нас все с выражением жалости; из женщин же некоторые, подавая нам пить и есть, смотря на нас, плакали».

В городе пленники были посажены в тюрьму, где помещены в клетках длиною в шесть шагов, шириною в пять, — офицеры по одному, а матросы все четверо в одну клетку.

Заключенных кормили три раза в день рисовой кашей и похлебкой из морской капусты или из дикой зелени (например, из дикого луку); иногда прибавляли несколько кусочков китового жиру. По вечерам вместо похлебки иногда давали кусочка по два соленой рыбы с квашеной дикой зеленью. С течением времени содержание пленных было улучшено.

Осенью 1813 года за Головниным и его товарищами по плену пришла «Диана», и 10 октября корабль вышел из Хакодате на Камчатку. Наши мореплаватели пробыли в японском плену два года и три месяца.

«3 ноября, — пишет Головнин, — вошли мы в Авачинскую губу (на Камчатке). В это время года едва обитаемая Камчатка, с своими горами, сопками и дремучими лесами, была покрыта глубоким снегом, но нам казалась она раем, потому что составляла часть России».

Через месяц Головнин отправился сухим путем в Петербург. До Охотска, около трех тысяч километров, он ехал на собаках. Из Охотска сначала поехал на собаках, потом на оленях верхом, после на лошадях верхом; а километров за 200 не доезжая Якутска пересел в повозку.

В Петербург прибыл 22 июля 1814 года, ровно через семь лет после отбытия отсюда в путешествие.

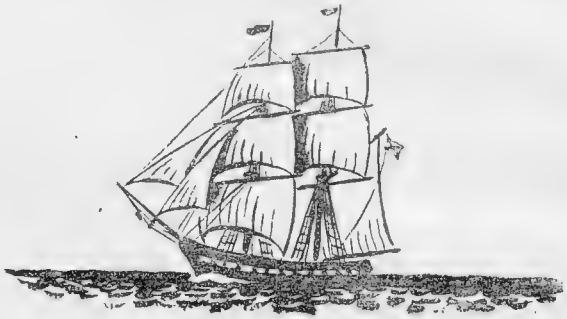
Новое кругосветное плавание. Посещение берегов Америки

В 1816 году Головнин напечатал описание своего пребывания в японском плену. Сочинение это обратило на себя всеобщее внимание и было переведено на многие языки.

В следующем году Головнин снова был отправлен в кругосветное плавание, на этот раз на шлюпе «Камчатка». Он имел поручение отвезти разные грузы на Камчатку и в Охотск, а вместе с тем произвести съемки в северо-западной Америке.

Шлюп обогнул Южную Америку и прибыл в Петропавловскую гавань в субботу 29 апреля 1818 года по судовому счислению. В Петропавловске в этот день считали воскресенье 30 апреля, так как шлюп, плывя вокруг света с запада на восток, потерял один день. Матросы же, — говорит Головнин, — думали, что камчатские жители как-нибудь сбились в счете.

Начальником Камчатской области был в это время капитан Петр Иванович Рикорд, «один из самых справед-



ливейших людей», как отзывается о своем старом друге Головнин.

Рикорд заботился о местном населении: устраивал школы, больницы, организовал снабжение неимущих хлебом, улучшил санитарное состояние Петропавловска.

Из Петропавловска Головнин направился к русским колониям в северо-западной Америке. Места эти были

впервые открыты и положены на карту в 1741 году знаменитыми русскими мореплавателями Берингом и Чириковым.

Административным центром колоний в 1818 году был порт Новоархангельск, или Ситха, под 57° северной широты. Здесь Головнин имел возможность познакомиться

с местным населением — индейцами, которые принадлежат к племени тлинкитов, или колошей, как их называли русские. Одежда их состояла из байкового одеяла. Приблизившись к шлюпу на лодках, они с песнями объезжали два или три раза вокруг шлюпа и только после этого всходили на палубу.

Новоархангельский порт был защищен крепостью, сооруженной против беспокойных местных жителей, которые причиняли много беспокойства администрации колонии.

«Российско-американская» компания, которой было поручено заведование колониями, добывала здесь так называемых морских бобров. На самом деле это были не бобры, а морские выдры, которые, однако, доставляют весьма ценный мех, не хуже бобрового.

Климат Ситхи не понравился Головнину. «Место сие, — говорит он, — самое несносное». Действительно, зима здесь очень мягкая, но мокрая, температура стоит зимою около 0°, лето же прохладное: температура самого теплого месяца 12—13°. Дождей очень много; за год выпадает

свыше 2000 миллиметров осадков. По этим причинам здесь нельзя разводить хлебов; капуста растет в лист и не дает кочанов. Картофель хорошо удается, но имеет водянистый вкус. В окрестных лесах встречается малина; ягоды ее очень крупные, но водянистые, безвкусные и без запаха.

Из Ситхи «Камчатка» отправилась на юг, имея в виду остановиться в форте Росс, русской колонии, расположенной на самом юге русско-американских владений, под 38,5° северной широты.

Посещение Калифорнии. Форт Росс. Знакомство с индейцами

Но так как у форта Росс нет никакой гавани, а погода была бурная, то Головнин поплыл дальше и остановился в Монтерее, находящемся в Калифорнии, который на севере, до 37° северной широты, принадлежал тогда испанцам. Испанские власти встретили русских очень приветливо и охотно показали окрестности.

Природу Калифорнии Головнин очень хвалит. Здесь прекрасный, здоровый климат, плодородные почвы, обширные леса, безопасные гавани. Огороды доставляют овощи круглый год: когда одни растения поспевают, другие всходят. В поле возделывают пшеницу, ячмень, кукурузу. Прекрасно растут здесь яблоки, груши, персики, виноград, арбузы, дыни. Есть много лошадей и рогатого скота в диком состоянии. Но немало их в населенных пунктах. Море кишит рыбою, много здесь морских бобров и котиков, особенно в заливе Сан-Франциско. Немало и китов.

В Монтерее, административном центре испанской Новой Калифорнии, находилось менее ста испанцев, составляющих гарнизон. В провинции было учреждено несколько католических миссий, при которых состояло около 20 тысяч насильно обращенных в христианство индейцев. Число же индейцев некрещеных и не подчинившихся испанской власти нельзя было установить. Индейцы-католики находились в рабском положении у миссионеров: в будние дни они работали для хозяев в поле по семь часов и еще два часа проводили в церкви. В праздники же моление в церкви занимало четыре-пять часов. Кормили их три раза в день ячменным киселем, бобами и горохом. Жили они в больших каменных строениях, которые Головнин называет хлевами; каждое семейство имело каморку высотой менее двух метров, длиною и шириною метра по четыре, без пола и потолка.

С возмущением рассказывает Головнин о тех жестокостях, какие испытывали индейцы от испанцев. Испанцы

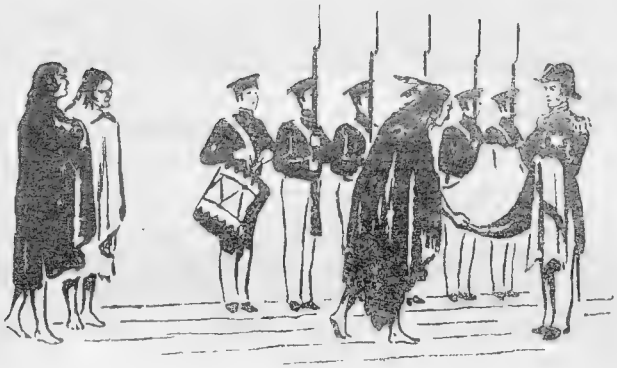
захватывали в рабство вольных (не обращенных в христианство) индейцев.

Подскакав во всю прыть к индейцу, накидывают на него аркан, привязанный одним концом к седлу, и, свалив несчастного на землю, тащат за собой. Когда тот выбьется из сил, испанец, связав индейца, оставляет его и скачет за другим. Наловив сколько ему приказано, гонит их со связанными руками в крепость.

В отместку индейцы убивали испанцев.

Запасшись в Монтерее съестными припасами, Головнин повернул обратно, к северу, к русскому форту Росс. Это укрепление на крайнем юге русско-американских владений расположено под $38^1/_2°$ северной широты. Оно было основано русскими в 1812 году с целью снабжать отсюда хлебом колонии. Так как здесь не было гавани, то мореплаватели остановились в некотором расстоянии от форта.

Головнин ездил в селение индейцев. В свою очередь старшина местных независимых индейцев приезжал с переводчиком-алеутом на шлюп, привез подарки — одежду, стрелы, утварь — и жаловался на испанцев, которые имеют притязание на эту страну. Индеец просил ходатайствовать о принятии здешних индейцев под покровительство рус-



ских, которые защитили бы их от притеснений со стороны испанцев. По просьбе старшины Головнин передал ему русский флаг.

Форт Росс, до сих пор существующий под этим же названием, расположен километрах в ста пятидесяти к северу от Сан-Франциско, крайнего в те времена поселения испанцев. Форт Росс был основан на земле индейцев с их добровольного согласия. В 1818 году укрепление было обнесено частоколом из толстых бревен с двумя деревянными башнями; оно защищалось тринадцатью пушками. Внутри укрепления находились колодец, дом начальника, казармы, магазины. Гарнизон состоял из 26 русских и 102 алеутов.

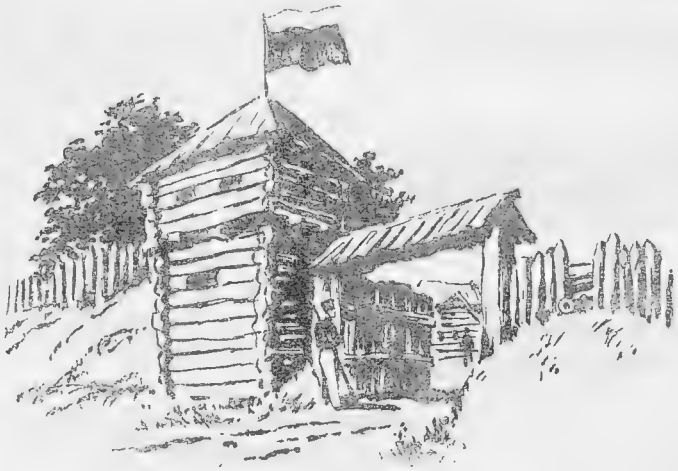
В бытность здесь Головнина 74 алеута были в отлучке на промысле морских бобров. «И с такою-то силою, — говорит наш мореплаватель, — здешний правитель не страшится испанцев и пренебрегает всеми их угрозами».

Испанцы смотрели недружелюбно на распространение русских промыслов к югу, и губернатор Новой Калифорнии требовал от русских, чтобы они оставили форт

Росс, на что начальник форта Кусков ответил решительным отказом. Губернатор ограничился тем, что запретил русским ловить морских бобров в заливе Сан-Франциско.

Местное население, индейцы, в окрестностях форта Росс относились к русским доброжелательно и даже выдавали своих дочерей замуж за русских и алеутов. Таких семей было немало в крепости. Напротив, с испанцами индейцы имели постоянную вражду: всех испанцев, какие попадались индейцам, они убивали.

В окрестностях форта Росс выращивали всякие овощи, а также арбузы, дыни, виноград. Редька достигала весом свыше 20 килограммов, репа — 5 килограммов. Картофель давал урожай сам-сто и сам-двести, притом в год снимали два урожая — в мае и в октябре. Скот пасли на подножном корму круглый год. В реке Славянке, протекающей близ форта Росс, ловили осетров.



Посещение Гавайских и Марианских островов, а также пребывание на острове св. Елены

От берегов Америки шлюп «Камчатка» пошел к Сандвичевым островам. 20 октября 1818 года пристали к острову Овайги (Гавайи). Сандвичевы, или Гавайские, острова были открыты в 1777 году Куком, который был убит здесь местными жителями. С конца XVIII века обитатели островов многое заимствовали от европейцев, но принять христианство они отказывались. Когда английский мореплаватель Ванкувер в конце XVIII века пытался внушить здешнему королю мысль о христианстве и убеждал в жестокости обычая приносить богам в жертву людей, король предложил Ванкуверу взойти на высокий утес вместе с первосвященником из гавайцев и броситься вниз; кто останется жив, того веру король готов был признать истинной. Но Ванкувер не согласился на это испытание.

Однажды «Камчатку» посетило много гавайцев, среди них — жена одного старшины. Головнин угощал всех обедом. Когда сели за стол, женщину никак нельзя было убедить не только отобедать, но и остаться в каюте; она отвечала «табу», то есть «запрещено», и обедала на судне в другом месте, с женою другого старшины. Еда их состояла из таро, основной хлебной пищи сандвичан, и сырой рыбы. Из европейской пищи они ели сухари, сыр и охотно пили вино и наливки. Большинство мужчин ели всё с аппетитом; только некоторые не употребляли свиного мяса и кур, а один, увидев курицу, вскочил из-за стола и бросился с корабля в воду. У себя гавайцы жарили мясо и пекли коренья в ямах, куда положены раскаленные камни.

Среди гавайцев сильно было распространено употребление спиртных напитков, которыми их снаб-

жали американские корабли. За плоды и зелень, которую островитяне привозили на шлюп, они требовали рому. Впрочем, и раньше они имели свой национальный опьяняющий напиток (кава), который изготовляли из перечного растения. Европейцы научили гавайцев также карточной игре.

Головнин хвалил природу Гавайских островов. Здесь здоровый, приятный климат. Растут здесь таро, хлебное дерево, бататы, или сладкий картофель, достигающий веса до 4—5 килограммов, затем бананы, кокосовые орехи, сахарный тростник, ананасы, арбузы, дыни, тыквы, всякие огородные овощи. Из волокон оболочки кокосовых орехов вьют прочные веревки. Позднее сюда были доставлены апельсинные и лимонные деревья.

Из домашних животных есть свиньи, лошади, козы и рогатый скот, завезенный Ванкувером и там одичавший. Были также собаки, мясо которых жители охотно употребляли в пищу,

по держали их также в домах. «Один старшина, — рассказывает Головнин, — считал, что ничем более не мог изъявить верноподданнической своей привязанности к королю, как назвав любимую свою собаку его именем — Тамеамеа». Куры были здесь и до прибытия европейцев.

Пробыв на Сандвичевых островах десять дней, Головнин пошел на ЮЮЗ с северо-восточным пассатом к острову Гуам, лежащему под $13^1/_4$° северной широты. Остров этот принадлежит к группе Марианских. В те времена он принадлежал испанцам.

В 1815 году на всех Марианских островах числилось не свыше пяти тысяч жителей. Раньше население было значительно более густое, но при подавлении восстаний большое число туземцев было истреблено испанцами. Почва острова весьма плодородна. Здесь разводят рис, кукурузу, бананы, бататы, кокосовую пальму, хлебное дерево, ямс. Испанцы развели здесь апельсины, лимоны,

арбузы, дыни, виноград, табак. На одном из безлюдных островов архипелага находилось до 30 тысяч голов рогатого скота. На Гуаме разводили особых бойцовых петухов, которых вывозили на Филиппинские острова; за крупных петухов спрашивали по 50 рублей золотом.

Испанцев здесь было всего 3—4 человека, включая и губернатора; все же прочие — туземцы. Всех чиновников назначал и производил в чины губернатор. Никаких доходов острова испанской казне не приносили; напротив, содержание чиновников и гарнизона обходилось в сумму свыше 100 тысяч рублей в год. Никакой торговли Марианские острова не вели. Острова сообщались с внешним миром только при помощи корабля, который приходил раз или два раза в год из Манилы (на Филиппинских островах, которые тогда тоже принадлежали Испании). На переход из Манилы до Гуама суда употребляли дней 50 и больше; обратный же путь, благодаря попутным ветрам, совершали в 12—15 дней. Иностранные суда появлялись на Гуаме раз в несколько лет, и для жителей это было большим праздником, ибо начиналась торговля съестными припасами. И наше судно было гостеприимно принято.

Переход от Гуама до Манилы «Камчатка» совершила в 17 дней. В Маниле тогда (1819 год) было 10 тысяч жителей, но с предместьями более 100 тысяч. Большие доходы получало правительство от табачной монополии; затем значительны были поступления от пошлин на ввозимые иностранцами товары: они облагались пошлиной в 10,5% с продажной суммы. За вывозимые с островов товары нужно было платить пошлину в 2,5%. За вывозимые деньги иностранцы платили 5%, а за ввозимые 2,5%. Филиппины в больших количествах вывозили сахар, кофе, хлопок, индиго и рис. В 1818 году англичане и американцы вывезли отсюда 65 тысяч центнеров сахару.

Из Манилы «Камчатка» направилась домой Индийским океаном. Здесь, под южной широтою 21°, Головнин на-

блюдал необыкновенное явление: днем в зените ясно видна была планета Венера; ее можно было наблюдать в течение трех дней.

20 марта 1819 года мореплаватели пристали к острову св. Елены, где тогда находился в заключении Наполеон.

При нем состоял русский комиссар, который в течение трех лет не видал соотечественников и очень обрадовался им. Описывая этот уединенный гористый остров, Головнин говорит: «Он служит местом роздыха для утомленных мореходцев; ныне же обращен в тюрьму для необыкновенного человека». Эта тюрьма охранялась англичанами с необычайной строгостью: близ острова беспрестанно двигались корветы и опрашивали каждое судно, идущее на рейд.

«Камчатке» было разрешено простоять двое суток, в виде исключения, так как на острове находился русский комиссар. Из экипажа получил разрешение съехать на берег один Головнин, причем шлюпку отправили с заходом солнца обратно на «Камчатку», а Головнина свезли на корабль на английской шлюпке.

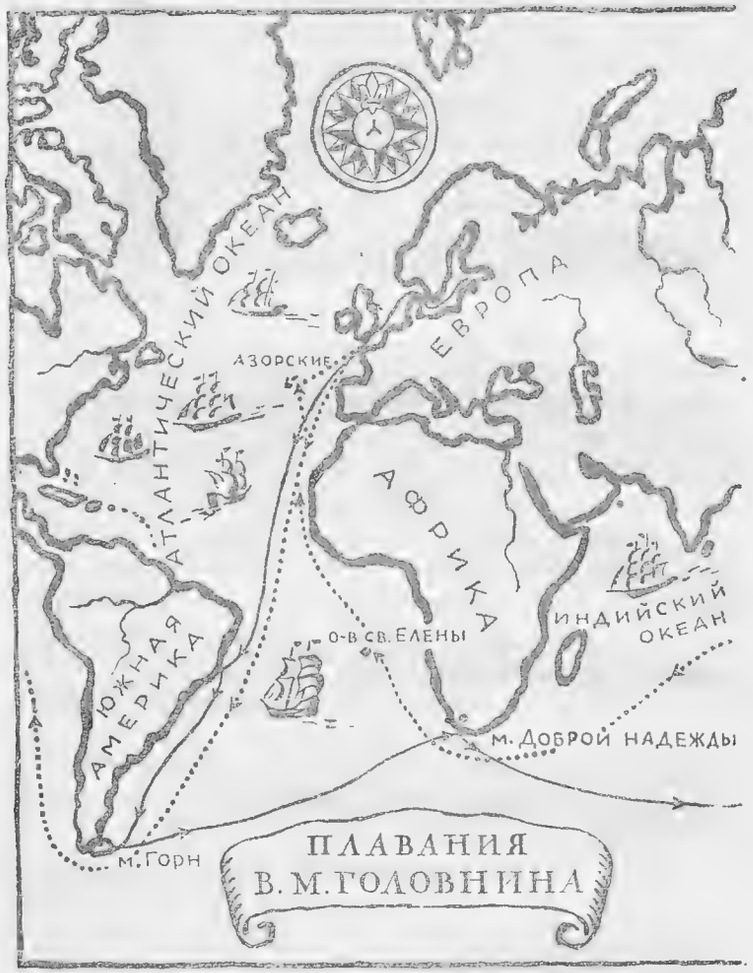
Ночью ни одному гребному судну, даже английскому, не разрешалось быть на берегу. С наступлением темноты по рейду курсировали английские дозорные суда, которые наблюдали за тем, чтобы на всех кораблях гребные суда были подняты и чтобы с берега никто не ездил на рейд. Дозорные суда опознавали друг друга при помощи пароля, который объявлялся каждый день новый. На дороге к дому

Наполеона стояли часовые и, кроме того, разъезжали конные патрули. Ночью тридцать часовых окружали дом, где жил узник.

Головнин надеялся свидеться с Наполеоном, и наш комиссар был уверен, что Наполеон согласился бы принять русского моряка; однако англичане не разрешили даже издали посмотреть на жилище, где содержался пленник. «Впрочем, — говорит Головнин, — англичане обходились со мною весьма учтиво, в строгостях же караула беспрестанно извинялись тем, что остров св. Елены я должен теперь почитать самою важнейшею тюрьмою на свете».

Головнин жалуется на дороговизну съестных припасов на острове св. Елены. Жителей на острове было около трех тысяч.

Через несколько дней «Камчатка» пристала к уединенному острову Вознесения, расположенному на 1 300 километров к северо-западу от острова св. Елены, под 8° южной широты. На этом острове был основан английский пост, учрежденный для недопущения побега Наполеона со св. Елены. На острове Вознесения тогда водилось множество больших черепах. Десяток их англичане подарили Головнину.



Идя отсюда на север, Головнин в тропиках слышал ночью несколько раз шум, который он правильно приписывает шуму от большого стада рыбы.

9 июня стали на якорь у Азорских островов. Отсюда

вывозили вино, водку, апельсины, лимоны и пшеницу. Американский консул показывал Головнину в своем саду апельсинное дерево, с которого он однажды снял 12 тысяч апельсинов.

Возвращение домой

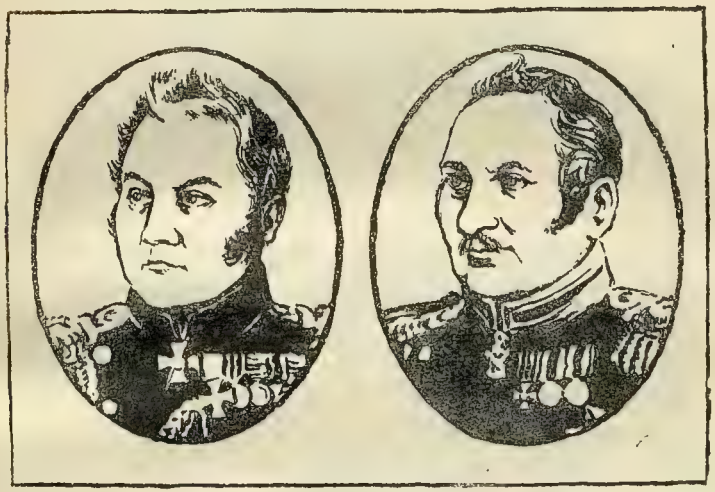
5 сентября 1819 года «Камчатка» прибыла в Кронштадт после двух лет и десяти дней отсутствия.

В июне 1831 года в Петербурге свирепствовала холера, и жертвою ее пал Василий Михайлович Головнин.

Современник Головнина и его биограф отзывается о знаменитом путешественнике следующим образом:

«В обращении был он до крайности скромен, никогда не говорил о своей службе и подвигах. Зато и уважение к нему было искреннее и глубокое. Добросовестность в исполнении своих обязанностей, неутомимая деятельность, дивная неустрашимость среди опасностей, присутствие духа при самых ужасных и непредвиденных бедствиях, твердость и терпение в перенесении страданий, быстрота в соображении средств и решительность в исполнении их и сверх всего того строжайшая справедливость к подчиненным, честность и благородство души, самоотвержение в пользу ближнего — всё это внушало искреннее к нему почтение и беспредельную доверенность. Ему повиновались безропотно и беспрекословно».

Как человек, воин и ученый, Василий Михайлович Головнин стоит на недосягаемой высоте.



Ф. Ф. БЕЛЛИНСГАУЗЕН
и
М. П. ЛАЗАРЕВ

Важное географическое открытие. Антарктический материк, или Антарктида

Хорошо известно, что русские и советские землепроходцы, мореплаватели и исследователи сделали много замечательных географических открытий в Арктике.

Но отечественные ученые-моряки вписали славные страницы в историю мировых географических открытий также в Антарктике.

Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев открыли антарктический материк, и их по справедливости можно назвать Колумбами Антарктиды.

Антарктическая суша — это громадный материк, площадью больше Европы. Берега антарктического материка, или Антарктиды, омываются тремя океанами: Тихим, Атлантическим и Индийским.

Весь материк покрыт вечным слоем льда. В области южного полюса расположено плато высотой более 3 000 метров. На материке есть и горные хребты высотой местами свыше 5 000 метров, есть громадный действующий вулкан Эребус высотой свыше 4 000 метров.

Некогда, в третичное время, в Антарктиде был теплый климат и росли лиственные и хвойные леса; об этом говорят залежи каменного угля, находимые в Антарктике.

Теперь же с плато Антарктиды и с гор спускаются в море громадные ледники, и во многих местах пристать к берегу невозможно.

Знаменитый Великий ледяной барьер в море Росса имеет в длину и в ширину по нескольку сот километров.

Все эти спускающиеся в море ледники дают начало множеству ледяных плавающих гор. Некоторые из этих ледяных гор достигают громадной длины — в несколько десятков километров. Однажды в Антарктике видели ледяную гору длиною 160 километров. Однако большой высоты эти «горы» не достигают. Они поднимаются обычно не более пятидесяти метров над водой. Поверхность их плоская, как стол.

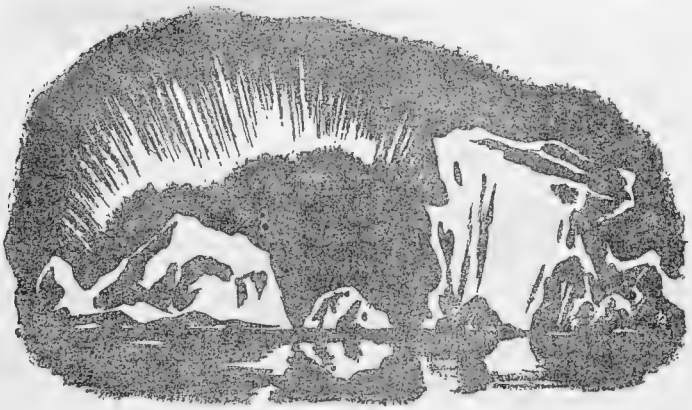
Кроме того, в море много льдов, которые получаются от замерзания морской воды.

Пловучие ледяные горы попадаются в антарктических морях массами. Они-то и составляют здесь главное препятствие для плавания, особенно для парусных судов.

Между тем в Арктике судам приходится бороться преимущественно не с ледяными горами (их в Арктике мало), а с паком — многолетними пловучими льдинами, образовавшимися от замерзания морской воды. Отдельные антарктические ледяные горы иногда заносятся течениями далеко на север — до широты мыса Доброй Надежды (35° южной широты).

Климат Антарктики чрезвычайно суровый; зимой бывают морозы в 40° и больше, летом же температура даже у берегов, на уровне моря, обычно стоит ниже нуля, а в районе полюса, на большой высоте, летом (в январе) стоят морозы в 20—30°.

Повсеместно в Антарктике господствуют жестокие ветры; по силе их нередко можно назвать ураганами. Случается, что ветер дует со скоростью 40 метров в се-



кунду. Напомним, что ветер со скоростью в 10 метров в секунду кажется нам очень сильным. А в Антарктике отмечены отдельные порывы ветра со скоростью 90 метров в секунду.

Внутренние части материка почти безжизненны. Никаких кустарников, а тем более деревьев, здесь нет. На берегах из цветковых растений есть только два приземистых невзрачных вида. Из птиц в Антарктике — множество пингвинов, буревестников, альбатросов, поморников и бакланов. Единственная наземная птица — это кулик футляронос; он величиной с большого голубя, совершенно белый, а видом похож на курицу.

Наземных млекопитающих совсем нет, но на берегах большое количество разного рода тюленей. Среди них

надо отметить морского слона, самого большого среди тюленей; он достигает длины в 5—6 метров. Раньше на антарктических островах изобиловал морской котик — животное из группы ушастых тюленей, но в настоящее время он полностью истреблен. Последний экземпляр этого ценного млекопитающего был добыт на острове Южной Георгии в 1927 году. На этом острове в настоящее время разведены северные олени.

В антарктических морях много китов, среди которых наибольшее значение в промысле имеет голубой кит — самое крупное современное животное на Земле: он достигает длины в 33 метра и веса свыше ста тонн.

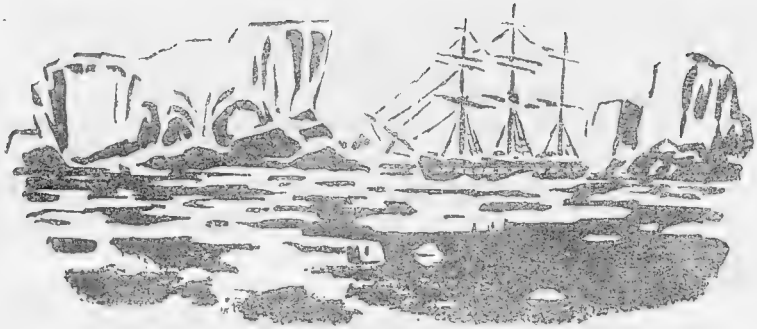
В настоящее время в водах Антарктики плавают советские китобойные суда, на которых производятся также научные наблюдения по океанографии и биологии антарктических морей.

Плавание Кука. Поспешный вывод

Географы и моряки XVIII века и начала XIX века находились под влиянием открытий английского капитана Джемса Кука. Коснемся здесь его плаваний в Антарктике.

В конце 1773 года Кук от берегов Новой Зеландии отправился на юг в поисках, как он говорил, южного материка.

Под 62° южной широты он впервые встретил плавающую ледяную гору. Чем дальше на юг, тем льдов становилось больше. 29 января 1774 года под 71°10′ южной широты в районе теперешнего моря Амундсена, западнее



моря Беллинсгаузена, Кук достиг сплошного ледяного барьера, простиравшегося на необозримое расстояние. Не было никакой возможности пробиться сквозь эти льды, и Кук оставил дальнейшие поиски. «Теперь, — говорил он, — я твердо убежден, что на юге Тихого океана материка нет».

Ровно через год Кук был на юге Атлантического океана. Он открыл здесь остров Южную Георгию и «Землю Сандвича» (Южные Сандвичевы острова), но желанного «южного», или антарктического, материка не нашел. «Я обошёл, — говорил он, — океан южного полушария в высоких широтах и отверг возможность существования материка, который если и может быть обнаружен, то лишь близ полюса в местах, не доступных для плавания».

По словам Кука, им положен конец дальнейшим поискам южного материка, который на протяжении двух столетий служил приманкою для некоторых морских держав и был у географов всех времен излюбленной темой для рассуждений. «Если кто обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос, и проникнет

далее меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но должен сказать, что миру его открытия не принесут никакой пользы».

Однако русские моряки сделали великие открытия в Антарктике.

Снаряжение русской экспедиции в Антарктику. Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев

В 1819 году русское морское министерство снарядило «для открытий» две экспедиции: одну — к Южному, другую — к Северному полюсу.

Экспедиция в Антарктику была отправлена на двух судах. Одно из них — шлюп «Восток» длиною около сорока метров — находилось под начальством капитана Беллинсгаузена, главы экспедиции, другим шлюпом — «Мирный» — командовал лейтенант Лазарев.

Водоизмещение обоих этих судов, вместе взятых,

составляло меньше тысячи тонн. И с такими крошечными судами наши моряки сделали величайшие открытия в Антарктике!

Вот биографические данные об этих замечательных русских моряках, имена которых вошли в историю мировых географических открытий.

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, впоследствии адмирал, родился 18 августа (старого стиля) 1779 года.

Он воспитывался в морском кадетском корпусе, откуда был выпущен в 1797 году.

В 1803 году молодой моряк отправился в кругосветное плавание с Крузенштерном. Под руководством этого замечательного мореплавателя и географа Беллинсгаузен прошел ту школу морского дела, влияние которой в полной мере сказалось во время блестящего антарктического похода Беллинсгаузена 1819—1821 годов.

По возвращении из кругосветного плавания Беллинсгаузен служил в Черноморском флоте.

В 1828 году совершил в составе гвардейского экипажа сухопутный поход в Турцию, причем принимал участие во взятии Варны.

В 1839 году Беллинсгаузен был назначен командиром Кронштадтского порта. В Кронштадте оставил по себе добрую память, так как много сделал для обороны крепости, а также для благоустройства города. Скончался 13 января 1852 года в Кронштадте, где ему поставлен памятник. Беллинсгаузен был одним из первых членов вновь основанного Географического общества.

В некрологе, помещенном в «Морском сборнике» за 1853 год, сказано про Беллинсгаузена: «Благородство, спокойствие и хладнокровие были отличительными чертами его характера; он равно сохранял присутствие духа как в борьбе с полярными льдами, так и в огне

против неприятеля». Именем Беллинсгаузена названо море, прилегающее к Земле Александра I.

Михаил Петрович Лазарев, впоследствии адмирал, родился 3 ноября 1788 года. Окончил морской кадетский корпус и в 1803 году отправился волонтером в английский флот для усовершенствования в морском деле. Плавая в течение пяти лет на английских судах, посетил Вестиндию.

Вернувшись на родину в 1808 году, участвовал в войне с Англией и Швецией.

В 1813—1815 годах совершил на корабле «Суворов» свое первое кругосветное плавание, во время которого посетил российско-американские владения.

Вторым кругосветным путешествием Лазарева было совместное с Беллинсгаузеном плавание 1819—1821 годов, об антарктической части которого будет сказано ниже.

Наконец, в 1822—1825 годах Лазарев, командуя фрегатом «Крейсер», совершил третье кругосветное плавание. По возвращении плавал в Средиземном море. 8 октября 1827 года, командуя кораблем «Азов», принимал деятельное участие в Наваринском сражении, где судно Лазарева шло во главе атакующей эскадры и подверглось особенно сильному огню турок. За участие в этой битве и за проявленные хладнокровие, искусство и примерное мужество произведен в контр-адмиралы.

В 1833 году сделан главным командиром Черноморского флота и в этой должности оставался вплоть до смерти.

Лазарев воспитал таких славных моряков, как Корнилов, Нахимов, Истомин и другие. Скончался Лазарев 11 апреля 1851 года в Вене, куда был отправлен для лечения.

В 1867 году этому замечательному человеку, одному из славнейших в среде русских моряков и географов, поставлен в Севастополе памятник. Лазарев был почетным членом Географического общества. По своим заслугам перед государством и на поприще географии Лазарев может быть поставлен в ряд с адмиралами В. М. Головниным и С. О. Макаровым.

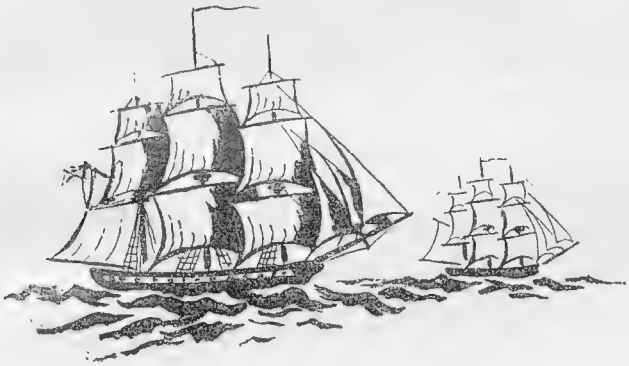
Таковы были люди, которые стояли во главе русской экспедиции.

Перед отплытием в кругосветное плавание Беллинсгаузен получил от морского министра инструкцию, согласно которой суда должны были обозреть остров Южную Георгию, находящийся под 55° южной широты, а оттуда отправиться к островам Новым Сандвичевым и, обойдя их с восточной стороны, спуститься к югу и «продолжать свои изыскания до отдаленнейшей широты, какой только он может достигнуть; употребить всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставить сего предприятия иначе, как при непреодолимых препятствиях. Ежели под первыми меридианами, под коими он пустится к югу, усилия его останутся бесплодными, то он должен возобновить свои покушения под другими, не упуская ни на минуту из виду главную и важную цель, для коей он отправлен будет, повторяя сии покушения ежечасно как для открытия земель, так и для приближения к южному полюсу».

Вместе с Беллинсгаузеном на шлюпе «Восток» был отправлен казанский астроном профессор Иван Михайлович Симонов — выдающийся ученый, впоследствии ректор Казанского университета. Он оставил после себя обширные записки об антарктическом плавании.

Русские открытия в Антарктике: остров Петра I и Земля Александра I

4 июля (старого стиля) 1819 года оба шлюпа, «Восток» и «Мирный», вышли из Кронштадта. 2 ноября прибыли в Рио-де-Жанейро. 15 декабря были в районе острова Южная Георгия, открытого Куком в 1775 году. Нашими



мореплавателями открыт близ Южной Георгии остров Анненкова, названный так в честь лейтенанта Анненкова, плававшего на шлюпе «Мирный». На острове Южная Георгия были положены на карту мысы, названные: мыс Порядина (в честь штурмана Порядина) и мыс Демидова (в честь мичмана Демидова), залив Новосильского (в честь мичмана Новосильского), мыс Куприянова (в честь мичмана Куприянова). От острова Южная Георгия направились к Сандвичевой Земле, открытой Куком.

Наши мореплаватели обнаружили, что эта Земля есть на самом деле группа островов, которым дано название Южные Сандвичевы острова. В этом архипелаге Беллинс-

гаузен открыл вулканический остров Лескова, названный в честь лейтенанта Лескова, остров Высокий высотой около девятисот метров и остров Завадовского, действующий вулкан, названный в честь капитан-лейтенанта Завадовского. Когда проходили мимо последнего острова, из кратера вулкана, как отмечает Беллинсгаузен, «беспрерывно поднимались густые смрадные пары».

Высадившись на остров, увидели здесь множество пингвинов.

Все упомянутые три острова названы островами де Траверсе в честь тогдашнего морского министра.

16 января 1820 года под 69°21′ южной широты оказались вблизи антарктического материка в районе Земли принцессы Марты, усмотренной впоследствии (1930) норвежскими судами. Берега эти до сих пор никем не посещены и не положены на карту. Теперь ясно, что описываемые Беллинсгаузеном бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собою именно окраину антарктического материка. Здесь был крайний южный пункт, достигнутый русской экспедицией.

5 февраля 1820 года, примерно под 69° южной широты, экспедиция снова находилась в непосредственной бли-

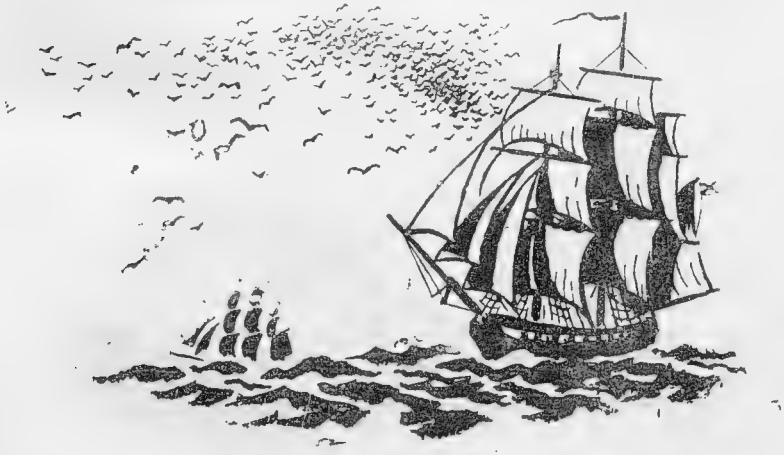
зости антарктического материка в районе Земли принцессы Рагнхильды.

Спутник Лазарева, мичман П. М. Новосильский, в своем сочинении «Южный полюс» (СПб., 1853) пишет:

«5 февраля, при сильном ветре тишина моря была необыкновенная. Множество полярных птиц и снежных петрелей (буревестников) вьются над шлюпом. Это значит, что около нас должен быть берег или неподвижные льды...»

Действительно, как мы теперь знаем, в этом месте «Восток» и «Мирный» находились недалеко от берега антарктического материка.

Отсюда направились на восток и в марте прибыли



в порт Джексон (ныне Сидней, в Австралии). Далее экспедиция совершила весьма плодотворное плавание по Тихому океану, причем открыла много неизвестных островов, в том числе архипелаг Россиян.

После исследований в Тихом океане «Восток» и «Мирный» весной 1820 года снова отправились в плавание в южные ледовитые воды. Из Сиднея отбыли 31 октября на юг, к острову Маккуори. Здесь видели множество морских слонов (род тихоокеанских тюленей) и пингвинов. В это время несколько партий английских промышленников занимались на острове боем морских слонов, жир которых отправляли в Австралию и в Англию. На Маккуори экспедиция наквасила много здешней дикой «капусты», которая представляет собою хорошее противоцынготное средство. Кроме нескольких видов пингвинов, альбатроса, поморника, на острове видели множество небольших попугаев, ставших очень редкими или совершенно истребленных здесь в половине прошлого столетия.

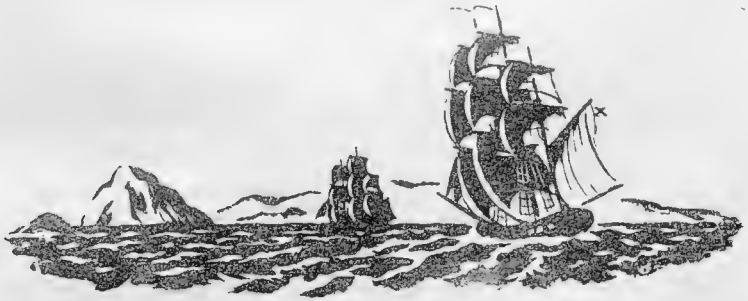
Примерно под 170° восточной долготы повернули на восток, обходя антарктический материк, и 11 января (старого стиля) 1821 года открыли остров Петра I.

«Невозможно выразить словами радости, — говорит начальник экспедиции, — которая являлась на лицах всех при восклицании «берег, берег!» Восторг сей был неудивителен после долговременного единообразного плавания в беспрерывных гибельных опасностях, между льдами, при снеге, дожде, слякоти и туманах... По приближении «Мирного» мы подняли флаги. Лазарев поздравил меня по телеграфу с обретением острова, и, когда подходил под корму шлюпа «Восток», на обоих шлюпах поставили людей на ванты и прокричали по три раза взаимное ура».

Остров Петра I имеет в длину около тридцати, в ширину около одиннадцати километров. Он достигает высоты около тысячи двухсот метров и находится значительно южнее Полярного круга, под 68°57′ южной широты. Назван в честь основателя русского военного флота.

Пристать к острову не оказалось возможным. Вторично в истории к нему подошло норвежское судно «Одд» только в 1927 году.

17 января 1821 года под широтой 68°43′ и западной долготой 73°10′ экспедиция открыла гористую землю,

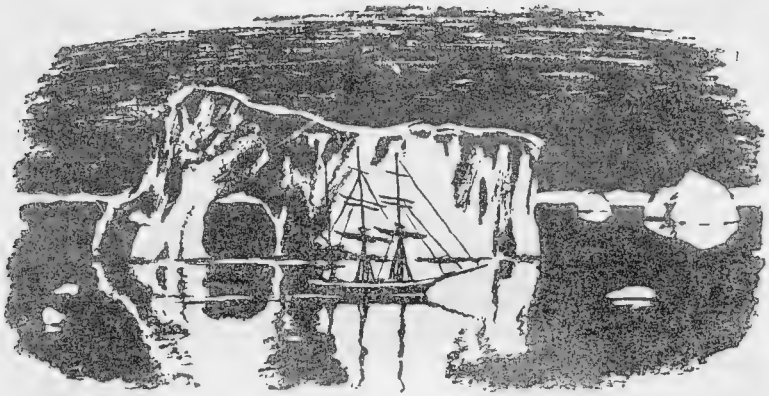


названную берегом Александра I. «Я называю, — пишет Беллинсгаузен, — обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к югу исчезала за предел зрения нашего. Сей берег покрыт снегом, но осыпи на горах и крутые скалы не имеют снега. Внезапная перемена цвета на поверхности моря подает мысль, что берег обширен или, по крайней мере, состоит не из той только части, которая находилась перед глазами нашими». В настоящее время принято считать, что Земля Александра I есть большой остров, отделенный от материка узким проливом свыше пятисот километров длиной. Хотя окончательно еще не доказано, есть ли Земля Александра I часть материка или большой остров, но, во всяком случае, если даже это остров, то он тесно примыкает к материку.

Через неделю достигли Южно-Шетландских островов, каковые положены на карту. Но так как незадолго до Беллинсгаузена, в феврале и октябре 1819 года, острова эти были посещены и кратко описаны капитаном английского купеческого судна Смитом, то русские названия, данные нашими моряками (острова Бородино, Малый Ярославец, Тейль, Смоленск, Березина, Полоцк, Лейпциг, Ватерлоо), заменены в настоящее время на иностранных картах английскими.

Близ острова Тейль встретили промышленника Пальмера, который сообщил, что капитан Смит убил за четыре месяца до шестидесяти тысяч котиков. Очень скоро котики были здесь совершенно истреблены.

Подвигаясь далее на северо-восток, открыли три островка, названные Тремя Братьями, затем остров контр-адмирала Рожнова. В этих местах киты плавали стаями. Наконец, открыли остров адмирала Мордвинова, остров Михайлова (в честь капитан-командора Михай-



лова) и остров вице-адмирала Шишкова. Все перечисленные острова ныне тоже носят на иностранных картах английские названия.

От Южно-Шетландских островов «Восток» и «Мирный» взяли курс на Рио-де-Жанейро и 24 июля 1821 года вернулись в Кронштадт после семисот пятидесяти одного дня отсутствия. Всего было пройдено свыше 92 тысяч километров пути, причем наши мореплаватели обошли кругом всего антарктического материка.

Описание этого замечательного плавания было опубликовано в 1831 году Беллинсгаузеном под заглавием «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820 и 1821 годов».

Книга была издана в двух томах с атласом карт и видов.

Государственное издательство географической литературы в 1949 году переиздало этот труд, сделавшийся библиографической редкостью.

Выдающиеся достижения русских исследователей

Плавание шлюпов «Восток» и «Мирный» принадлежит к числу замечательнейших в истории географических открытий.

Беллинсгаузен был учеником Крузенштерна, и от своего знаменитого учителя он заимствовал точность и добросовестность в своих исследованиях, постоянную заботу о судне и о здоровье экипажа, упорство в достижении поставленных ему целей.

Что касается Лазарева, одного из славнейших наших моряков, то это был человек, каким может гордиться наша Родина. Все плававшие под начальством Лазарева воздают дань его мужеству, хладнокровию и решимости перед лицом опасностей.

В рапорте, отправленном из порта Жаксон (Сидней) на имя морского министра, 8 апреля 1820 года, Беллинсгаузен писал:

«Во всё время плавания нашего при беспрерывных туманах, мрачности и снеге, среди льдов, шлюп «Мирный» всегда держался в соединении, чему по сие время примеру не было, чтобы суда, плавающие столь долговременно при подобных погодах, не разлучались, и потому поставляю долгом представить о таком неусыпном бдении лейтенанта Лазарева.

При сем за долг поставлю донести, что в такое продолжительное время плавания в столь суровом море, где беспрестанно существуют жестокие ветры, сохранены как рангоут,[1] равно паруса и снасти в целости,

---

[1] Рангоутом называются мачты и другие деревянные части, на которых ставятся паруса.

ПУТЬ ПЛАВАНИЯ РУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В АНТАРКТИКЕ

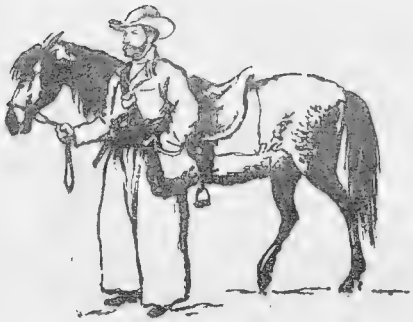
что означает бдительность и искусство подчиненных мне офицеров.

«По приходе в порт Жаксон шлюпа «Мирного», 7 апреля лейтенант Лазарев донес, что у него всё в целости, и о своих офицерах также отозвался весьма хорошо.

«В столь продолжительном и весьма трудном плавании между льдами, туманами и снегом капитан-лейтенант Завадовский разделял труды со мною и во всех случаях был совершенный мне помощник, переносил великие трудности; без его помощи я бы не в состоянии был перенести сии труды в столь суровом и сыром климате».

В настоящее время моряки и географы высоко ставят морское искусство и научные достижения Беллинсгаузена и Лазарева, славных открывателей антарктического материка.

П. П. СЕМЕНОВ-
ТЯН-ШАНСКИЙ



Годы учения. Осуществление мечты

Петр Петрович Семенов, знаменитый путешественник, бессменный руководитель Русского географического общества, на протяжении свыше сорока лет был одним из просвещенных деятелей дореволюционной России.

Еще в юные годы будущий географ увлекался изучением природы родного рязанского края.

В 1845 году Петр Петрович поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, где читали лекции выдающиеся профессора.

Вскоре по окончании университета, в 1849 году, Семенов был принят в число членов Географического общества. С этого времени его жизнь становится неразрывно связанной с деятельностью этого учреждения, где он работал сначала в качестве библиотекаря, затем секретаря, председателя отделения географии физической. Наконец с 1873 года Петр Петрович бессменно избирался главою Общества и в этой должности состоял вплоть до своей кончины в 1914 году.

Годы 1853—1855 Семенов провел за границей, где поставил себе целью подготовиться к задуманному им путешествию в Тянь-шань. Гумбольдт предполагал, что в этой горной системе существуют ныне действующие или недавно потухшие вулканы.

Для изучения вулканических явлений Семенов посетил окрестности Неаполя и совершил семнадцать восхождений на Везувий.

Экспедиция на Тянь-шань. Путешествие через Сибирь

Вернувшись в Петербург, Петр Петрович весною 1856 года снарядился в свою экспедицию на Тянь-шань.

До Москвы он доехал по железной дороге и далее до Нижнего Новгорода (теперь город Горький) — по шоссе. Там он купил тарантас казанской работы и отправился в путь по Большому сибирскому тракту. У Екатеринбурга (теперь Свердловск) Уральский хребет можно переехать почти незаметно. «Только верстовой столб с надписью с одной стороны «Европа», а с другой — «Азия» наивно, хотя наглядно, изображал искусственную границу обеих частей света».

«Уральский хребет, — пишет П. П. Семенов, — колоссальный по своему протяжению с севера на юг, ни в физическом, ни в экономическом отношениях не служит к разъединению двух частей света, между которыми проходит. Ни для климатических особенностей, ни для флоры и фауны Урал не составляет резкой границы. Минеральные богатства хребта завязывают самый прочный узел взаимных связей между обитателями европейского и азиатского склонов».

Вскоре за Екатеринбургом началась великая Западно-сибирская низменность, самая обширная в Старом свете. Абсолютные высоты этой низменности обычно не превосходят ста или немногим более метров. На ней на пути от Урала к Алтаю, начиная от последних уральских до первых алтайских предгорий, нет ни одного камня ни в виде твердой горной породы, ни даже в виде валунов, так что обилием каменных строительных материалов эта страна похвалиться не может. Но зато покрыта она необозримыми лесами.

С любопытством наблюдал Семенов весеннюю растительность Западно-сибирской низменности. Он мог убедиться в справедливости мнения, что вплоть до Енисея растительный мир Сибири имеет, в общем, европейский облик. Те же светлолиловые головки сон-травы, золотые цветы горицвета, густосиние медуницы составляли и в Сибири украшение растительного покрова.

Вот как описывает Семенов Ишимское лесостепье:

«Березовые перелески, луга и обширные пространства стоячей воды перемежались между собой. Растительный покров влажной степи носил всё еще европейско-русский характер. Пушистый лиловый сон,[1] золотые горицветы, белые крупные цветы другой ветреницы, бледно-

[1] Сон — трава. Один из видов анемон.

желтые стройные мытники, высокие красные медовики и, наконец, на более сухих местах грациозно волнующийся на ветре ковыль всего более характеризовали покров степи.

Несметное количество водных птиц придавало степи неимоверное оживление. Утки разных пород ходили попарно по большой дороге, поднимаясь только из-под быстро мчавшегося экипажа.

Многочисленные стаи гусей спускались без страха на бесчисленные небольшие водоемы, дунеля и бекасы беспрестанно с шумом вылетали из болотных трав.

Немного далее самка большого серпоклювого степного кулика с жалобным криком вилась около скачущих коней, как бы желая остановить их размахом своих длинных крыльев и защитить от их копыт свое еще беспомощное потомство, таящееся где-нибудь в высокой траве у степной дороги.

Еще дальше пара журавлей с криком испуга и с распущенными крыльями билась со степным кречетом в двух шагах от большой дороги, не смущаясь бегом лошадей. Самка падает, опрокинутая быстрым натиском кречета,

но самец отчаянно бросается на него, и кречет, выскочив из-под набегающих коней, взвивается высоко и парит далее над степью, высматривая себе более легкую добычу».

Первым большим городом Западной Сибири, который встретился на пути Семенова, был Омск. Этот город — в настоящее время крупный центр с несколькими высшими учебными заведениями. Но около ста лет назад там было всего шестнадцать тысяч жителей, несмотря на то, что Омск служил местопребыванием западносибирского генерал-губернатора, который одновременно был командующим войсками всей Западной Сибири.

В Омске Петр Петрович познакомился с двумя замечательными людьми. Один из них был Григорий Николаевич Потанин, впоследствии знаменитый путешественник по Центральной Азии.

Другое лицо, с кем Семенов свел знакомство, — это выдающийся представитель казахского народа — Чокан Чингисович Валиханов.

Обладая совершенно исключительными способностями, Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, затем слушал лекции в Петербургском университете и сделался специалистом по истории Востока. Из него вышел бы замечательный ученый, если бы не преждевременная смерть от чахотки, унесшей его в могилу в 1865 году во цвете лет. Но и то, что успел сделать Валиханов, доставило ему заслуженную славу. В 1858 и 1859 годах он, по совету П. П. Семенова, посетил Кашгарию, о которой сообщил в своем отчете весьма ценные сведения. Собрание сочинений этого выдающегося деятеля было издано Географическим обществом в 1904 году.

В Семипалатинске Петр Петрович встретился со своим старым знакомым Ф. М. Достоевским. Писатель отбывал здесь ссылку.

Из Семипалатинска наш путешественник направился к неведомому Тянь-шаню по почтовой дороге на Копал.

Станции по дороге помещались в домиках из необожженного кирпича, выстроенных в степи на расстоянии от 25 до 35 километров один от другого. Лошадей на этих станциях содержалось немного, а в случае необходимости их брали прямо из табунов, которые принадлежали кочующим вблизи казахам. Пойманную в табуне тройку, не видевшую никогда упряжки, запрягали так, что лошадям завязывали глаза и ставили их мордой к тарантасу, а потом уж повертывали как следует.

Когда всё было готово, снимали с глаз лошадей повязки и пускали всю упряжку по дороге. Лошади мчались, как бешеные, по степи. Промчавшись таким образом километров с десять, лошади, значительно утомившись, бежали уже ровнее и спокойнее, и ими легко было управлять.

Путь к Тянь-шаню. Знакомство с чолоказаками. Исполинский хребет Заилийский Алатау

Через пять дней езды Семенов из Семипалатинска добрался до Копала — довольно значительного русского поселения у подножия Джунгарского Алатау.

Копал, основанный русскими в 1841 году, был во времена Семенова (1856 год) уже довольно значительным городком, в котором насчитывалось до семисот домов.

Население засевало пшеницу, рожь, овес, ячмень, частью кукурузу и джугару (сорго); в садах можно было видеть яблоки, абрикосы, персики, виноград. Отсюда Петр Петрович поднимался в снеговые горы Джунгарского Алатау. Внизу они были покрыты лесами из тяньшанской ели и сибирской пихты; повыше появляются альпийские луга, которые, наконец, исчезают под снеговым покровом.

За Копалом путь шел через пикет Карабулакский, расположенный на реке Каратале, значительном притоке

озера Балхаш. Около этого пикета были расположены поселения чолоказаков, выходцев из Ташкента.

Семенов посетил один из этих поселков, во главе которого стоял престарелый Чубар-мулла.

Оказалось, что большинство чолоказаков — на самом деле вовсе не ташкентские узбеки, а беглые из Сибири ссыльные поселенцы, преимущественно русские.

Поселившись на самой окраине тогдашних русских азиатских владений, они переженились на местных девушках из казахского народа.

С Чубар-муллой Петр Петрович объяснялся по-русски. Оказалось, что Чубар-мулла еще в 30-х годах прошлого века поселился в Ташкенте, где занимался сельскохозяйственными работами. Когда он узнал об основании русскими города Копала, у него появилось непреодолимое желание посмотреть на эту новую богатую окраину русского государства и, если возможно, поселиться здесь для того, чтобы, по крайней мере, умереть на родной земле.

На Каратале он нашел у русских казаков гостеприимство и временный заработок. И вот Чубар-мулла вместе со своими земляками-товарищами, беглецами из России, и поселились здесь под именем ташкентских выходцев — чолоказаков. Один из таких чолоказаков, печник, рассказал Семенову случай, бывший с ним при постройке русского консульства в Кульдже (город в Китае, на реке Или, по ту сторону Джунгарского Алатау).

Долго объяснялись они с консулом и по-казахски, и по-узбекски, но никак понять друг друга не могли. Наконец, печник, не вытерпев, спросил консула по-русски: «Да какую печку вашему высокоблагородию нужно — русскую или голландскую?» Консул рассмеялся.

Поблизости от поселения Чубар-муллы Семенов обнаружил при раскопках предметы буддийского культа, очевидно след когда-то обладавших этой страной калмыков.

В чолоказацком хуторе Петру Петровичу пришлось заночевать. Здесь он пользовался самым радушным гостеприимством бывших каторжников, давно превратившихся в самых мирных и трудолюбивых поселенцев новоприобретенной русской земли.

На дальнейшем пути к Верному (Алма-Ата) Семенов останавливался в пикете Коксуйском. Отсюда он совер-

нил восхождение на вершину, достигающую трех тысяч метров высоты.

Здесь Семенов собрал много растений, среди них и виды, ранее не известные в науке. Спустившись с гор на равнину, путешественник заночевал в казахском ауле. Хозяин угощал гостя кумысом, чаем, бараниной. «После полуночи, — рассказывает Петр Петрович, — я был пробужден страшной тревогой: послышались крики людей, отчаянный лай всех собак аула и, наконец, испуганные голоса всех домашних животных аула: ржанье лошадей, рев быков и верблюдов, блеянье овец — одним словом, такой дикий вокальный концерт, какой мне привелось слышать только один раз в моей жизни. Через несколько минут около самой юрты раздался громкий выстрел, и я мог распознать причину тревоги. Все казахи, узнав ночного гостя, кричали «аю, аю» (по-казахски: «медведь»). Это был медведь, забравшийся в стадо, которое паслось в нескольких шагах от нашей юрты. Испуганный выстрелом моего конвойного казака, медведь предпринял быстрое отступление, похитив только одного барана».

На следующий день Семенов увидал в туманной дали блистающий своими вечными снегами исполинский хребет Заилийский Алатау.

В Илийской низменности путешественник оказался в области иной растительности и животного мира. Здесь появилось много новых кустарников: красивый вид барбариса, вдвое и втрое выше человеческого роста, усеянный крупными розовыми ягодами; колючий чингиль, кустарник из бобовых; гребенщики, или тамариски; дереза и другие. Из животных в этих местах встречались кабаны и тигры, множество пустынных черепах, разные ящерицы, а из паукообразных фаланги, скорпионы и ядовитые каракурты.

Ближе к реке появились и деревья: разнолистные тополи и серебристый лох, или джида.

По мере приближения к Илийскому пикету по реке Или местность становилась оживленнее. Беспрерывно встречались то длинные караваны верблюдов, то ряды телег и повозок с первыми переселенцами в Заилийский край.

Осенью 1854 года на южном склоне Заилийского Алатау, в бассейне реки Или, было основано укрепление Верное, цветущий город Алма-Ата, ныне столица Казахской республики, местопребывание Казахской академии наук и университета.

В сердце Тянь-шаня. Укрепление Верное. Природа и животный мир предгорья

Из укрепления Верное Семенов решил направиться на озеро Иссык-куль.

Нужно сказать, что в те времена бассейн Иссык-куля не входил в пределы России. Берега этого озера были предметом спора между двумя племенами киргизов: с одной стороны — сарыбагишей, подданных Кокандского ханства, а с другой — богинцев, подданных Китая.

В результате столкновений между этими племенами дружественные русским богинцы откочевали на восток, а сарыбагиши еще не успели проникнуть на восточные берега Иссык-куля. В улажении споров между этими племенами Семенову принадлежала самая благотворная роль.

Отряд путешественника состоял из четырнадцати человек, в том числе — десяти конвойных казаков. Путь лежал на восток, вдоль подножия Заилийского Алатау.

В долинах речек, стекающих с этих гор, а также в предгорьях можно было видеть леса из яблони и дикого абрикоса («урюк»). От этих яблонь город Алма-Ата и получил свое имя («алма» — по-казахски значит: «яблоко»).

В середине сентября яблони были покрыты спелыми яблоками, но абрикосы уже отошли.

Выше этого пояса в горах располагаются хвойные леса из стройной тяньшанской ели, а еще выше — заросли древовидного можжевельника — арчи.

Из зарослей арчи в долине реки Иссык (приток реки Или) путешественники спугнули двух тигров. За ними по следам отправились на охоту три русских казака. Старый казак заметил тигра, притаившегося в кустарниках, но было уже слишком поздно, чтобы иметь время в него выстрелить. Тигр бросился на охотника так стремительно, что ударом лапы выбил у него винтовку из рук. Опытный казак, не теряя присутствия духа, стал перед тигром, который, в свою очередь, тоже остановился и лег перед охотником, как кошки ложатся перед мышью, когда та перестает двигаться. Молодой казак, видевший всё это, поспешил на выручку товарища, но руки его так оцепенели от страха, что выстрелить он не мог. Тогда старый казак потребовал, чтобы тот передал ему свою винтовку. Но и этого молодой казак не был в состоянии сделать. Старый казак сделал два-три шага,

чтобы взять винтовку, но в этот момент тигр бросился на свою жертву и, схватив казака за плечо, быстро потащил его за собой. В это время подошел третий охотник с собакой, которая вцепилась тигру в спину.

Бросив свою добычу, тигр постарался освободиться от своего маленького врага, но тут он был поражен двумя смертельными выстрелами. Зверь имел еще достаточно силы для того, чтобы спуститься до ручья и напиться, но тут же пал мертвым. У старого казака одна рука была перегрызена выше локтя, так что ее пришлось отнять, а у другой сильно повреждены два пальца. В городе пострадавшему была оказана помощь, и он выздоровел, лишившись, однако, руки. Тигровая шкура была передана П. П. Семенову.

Через неделю по выступлении из укрепления Верное (Алма-Ата) Семенов достиг восточной оконечности Иссык-куля.

Озеро Иссык-куль. Встреча с сарыбагишами

«Иссык-куль» на языке киргизов, населяющих бассейн этого озера, значит: «горячее озеро». Такое название оно получило за горячие источники на его берегах, издавна используемые местными жителями. Озеро было известно еще китайцам, которые упоминают о нем под именем Же-хай (теплое море или озеро) в своих летописях при описании событий II века до нашей эры.

Из русских впервые побывал на Иссык-куле, и именно на восточной оконечности его, капитан Иван Унковский, который в 1721 году был послан Петром I к калмыкам, владевшим тогда берегами Иссык-куля.

За полгода до Семенова, весною 1856 года, из Верного (теперь Алма-Ата) был послан на Иссык-куль отряд под начальством полковника Хоментовского. В этом отряде были и топографы, которые в течение двух месяцев положили на карту восточную часть озера.

На берегах Иссык-куля передки землетрясения, в связи с которыми случаются местные провалы.

О происхождении озера Иссык-куль существует сказание.

Некогда на месте Иссык-куля было царство хана Джанибека. У него были ослиные уши, и, чтобы скрыть этот порок, жестокий хан казнил каждого брадобрея, услугами которого он пользовался. Несчастные подданные бросали жребий, кому итти на смерть — брить хана.

Однажды жребий выпал ловкому молодому человеку, который так понравился хану, что тот приблизил его к себе и сделал важным сановником, наказав строго хранить тайну об ушах. Долго молчал юноша, но, наконец, не выдержал, побежал к колодцу, наклонился и стал шептать: «У нашего хана ослиные уши, у нашего хана ослиные уши».

Только что произнес он эти слова, вода в колодце стала подниматься и затопила всё царство жестокого хана. Такова эта легенда, весьма напоминающая классическое сказание о царе Мидасе, обладавшем ослиными ушами. Но только греческий брадобрей шептал не в колодец, а в ямку; из ямки вырос тростник, и во время ветра из тростника слышалось: «У царя Мидаса ослиные уши».

Иссык-куль — это громадное высокогорное озеро: оно имеет в длину сто восемьдесят километров; уровень его более чем на тысячу шестьсот метров выше уровня

океана. С севера и с юга озеро окаймлено мощными снеговыми цепями, достигающими местами свыше пяти тысяч метров абсолютной высоты.

Глубина озера громадна: мне удалось найти глубину в семьсот два метра; таким образом, Иссык-куль по глубине третье озеро в нашем Отечестве после Байкала (1740 метров) и Каспия (около тысячи метров).

Озеро не имеет стока, и вода в нем солоноватая.

Температура воды в открытой части озера даже зимою не опускается ниже 4°, почему Иссык-куль, за исключением некоторых заливов, зимою не покрывается льдом. От этого озеро зимою заметно согревает свои берега. Хотя город Пржевальск, находящийся близ восточного конца Иссык-куля, лежит на 900 метров выше города Алма-Ата, расположенного у северного подножия Заилийского Алатау, тем не менее январь на Иссык-куле на 3,5° теплее, чем в Алма-Ата.

На берегах Иссык-куля сеют пшеницу, озимую и яро-

вую, местами разводят яблоки, абрикосы, сливы, арбузы, помидоры, кукурузу, но виноград и дыни не вызревают.

В советское время к Иссык-кулю подведена железная дорога, а по озеру существует пароходное сообщение.

Достигнув восточного конца Иссык-куля, Семенов вернулся в конце сентября в Верное (Алма-Ата).

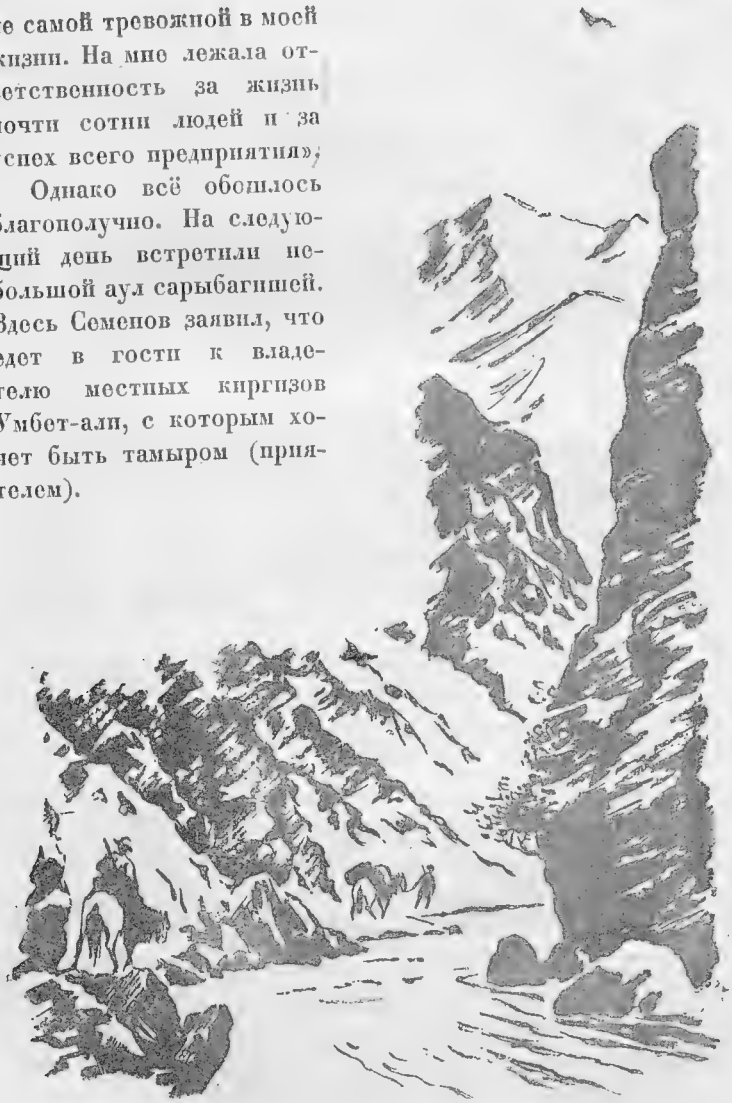
Через несколько дней он отправился с отрядом из 90 всадников, при 20 вьючных лошадях, к западной оконечности Иссык-куля.

Проехав километров сорок вдоль подножия Заилийского Алатау, отряд услыхал отчаянные крики. Оказалось, что сарыбагиши грабили узбекский караван, направлявшийся из Ташкента в Верное. Когда отряд Семенова прискакал на помощь, сарыбагиши бежали, не успев ограбить караван. Разбойников застали в тот момент, когда они разували узбеков, чтобы отнять у них деньги, хранимые в сапогах.

К Иссык-кулю пришлось двигаться через знаменитое узкое и длинное Буамское ущелье, по дну которого с шумом струится река Чу. По ущелью отряд пробирался с большим трудом, так как дороги не было (теперь тут проходит железнодорожный путь). В три часа ночи остановились на ночлег в небольшом расширении ущелья. На вершинах обрывов Семенов выставил пикеты. Такая предосторожность была необходима: если бы пробирающиеся по вершинам горных утесов сарыбагиши заметили стоянку отряда, то они могли бы истребить всех, засыпав сверху нависшими здесь каменьями и скалами. «Я напрасно, — пишет Семенов, — старался уснуть в своей палатке под шум водопадов, образуемых рекой Чу. Ночь, проведенная мною в Буамском ущелье, была едва ли

не самой тревожной в моей жизни. На мне лежала ответственность за жизнь почти сотни людей и за успех всего предприятия».

Однако всё обошлось благополучно. На следующий день встретили небольшой аул сарыбагишей. Здесь Семенов заявил, что едет в гости к владетелю местных киргизов Умбет-али, с которым хочет быть тамыром (приятелем).



Важное открытие. Возвращение в Верное. Новая экспедиция на Иссык-куль

Дойдя до Иссык-куля, экспедиция оказалась посреди громадного количества киргизских стад. Пришлось выслать вперед четырех казаков для того, чтобы расчищать дорогу среди этой массы животных.

У западной оконечности Иссык-куля, в расстоянии нескольких километров от берега озера, протекает река Чу, которая, вместо того чтобы впасть в озеро, поворачивает от него к горам и в грандиозном ущелье пересекает Кунгей-Алатау, хребет, отграничивающий Иссык-куль с севера.

Здесь, в том месте, где река Чу подходит к озеру, для гостей была приготовлена прекрасная юрта. Семенов объяснил сарыбагишам, что пришел к ним с мирными намерениями и что русские никогда не нападали и не намерены нападать на сарыбагишей. При этом Семенов

передал подарки для Умбет-али, который был в отъезде. Семейство владетеля, в свою очередь, отдарило Семенова тремя прекрасными конями, и, таким образом, Умбет-али, по киргизскому обычаю, сделался тамыром (другом) Семенова.

На другой день Петр Петрович предпринял обследование западной оконечности Иссык-куля. Был установлен весьма важный факт: река Чу вовсе не вытекает из озера Иссык-куль, как изображалось на западноевропейских картах. Напротив того, огибая западный конец озера, она, прежде чем направиться в Буамское ущелье, временами отдает часть своих вод Иссык-кулю через проток Кутемалды.

Отсюда через Заилийский Алатау Семенов вернулся в Верное.

Из Верного Петр Петрович в следующем 1857 году предпринял новую экспедицию на Иссык-куль. К этому времени укрепление Верное значительно обстроилось, у домиков появились сады, казаки доставили с Алтая

ульи. Местные кочевники-казахи, никогда не видавшие пчел, с изумлением рассказывали Семенову, что русские привезли такую муху, которая делает сахар.

Распря между богинцами и их соперниками, сарыбагишами, продолжалась. Богинцы стремились вернуть себе восточную половину иссык-кульского бассейна, отнятую у них сарыбагишами. Поэтому богинцы начали переговоры о вступлении в русское подданство, ожидая, что русские защитят их от противников. В конце 1856 года сарыбагишам удалось захватить в плен одну из жен властителя богинцев Бурамбая, а также жен трех его сыновей, после чего сарыбагиши уже считали весь бассейн Иссык-куля своею собственностью.

Местное русское военное начальство решило направить на Иссык-куль для улажения споров Семенова, а кроме того, — султана казахов Тезека, находившегося в дружественных отношениях с богинцами.

Дожидаясь отправления экспедиции, Семенов ежедневно делал из Верного (теперь Алма-Ата) экскурсии в предгорья Заилийского Алатау. В конце мая на горных склонах цвел розовыми цветами эремурус — растение высотою до трех метров, из семейства лилейных. Местное население добывает из него превосходный клей. Выше, по долине реки Алматики, на которой стоит Алма-Ата, появились очаровательные леса из диких яблонь, покрытых нежнорозовыми цветами, и абрикосовых деревьев.

В середине июня Семенов выехал из Верного в глубь Тянь-шаня во главе отряда, состоявшего из пятидесяти восьми человек при двенадцати верблюдах и семидесяти лошадях. Экспедиция имела целью посетить горы у восточной оконечности Иссык-куля.

Семенов разрешает семейные дела казахов

Восточнее Алма-Ата, в предгорьях Заилийского Алатау, в живописной местности, над которой возвышается величественный пик Талгар, высотой около пяти тысяч метров, Петру Петровичу пришлось выступить в роли третейского судьи в спорах между двумя родами казахов.

Дело заключалось в следующем.

Дочь одного знатного казаха, из поколения дулатов, собою красавица, была просватана сыну не менее знатного казаха из другого рода, адбалов.

Калым (выкуп за невесту) был уже сполна выплачен, и в один прекрасный день жених явился за получением невесты.

Однако, познакомившись со своим нареченным, красавица почувствовала к нему антипатию и категорически заявила, что не будет его женою. Никакие уговоры родителей не действовали на эту замечательную девушку.

Она отвечала, что ее, конечно, могут взять силою, но что живою она ни в каком случае своему жениху не достанется. И родители, зная характер своей дочери, не сомневались в том, что это не пустые угрозы.

Положение осложнялось тем, что всё это происшествие было неслыханным нарушением казахского обычного права. Как бы то ни было, родители стали на сторону своей дочери и заявили, что готовы на всякие жертвы, но дочери своей не отдадут.

Красота девушки, ее самобытный ум и отвага, — говорит Семенов, — привлекли на ее сторону не только всех ее родных, но и весь род дулатов, и если бы жених принадлежал к этому роду, то дело могло бы уладиться, так как жениха и его родителей можно было бы уговорить отказаться от невесты за возврат калыма и крупное вознаграждение. Но так как жених принадлежал не к одному роду с невестой, то весь род адбалов счел отказ невесты за народное оскорбление.

Дело грозило междоусобицей. Однако, по настоянию пристава, было решено этот спор разрешить, согласно обычному праву казахов, судом биев (казахских судей). В состав суда вошло по три бия от каждого рода; должны были присутствовать султаны обоих племен, а также пристав. На основании того же обычного права, биям надлежало выбрать председателем лицо, постороннее обоим родам и потому беспристрастное. Выбор единогласно пал на Петра Петровича Семенова, который по своему прошлогоднему путешествию был известен как человек справедливый и благожелательно относящийся к казахскому народу. К тому же он приехал издалека, не был связан с местной администрацией и имел репутацию ученого человека.

Это необычайное событие — приглашение русского в качестве верховного судьи в споре, касающемся основ

обычного права казахов, — ярко говорит о популярности, какую завоевал Петр Петрович в среде казахского народа. Вообще этот удивительный человек имел свойство привлекать к себе сердца всех, с кем ему приходилось иметь общение.

Для съезда биев была выставлена обширная, богато убранная бухарскими коврами юрта.

В качестве подсудимой была вызвана на суд сама невеста. «Стройная, 19-летняя девушка поразила всех присутствовавших своей красотой и необыкновенным

воодушевлением. Громким голосом и с большой энергией произнесла она свою защитительную речь, в которой объяснила, что вполне сознает права на нее жениха, его родителей и всего рода адбалов и что суд, вероятно, решит дело не в ее пользу, но что она ни в коем случае живой не достанется своему мужу, а что получить ее мертвую ни жениху, ни ее родителям нет никакой прибыли».

Родители невесты, обещая выдать свою дочь в замужество и обусловливая взносы калыма, были уверены, что жених не женат. Но когда калым был выплачен и нужно было отдавать дочь, оказалось, что у жениха уже есть жена.

На это бий адбалов Атамкул возразил, что жених действительно женат, но что он взял жену после уплаты калыма за подсудимую. Он никому не платил второй калым, и сам не имел намерения вступать в брак с другой невестой, но, согласно обычному праву, обязан был считать женою вдову своего брата. Дело сильно осложнилось этим обстоятельством. Атамкул в конце концов должен был признать, что со стороны жениха произошло некоторое, хотя и невольное, нарушение прав невесты. Поэтому бии решили вступить в переговоры с родителями жениха. Удалось уговорить жениха и его родителей отступиться от невесты, получив, в качестве удовлетворения, внесенный калым в двойном размере.

К сожалению, Петр Петрович не сообщает имени той героической женщины, из-за которой состоялся съезд биев и которая была первым борцом за женскую свободу в Казахстане. Не известна и судьба этой замечательной девушки.

Снова на Иссык-куле. К вершине Хан-тенгри

В конце июня Семенов был у перевала Санташ, который ведет к восточной оконечности Иссык-куля.

Слух о появлении здесь сильного русского отряда облетел весь бассейн этого озера, и сарыбагиши быстро очистили как северное, так и южное побережья Иссык-куля.

Всё это чрезвычайно благоприятствовало планам Петра Петровича. Он решил подняться к перевалу Зауку (или Джуука) через хребет Терскей, окаймляющий с юга бас-

сейн Иссык-куля. В состав отряда входили сорок девять казаков и двенадцать киргизских проводников.

Спустившись с перевала, путешественник начал встречать толпы голодных богинцев, которые плелись пешком из плена: отступая, сарыбагиши бросили их.

Во время исследований на берегах Иссык-куля экспедиция натолкнулась на отряд из тридцати вооруженных всадников — сарыбагишей, которые, однако, завидев русских, положили оружие и сдались. Семенов объявил им, что не имеет против них никаких враждебных намерений, и отпустил их с миром, наказав не нападать на богинцев. Но двоих из пленных Петр Петрович оставил у себя в отряде в качестве заложников, поручив им быть проводниками.

Вскоре встретили аулы Бурамбая, владетеля богинцев. Благодаря экспедиции Семенова Бурамбай снова получил все свои прежние владения в бассейне Иссык-куля, не потеряв ни одного из своих людей. Однако у него были еще два пожелания. Он просил Семенова уговорить сарыбагишского властителя Умбет-али, который сделался, как мы видели, другом нашего путешественника, вернуть Бурамбаю пленниц его семейства за, какой тот положит, выкуп. Исполняя желание главы беженцев, Семенов отпустил на свободу двух пленных сарыбагишей, поручив им доставить Умбет-али письмо, в котором были изложены предложения Бурамбая.

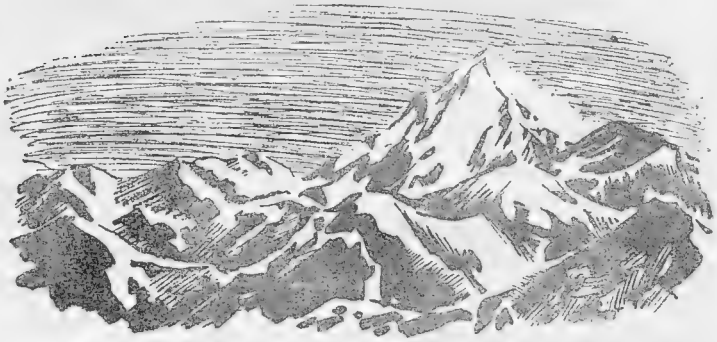
Другое пожелание Бурамбая было перейти со всем своим племенем в русское подданство. Семенов обещал поддержать его желание перед русскими властями.

Теперь экспедиция направилась к вершине Хан-тенгри. Вот как описывает Семенов вид на тяньшанского исполина:

«Прямо на юг от нас возвышался самый величествен-

ный из когда-либо виденных мною горных хребтов. Он весь, сверху донизу, состоял из снежных исполинов, которых я направо и налево от себя мог насчитать не менее тридцати. Весь этот хребет, вместе со всеми промежутками между горными вершинами, был покрыт нигде не прерывающейся пеленой вечного снега. Как раз посредине этих исполинов возвышалась одна, резко между ними отделяющаяся по своей колоссальной высоте, белоснежная остроконечная пирамида».

Это и была вершина Хан-тенгри — «властелин неба»,—



достигающая, по позднейшим измерениям, около семи тысяч метров абсолютной высоты.

Перевал же, с которого Семенов наблюдал Хан-тенгри, находился на высоте 3 500 метров. Вид, который открывался отсюда, наш путешественник называет самым величественным, подобный которому едва ли можно где-либо встретить в мире.

Впервые в 1931 году нашими альпинистами было произведено восхождение на пик Хан-тенгри. Оно повторено в 1936 и 1937 годах, когда к югу от пика была замечена

вершина, не уступающая, как тогда казалось, пику Хан-тенгри в высоте.

Однако впоследствии было установлено, что эта вершина почти на пятьсот метров превосходит Хан-тенгри, и ей было присвоено имя пика Победы. Высота этой горы, высшей точки всего Тянь-шаня, 7 440 метров.

С Хан-тенгри спускается много громадных ледников. Один из них, получивший название ледника Семенова, питает реку Сары-джас, относящуюся к бассейну реки Тарима. Нижний конец этого ледника был посещен Петром Петровичем.

По долине Сары-джаса путешественнику попадались в большом количестве черепа горных баранов с громадными завитыми рогами. Черепа эти были так тяжелы, что сильный казак едва поднимал их. Поблизости встретились стада этих же баранов, широко распространенных на Памире и в Тянь-шане.

Вернувшись отсюда к кочевьям Бурамбая, Семенов получил от Умбет-али ответ на свое письмо к нему. Умбет-али писал, что впредь до мирного соглашения с богинцами не соглашается ни на какую частную выкупную сделку со своим врагом Бурамбаем. Но вместе с тем Умбет-али посылал своему другу Семенову в дар всех четырех пленниц, о которых шла речь, предоставляя их судьбу Семенову. Понятно, что наш путешественник немедленно отпустил бывших пленниц по домам. А Умбету-али послал, с своей стороны, в дар 12 лучших коней, шесть кусков кавказских шелковых материй и другие подарки.

Отсюда, после исследований в горах Заилийского Ала тау, экспедиция вернулась в город Верный (Алма-Ата), где была радушно встречена почти всем населением города, во главе с начальством.

Возвращение в Петербург. Работа в Географическом обществе

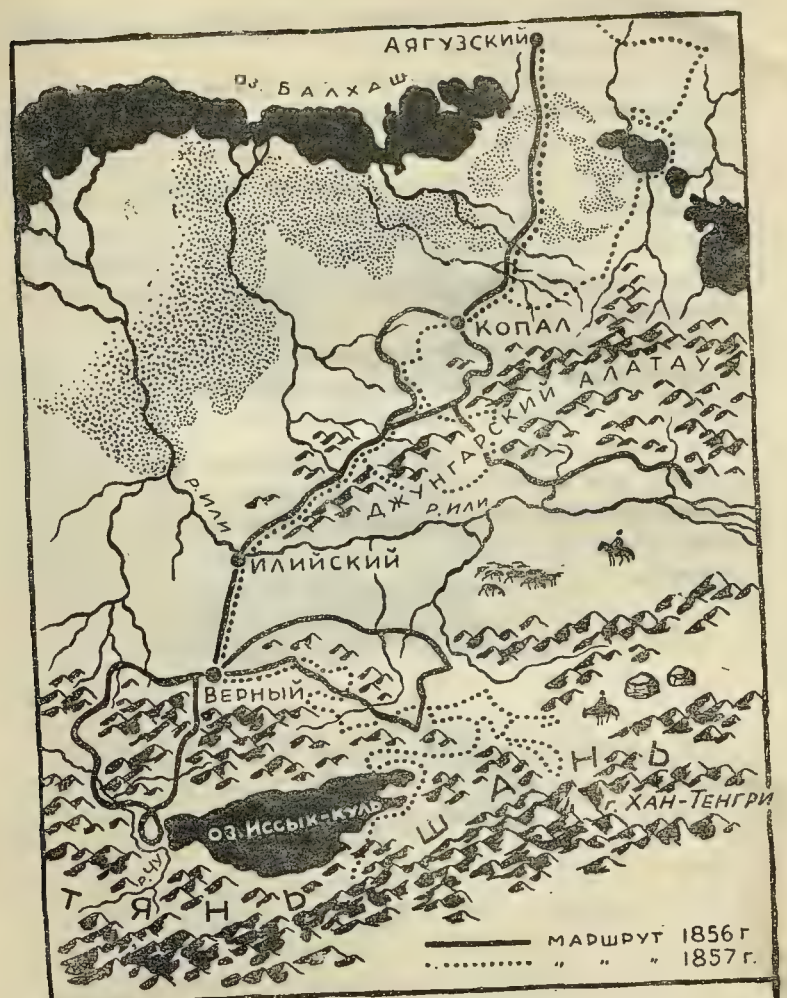
Через Семипалатинск и Омск Семенов в конце ноября 1857 года вернулся в Петербург.

Тяньшанское путешествие П. П. Семенова было чрезвычайно плодотворным. Петр Петрович был первым ученым-путешественником, проникшим в Тянь-шань.

Он заложил основы географического познания этой горной системы, доказав, что, вопреки мнению Гумбольдта, в Тянь-шане нет проявлений недавнего вулканизма; описал бассейн Иссык-куля, причем обнаружил, что река Чу вовсе не вытекает из этого озера; открыл много новых видов растений и животных.

Петр Петрович был не только замечательным географом, первым исследователем Тянь-шаня и многолетним главою Географического общества, — велики заслуги его и в деле служения общественности, а также в области искусства. Он принимал деятельное участие в крестьянской реформе, поставил на большую высоту государственную статистику в России. Он собрал громадную коллекцию картин голландской живописи (она ныне хранится в Эрмитаже) и напечатал солидные труды по истории искусства. Петр Петрович был одновременно почетным членом Академии наук и Академии художеств, а также почетным членом Географического общества, почти всех русских университетов и множества других учреждений.

В 1928 году, в ознаменование столетия со дня рождения Петра Петровича, Совет Народных Комиссаров СССР постановил укрепить памятную доску на доме в Ленинграде, где жил знаменитый путешественник. В Географическом обществе учреждена золотая медаль имени



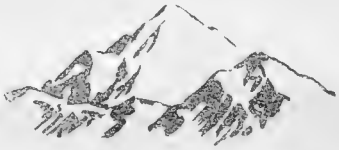
МАРШРУТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ
П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

П. П. Семенова-Тян-Шанского, выдаваемая за исследования азиатских стран.

Что касается личных свойств Петра Петровича, то он обладал завидной способностью привлекать к себе людей. Его острый ум, наблюдательность, способности организатора, в связи с добротой, благожелательным отношением к окружающим, его кипучая энергия, преданность науке и Родине, вообще высокие моральные качества делали Петра Петровича поистине обаятельным человеком.

В качестве главы Географического общества он был вдохновителем большинства наших крупных экспедиций.

Только благодаря энергии и содействию П. П. Семенова могли осуществиться экспедиции, прославившие русское имя во всем мире: мы имеем в виду путешествия Пржевальского, Северцова, Миклухо-Маклая, Певцова, Потанина, Роборовского, Козлова, Богдановича, Обручева, Грум-Гржимайло, Комарова и многих других.



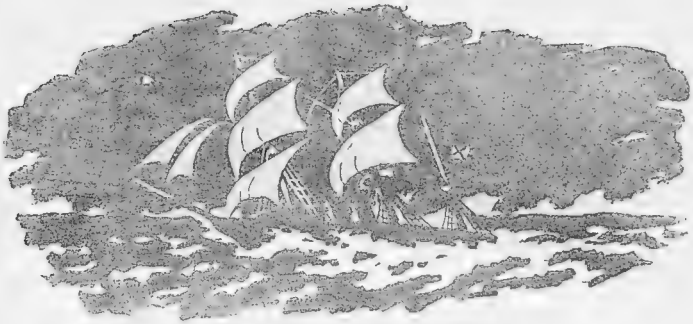
Н. Н. МИКЛУХО-
МАКЛАЙ

Первые экспедиции. Путешествие на корвете «Витязь». Высадка на берегу залива Астролябии

Среди великих путешественников прошлого века Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888) занимает совершенно особое место. В то время как другие географы открывали доселе не известные земли, Миклухо-Маклай прежде всего изучал быт и нравы людей среди исследуемых им народов.

«Меня, — говорил Л. Н. Толстой в своем письме к исследователю папуасов, — умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, насколько мне известно, вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой, и вы доказали это подвигами истинного мужества».

Первое путешествие Миклухо-Маклай совершил в 1866 году, когда ему было только двадцать лет от роду. Совместно с знаменитым зоологом Геккелем он посетил Канарские острова.



Через три года Миклухо-Маклай отправился — уже самостоятельно — на берега Красного моря, где он занимался изучением фауны.

Осенью 1869 года Николай Николаевич представил совету Географического общества проект поездки на Тихий океан. Глава общества, адмирал Литке, сначала скептически отнесся к предложениям Миклухо-Маклая. Кто он такой? Каков его авторитет в науке? Да и предмет его исследований не входит в круг занятий Общества, — говорил Литке.

Но Миклухо-Маклаю не стоило большого труда переубедить старого адмирала, который в конце концов оказал молодому путешественнику полное содействие.

Сначала предполагалось, что Миклухо-Маклай отправится в северную часть Тихого океана, но затем он остановился на тропиках, именно на Новой Гвинее, так как здесь наш путешественник надеялся встретить население, еще не входившее в соприкосновение с европейцами.

Корвет «Витязь», на котором отправился Миклухо-Маклай, вышел из Кронштадта в кругосветное плавание 27 октября (старого стиля) 1870 года.

Пройдя через Магелланов пролив, корвет посетил остров Пасхи, острова Таити и Самоа.

Путешественник живо заинтересовался каменными изваяниями на острове Пасха и древними письменами на деревянных таблицах и о посещении острова сообщил Географическому обществу.

В настоящее время доказано, что монументальные статуи были сооружены полинезийцами, заселившими остров в XI—XIII веках и поныне живущими там; им же принадлежат и письмена на таблицах. Но разобрать эти письмена пока не удалось никому.

20 сентября 1871 года Миклухо-Маклай высадился на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, в заливе Астролябии, под 5° южной широты.

В этих местах горы иногда приближаются почти к самому берегу. Также и лес местами спускается до самого моря. Нередко берег окаймлен коралловыми рифами. Климат тропический, сырой, жаркий и нездоровый. Самый жаркий месяц — февраль — имеет среднюю температуру в 27°, самый прохладный, август, 25,5°. Как видим, разница между средней температурой самого теплого и

самого холодного месяца (или годовая амплитуда) очень мала, но в течение суток разница между самыми теплыми и самыми холодными часами бывает довольно значительна: днем термометр поднимается до 29—32°, ночью же опускается до 23—24°, и местное население, папуасы, ночью нередко мерзнут.

Среди растительности бросаются в глаза пальмы — саговая, арековая, нипа, кокосовая.

Из животных здесь встречаются дикие свиньи, кенгуру и некоторые другие сумчатые, казуары — крупные, почти бескрылые птицы из группы страусообразных, великолепные райские птицы, принадлежащие к птицам, близким к воронам, попугаи, венценосные голуби; изредка попадается крокодил.

Хотя залив Астролябии был нанесен на карту еще французским мореплавателем Дюмоном д'Юрвилем в 1827 году, однако ни Дюмон д'Юрвиль, ни кто-либо другой после него не ступали тут на твердую почву.

В ближайшие дни после высадки Миклухо-Маклая на берегу моря для него была выстроена хижина длиною четыре и шириною два метра.

Миклухо-Маклай весьма предусмотрительно поселился не в папуасской деревне, а в расстоянии полу-

часа ходьбы от нее, среди девственного тропического леса. Это было выгодно для исследователя; но местность, которую выбрал для себя Николай Николаевич, была нездоровой: не только сам путешественник, но и многие из экипажа «Витязя» заболели желтой лихорадкой. Произведя съемку западного берега залива Астролябии, корвет 27 сентября снялся с якоря и ушел.

Первая встреча с папуасами

1 октября путешественник решил отправиться в ближайшую папуасскую деревню. Он пошел один и совершенно безоружный. О своей встрече с туземцами-папуасами в деревне Миклухо-Маклай рассказывает так:

«Группа вооруженных копьями людей стояла посредине, разговаривая оживленно, но вполголоса между собой. Другие, все вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было — они, вероятно, попрятались.

Увидев меня, некоторые туземцы подняли копья, а другие приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копье. Несколько восклицаний и коротких фраз с разных концов площадки имели результатом, что копья были опущены.

Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал медленно подвигаться. Ко мне подошли несколько туземцев. Вдруг пролетели, не знаю — нарочно ли или без умысла, одна за другой две стрелы, очень близко от меня.

Мне подумалось, что туземцам хочется знать, каким образом я отнесусь к сюрпризу вроде очень близко мимо

меня пролетевших стрел. Я мог заметить, что как только пролетела первая стрела, много глаз обратилось в мою сторону, как бы изучая мою физиономию. Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков.

Небольшая толпа окружила меня; двое или трое говорили очень громко, как-то враждебно поглядывая на меня. При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями. Один из них вдруг размахнулся копьем и еле-еле не попал мне в глаз или нос.

Я отошел шага на два в сторону и мог расслышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, не будучи уверен, так же ли хладнокровно отнесся бы я ко второму опыту, если бы мой противник вздумал его повторить.

Недолго думая, я высмотрел место в тени, притащил туда новую цыновку и с громадным удовольствием растя-

нулся на ней. Я увидел, что туземцы стали полукругом, в некотором отдалении от меня, вероятно удивляясь и делая предположения о том, что будет дальше.

Я проспал два часа с лишком. Открыв глаза, я увидел несколько туземцев. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо. Затем я встал и направился по той же тропинке в обратный путь».

Вряд ли можно в истории географических открытий найти более оригинальную встречу с туземцами, чем вышеописанная. Поведение Миклухо-Маклая обезоружило папуасов. Вскоре между приезжими белыми и туземцами установились дружеские отношения.

Папуасы приносили путешественнику плоды хлебного дерева, бананы, таро, кокосовые орехи, сахарный тростник, свинину, собачье мясо.

Миклухо-Маклай отдаривал их лоскутами материи, бусами, гвоздями, бутылками, коробками и тому подобным, лечил больных, давал советы.

Однажды на двух больших пирогах приехали люди с соседних островов Били-Били, привезли в подарок кокосов и бананов и, прощаясь, приглашали белого на свой

остров, показывая жестами, что не убьют и не съедят его.

Среди местных жителей Миклухо-Маклай слыл «человеком с луны». В сношениях с туземцами он всегда придерживался правила исполнять данное им обещание. Поэтому у папуасов сложилась поговорка: «слово Маклая одно».

Другое мудрое правило поведения заключалось в том, чтобы никогда не говорить туземцам неправды.

Быт и нравы папуасов

В те времена папуасы Берега Маклая не знали употребления металлов и находились в стадии каменного века; ножи, наконечники копий и разные орудия они делали из камня, кости и дерева.

Тем не менее, у них была высоко развитая сельскохозяйственная культура: они выжигали участки тропического леса, тщательно обрабатывали землю, окружали участок забором из сахарного тростника для защиты от нападения диких свиней.

Основные культурные растения здешних мест — это ямс, таро и бататы, составляющие в вареном или печеном виде главную пищу папуасов. На плантациях можно было встретить, кроме того, сахарный тростник, бананы, хлебное дерево, бобы, табак и другие растения. Вокруг хижин разводят кокосовые пальмы; они приносят плоды в течение круглого года.

Излюбленное блюдо папуасов — это соскобленная раковиной мякоть кокосового ореха, политая кокосовым молоком; получается нечто вроде каши. Приготовление кокосового масла не было известно жителям Берега Маклая.

Мясная пища у папуасов — редкость; на мясо разводят собак, новогвинейских свиней, кур. Едят также рыб, сумчатых, крупных ящериц, жуков и моллюсков.

Обыкновенно муж готовит пищу отдельно для себя, а жена — для себя и для детей. Муж и жена никогда не едят совместно. Гостю приготовляют пищу особо и при прощании вручают остатки.

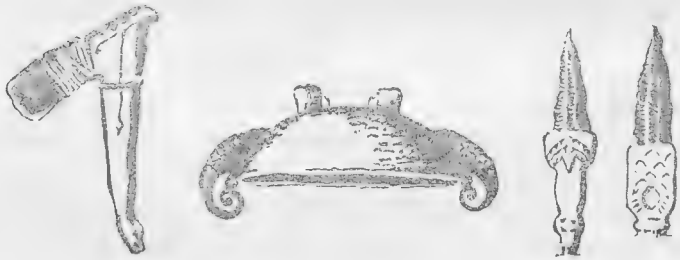
Не имея соли, вместо нее пользуются морской водой.

«Имеют еще суррогат соли в прибиваемых к берегу приливом засохших стволах и корнях. Носясь многие месяцы в море, стволы эти сильно пропитываются солью. Папуасы их сушат несколько дней на солнце и поджигают. Еще теплую золу папуасы жадно едят — она, действительно, довольно солона». Или же пьют навар из гусениц, пауков и ящериц в морской воде.

Из особого вида перца готовят опьяняющий напиток. Для этого листья, стебли, а особенно корни жуют, а затем выплевывают в кокосовую скорлупу с возможно большим количеством слюны. Потом приливают немного воды, фильтруют через пучок травы и пьют фильтрат. Достаточно стаканчика, чтобы опьянеть. Женщинам и детям употребление кеу, как называется этот напиток, строго воспрещено. Кеу — это кава полинезийцев.

Из домашних животных держали свиней и собак, мясо собак составляло любимую пищу. Посуда здешних папуасов состояла из глиняных горшков и деревянных блюд; в большом ходу была также скорлупа кокосовых орехов.

Главное орудие, при помощи которого папуасы делали свои постройки, лодки, утварь, — это каменный топор, плоский полированный камень с заостренным лезвием. Местами вместо камня пользовались массивной раковиной моллюска тридакны. «Туземцы своими легкими топорами, с лезвием не более чем в пять сантиметров, легко срубают древесные стволы в полметра в диаметре, а также вырезают тонкие узоры на древках своих копий», — писал Миклухо-Маклай. Ножи делали из костей животных, а также из бамбука. В качестве оружия употребляли дере-



вянные метательные копья длиной около двух метров, лук со стрелами длиной в один метр, пращи.

С железом впервые ознакомил жителей берегов залива Астролябии наш путешественник. Еще в конце XIX века русское слово «топор» употреблялось всеми туземцами побережья для обозначения железного топора, в отличие от каменного.

Добывать огонь прибрежные папуасы не умели и для сохранения огня пользовались горящими или тлеющими головешками. Те же, которые жили в предгорьях, извлекали огонь шнурком при помощи трения.

Мужчины, особенно в праздничные дни, раскрашивали себе лицо красной или черной краской. Мужчины, а иногда и женщины, татуируются, выжигая на теле рубцы. Женщины носят много ожерелий из раковин, собачьих зубов и косточек плодов.

Папуасы жили небольшими деревнями в хижинах из бамбука или из дерева, с крутыми крышами. Некоторые хижины были украшены изображениями человеческих фигур обоего пола, сделанными из дерева. Одна такая фигура («телум»), привезенная Миклухо-Маклаем, хранится в Этнографическом музее Академии наук.

Папуасы Берега Маклая женятся рано; как правило, имеют одну жену и в нравственном отношении ведут очень строгую жизнь. Брак у папуасов экзогамный; это значит, что мужчина может жениться только на женщине из другого рода. Для вступления в брак необходимо согласие матери или брата матери. Миклухо-Маклай описывает обряд сватовства в одной из деревень. Дядя с материнской стороны дает жениху наговоренный табачный лист. Жених кладет на него несколько своих

волос, завертывает и, выкурив до половины, передает девушке. Если та закурит окурок или примет его, отдарив иглой из рыбьей кости, это означает ее согласие на брак. Когда берут жену из дальней деревни, совершают обряд насильственного похищения невесты.

Родители весьма привязаны к детям. По дому все повседневные хозяйственные работы выполняют женщины.

Мертвых погребают, закапывая в земле в тех же хижинах, где живут.

На Берегу Маклая не было ни родовых, ни выборных начальников.

Язык папуасов Берега Маклая не представлял труд-

ностей для изучения, и путешественник вскоре настолько овладел папуасским языком, что мог свободно объясняться с жителями соседних деревень. Для этого потребовалось знание примерно трехсот пятидесяти слов. Общее количество слов в языке папуасов данного района Миклухо определяет в 1000.

Следует иметь в виду, что никаких переводчиков или словарей у нашего путешественника не было. К этому надо прибавить, что почти каждая деревня Берега Маклая имеет свое наречие и, чтобы понимать жителей в расстоянии часа ходьбы от резиденции Миклухи, надо было брать переводчика.

Число жителей вокруг залива Астролябии Миклухо-Маклай исчислял в 3 500—4 000 человек.

19 декабря 1872 года за Николаем Николаевичем пришел клипер «Изумруд». На это судно был назначен один моряк с «Витязя», уже побывавший на Новой Гвинее в 1871 году, когда «Витязь» отвозил Миклухо-Маклая. Вот как состоялась встреча с путешественником.

«Мы не без внутреннего волнения приближались к бухте Астролябии. Жив Маклай или нет? Большинство уже давно исключило Маклая из списка живых, так как в одной из австралийских газет несколько времени тому назад было напечатано, что в Астролябию заходило одно купеческое судно, нашедшее в живых только Вильсона...

Один из офицеров заметил русский коммерческий флаг, развевающийся между ветвями громадных деревьев, и пришел в такое волнение от своего открытия, что едва мог сообщить своему командиру.

Клипер прибавил ходу, и мы увидели дом; видели, как отвалили две пироги, идущие к нам навстречу. Постепенно сближаясь, мы различили какого-то европейца, который вскоре оказался, ко всеобщей радости, мнимоумершим Маклаем.

Сцена встречи была самая торжественная. Разукра-

шенные оружием и головными уборами гребцы чинно сидели на своих местах в пироге, а между ними на возвышении помещался худой и обросший Маклай в истрепанном и поношенном костюме с соломенной шляпой.

Клипер остановился и, выпуская с грохотом излишний пар, послал по вантам команду, которая, вместе с стоявшими на мостике офицерами, дружным и многократным ура приветствовала нашего смелого исследователя Новой Гвинеи.

Маклай сильно изменился за время 15 месячного отшельничества от мучившей его лихорадки, всякого рода лишений и трудных работ.

Во фланелевой рубахе, гамашах, с кинжалом и револьвером за поясом, с сумкой через плечо, наполненной

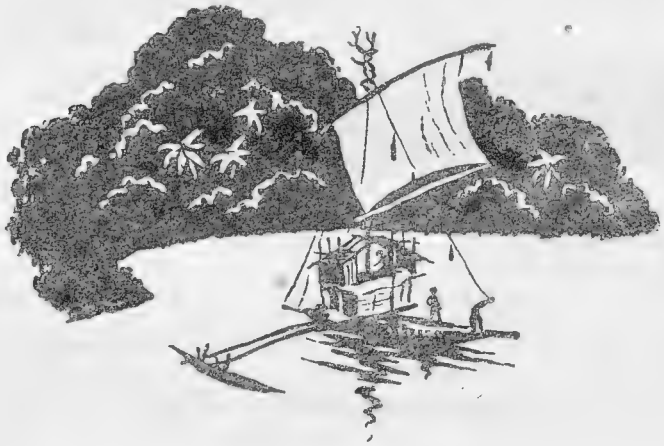
разными лохмотьями для мены и покупки пищи, он был настоящим Робинзоном Крузо. Местные жители относились к Маклаю с большим доверием».

Папуасы очень сокрушались об отъезде Маклая. Но путешественник, пообещав своим друзьям скоро вернуться, уехал. Он отправился не на родину, а совершил на «Изумруде» большое путешествие по Индо-Малайскому архипелагу и соседним местам.

Новое путешествие Миклухо-Маклая

В 1874 году Миклухо-Маклай из Батавии снова отбыл на Новую Гвинею, но теперь на берег Папуа-Ковиай, расположенный на юго-западе острова.

Здешние папуасы, по описанию Миклухо, представляли собою по образу жизни водяных номадов: на берегу не было никаких поселений; туземцы, вместе с женами и



детьми, жили в крытых пирогах, на которых они скитались вдоль берегов.

Причина этого заключалась в междоусобиях, которые существовали между прибрежными и горными папуасами. Время от времени пирога пристает к берегу, ее вытаскивают на сушу, и она превращается в шалаш.

Туземцы собирают в лесу плоды хлебного дерева, ловят птиц, иногда даже разводят скрытую в лесу плантацию таро или батат, но на одном месте остаются недолго. На берегу Папуа-Ковпай, в отсутствие путешественника, была разграблена его хижина и убито несколько туземцев.

В 1875 году Миклухо-Маклай совершил путешествие по полуострову Малакка с целью изучения тамошних племен.

Из Сингапура он отправился в Иохор, а отсюда — в Пахан, где в верховьях реки Пахан посетил малоизвестное меланезийское племя орангсакай.

В 1876 году Миклухо-Маклай посетил остров Яп, или Вуап, — один из западных Каролинских. Здесь путешественник имел возможность наблюдать замечательные каменные деньги («фе»), обращавшиеся на этом острове. Они имели форму мельничных жерновов диаметром от тридцати сантиметров до двух метров и весом нередко в несколько тонн. Эти деньги высекают из белого грубо обтесанного камня, в середине

которого делают отверстие. Ценность тщательно полированных камней соответствовала тысяче долларов и больше.

Другой род туземной меновой единицы, не столь тяжеловесной, состоит из свертков грубых цыновок, шириной около метра и диаметром тридцать — семьдесят пять сантиметров. Самый большой сверток соответствует тридцати пяти — сорока долларам. Кроме как в качестве денежной единицы эти цыновки не используются. Лет за пятьдесят до посещения острова Ян Миклухо-Маклаем здешние туземцы пользовались орудиями каменного века, и путешественник еще мог достать здесь несколько каменных топоров.

В первой половине 1876 года Миклухо-Маклай побывал на островах Адмиралтейства, расположенных не очень далеко от северо-восточного берега Новой Гвинеи, а затем снова, после трех с половиной лет отсутствия, поселился у старых знакомых на берегу бухты Астролябии.

Снова у папуасов. Находчивость путешественника

«Когда я съехал на берег, — пишет Миклухо-Маклай, — в непродолжительном времени туземцы соседних деревень, не исключая женщин и детей, сбежались приветствовать меня. Многие плакали».

Путешественник привез с собою из Сингапура небольшой деревянный дом в разобранном виде и установил его, как и в первый раз, в отдалении от деревни, хотя и на другом месте.

Авторитет Миклухо-Маклая среди папуасов настолько возрос, что его слова было достаточно, чтобы предотвратить войну между соседними деревнями.

Наш путешественник обладал особою находчивостью в сношениях с туземцами. Об этом можно судить по следующему происшествию. Однажды среди многочисленного собрания папуасов, где были представители разных деревень, его спросили: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу?» (Бонгу — деревня, в которой происходил разговор). Этот вопрос поставил путешественника в затруднительное положение. У него было правило никогда не говорить папуасам неправды. Но, с другой стороны, сказать «да» — значило сразу уронить свою репутацию.

На мгновение Миклухо-Маклай заколебался, но тут же нашел выход. Он снял со стены хижины тяжелое и острое копье, подал его вопрошавшему и сказал: «Посмотри, может ли Маклай умереть!», — но тот сейчас же сказал: «Нет, нет!», — а некоторые из присутствующих бросились к Маклаю, как бы желая заслонить его своим телом от копья.

Миклухо-Маклай предполагал на этот раз пробыть на Новой Гвинее полгода. Однако нанятое им судно вместо декабря 1876 года пришло в бухту Астролябии в ноябре 1877 года.

Покидая Новую Гвинею, путешественник запер свое жилище и оставил его на попечении папуасов.

После его отъезда пришла на Берег Маклая английская шхуна с золотоискателями, которые вообразили, будто Миклухо-Маклай открыл там золото. Когда один из участников экспедиции взялся за замок запертой хижины Маклая, то папуасы схватили его за руки и знаками объяснили, что это принадлежит Маклаю и что ему тут нечего делать. Об этом Николаю Николаевичу рассказывал сам виновник описанного происшествия.

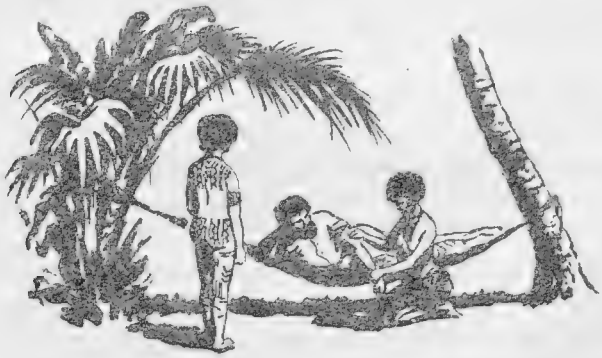
С другой стороны, туземцы встретили самым дружественным образом, как «брата Маклая», одного английского чиновника, которому Миклухо-Маклай заранее сообщил некоторые условные знаки и слова, по которым папуасы могли убедиться, что он друг Маклая. Вообще же Миклухо рекомендовал папуасам держаться подальше от европейцев.

Через Филиппинские острова и Сингапур Миклухо-Маклай в июле 1878 года прибыл в Сидней.

В 1879 году он посетил людоедов на островах Адмиралтейства. На острове Андра Миклухо уже побывал в 1876 году, и туземцы узнали его, радостно называли по имени («Маклай»). Тем не менее, только благодаря находчивости Миклухо-Маклая ему, а также экипажу шхуны, на которой путешественник прибыл сюда, удалось ускользнуть от нападения туземцев. На одном из соседних островов Николай Николаевич нашел матроса, малайца Ахмата, который три года назад, в прежнее посещение этих островов Миклухо-Маклаем, убежал со шхуны из-за дурного обращения с ним одного шкипера. Островитяне держали Ахмата на положении пленного, но не съели, так как туземцы не едят мяса светлых людей. Миклухо-Маклай выкупил малайца за топор, три ножа, спички, шесть аршин ситца и так далее.

В 1880 году Миклухо-Маклай посетил юго-восточный берег Новой Гвинеи.

Женщины здесь сильно татуированы. Чтобы узнать подробности этой процедуры, путешественник просил



татуировать ему левую руку, что и было исполнено женщинами. В этих местах хижины туземцев были построены на сваях, а в некоторых деревнях — над водой.

Отсюда Миклухо-Маклай доставил в Этнографический музей Академии наук своеобразное оружие, или снаряд, «коро». Он состоит из небольшого копья, к которому прикреплена петля из ротанга; оба конца петли, связанные с копьем, образуют ручку. Петлю стараются накинуть на голову преследуемого, а затем толчком вонзить ему копье в затылок.

Третья встреча путешественника с друзьями папуасами

В 1883 году Николаю Николаевичу снова довелось, уже в третий раз, побывать у своих друзей папуасов на Берегу Маклая. Это произошло следующим образом.

На пути из России в Сидней Миклухо-Маклай, находясь в конце февраля 1883 года на рейде Батавии, заметил поздно вечером русский военный корабль. Это был корвет «Скобелев». У нашего путешественника тотчас созрело решение, которое опрокидывало все его прежние планы.

Он достал шлюпку и в эту же ночь поехал на корвет. Командир «Скобелева», контр-адмирал Копытов, уже отправился спать. Не смущаясь этим, Миклухо-Маклай велел доложить о себе. Корабль из Батавии должен был итти во Владивосток. Тем не менее, адмирал, соглашаясь на просьбы Миклухо-Маклая, обещал доставить его на Новую Гвинею, на Берег Маклая. Путешественник, немедля, перебрался на корвет, который на другое же утро снялся с якоря.

В Амбоине были куплены для новогвинейцев две телки, бычок, козы, а кроме того, для подарков — ножи, бумажные ткани, бусы, зеркала и прочее. Помимо этого, Маклай достал семян разных культурных растений. 17 марта корвет бросил якорь в заливе Астролябии. Миклухо посадил привезенные семена; для домашних животных была устроена изгородь, но бычок и телка, в начале весьма напугавшие папуасов, в тот же день убежали.

На этот раз путешественник пробыл среди папуасов всего два дня.

Раздав подарки, он утром 19 марта покинул Берег Маклая.

В течение нескольких дней на корвете были произведены съемки прилегающих мест, а затем корабль направился в Манилу. Отсюда Миклухо-Маклай, через Гонконг, вернулся в июне 1883 года в Сидней.

Возвращение на Родину. Горячая любовь к людям

Это посещение Новой Гвинеи было последним исследовательским путешествием нашего географа.

В 1886 году он поехал в Петербург, где начал хлопотать о том, чтобы на одном из островов Тихого океана была основана русская колония. При этом Николай Николаевич представлял себе дело так, что интересы колонистов и туземцев могут быть согласованы к обоюдному удовлетворению. Из этого фантастического проекта, конечно, ничего не вышло.

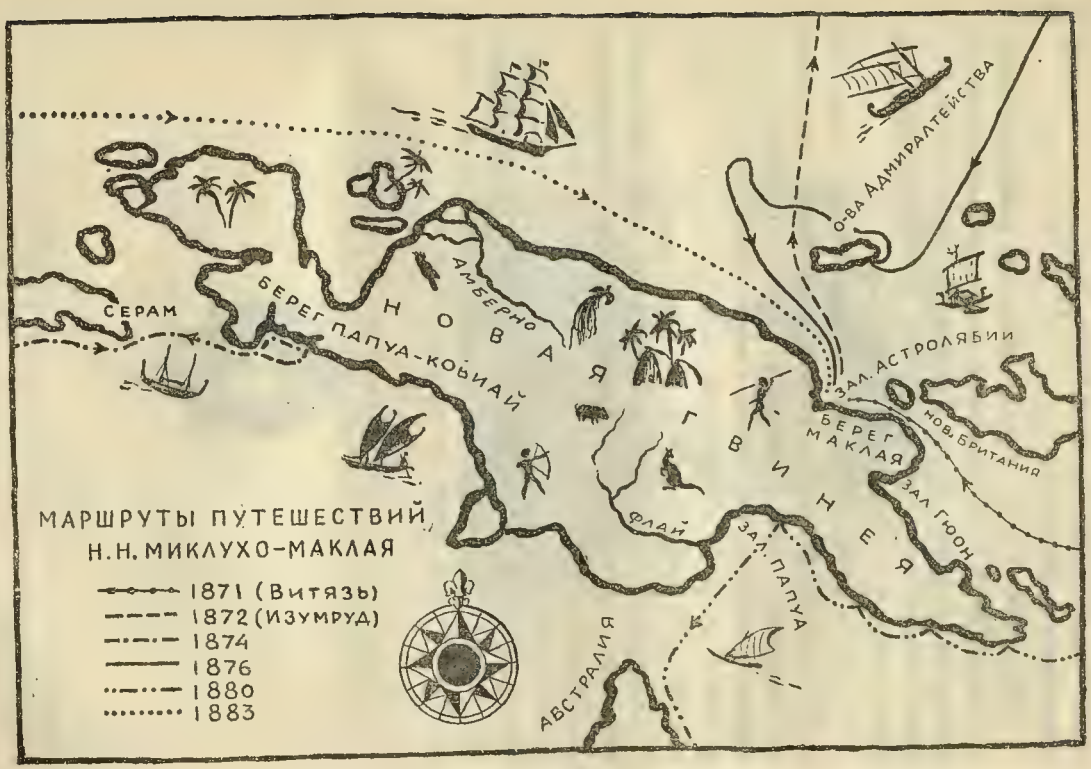
Несомненно, Н. Н. Миклухо-Маклай принадлежит к числу самых замечательных и своеобразных исследователей жизни «первобытных», то есть не затронутых европейской культурой, народов.

Своеобразие Миклухо-Маклая заключается в его горячей любви не только к науке, но и к человечеству, в его непреклонном убеждении, что так называемые «дикари» — такие же люди, как и белые, и в глубочайшем отвращении к тем методам обмана и насилия, какие обычно практиковались колонизаторами, проникавшими в тропики с целью наживы.

Нельзя без волнения читать его отчет о последнем посещении Новой Гвинеи, куда он поехал всего на два-три дня, чтобы навестить своих друзей папуасов и отвезти им подарки.

В последние годы своей жизни Николай Николаевич считал своей главной миссией охрану и защиту папуасов Берега Маклая.

Когда немцы в 1884 году объявили о присоединении северо-восточной Новой Гвинеи к своим владениям, Мик-


МАРШРУТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
1871 (Витязь)
1872 (Изумруд)
1874
1876
1880
1883
СЕРАМ
БЕРЕГ ПАПУА-КОВИАЙ
АМБЕРНО
НОВАЯ ГВИНЕЯ
О-ВА АДМИРАЛТЕЙСТВА
ЗАЛ. АСТРОЛЯБИИ
БЕРЕГ МАКЛАЯ
НОВ. БРИТАНИЯ
ЗАЛ ГЮОН
ЗАЛ. ПАПУА
ФЛАЙ
АВСТРАЛИЯ

лухо-Маклай послал наивный, но трогательный телеграфный протест Бисмарку.

Он принимал меры перед английскими властями к тому, чтобы папуасы не подвергались эксплоатации со стороны судов, посещавших Новую Гвинею. Он ходатайствовал и перед голландским правительством об искоренении торговли рабами в голландских владениях.

2 (14) апреля 1888 года Миклухо-Маклай скончался в Петербурге на сорок втором году жизни, не успев опубликовать своих основных трудов. Дневники путешествий покойного по Новой Гвинее были изданы, вместе с обстоятельной биографией путешественника, лишь в 1923 году профессором Д. Н. Анучиным.

В истории географических открытий среди имен замечательных путешественников имя Николая Николаевича Миклухо-Маклая занимает видное и почетное место.

Но, помимо того, мы ценим его как великого гуманиста, для которого не было «высших» и «низших» рас, как друга и защитника угнетенных народов, как борца за их свободу и право на самоопределение.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Юность и годы ученья. Осуществление мечты

Николай Михайлович Пржевальский — один из величайших путешественников всех времен и народов — родился в 1839 году в бывшей Смоленской губернии, в семье военного. Лишившись рано отца, мальчик рос среди природы.

Десяти лет он был отдан в гимназию в Смоленске. При необыкновенной памяти и талантливости ученье давалось ему без труда. Летнее время молодой Пржевальский проводил дома, в небольшом имении своей матери, занимаясь охотой и рыбной ловлей.

Гимназию он окончил в 1855 году, когда началась Севастопольская кампания. Читая про геройские подвиги защитников Севастополя, Пржевальский решил пойти на военную службу и поступил вольноопределяющимся в Рязанский полк, но воевать юноше не пришлось.

Свободное время, а его было много, он посвящал чтению книг по истории, географии, зоологии, ботанике, собирал гербарий, пристально наблюдал природу.

Сознавая недостаточность своего образования, Пржевальский решил поступить в Академию генерального штаба.

Упорным трудом он добился того, что блестяще выдержал экзамены и был принят в Академию. Здесь Николай Михайлович написал сочинение «Военно-статистическое описание Приамурского края», за которое в 1864 году был избран членом Географического общества.

Окончив Академию, Пржевальский поступил преподавателем географии и истории в Варшавское юнкерское училище. Здесь Николай Михайлович приобрел всеобщие симпатии. Но мечтою его было совершить путешествие с целью исследования малоизвестных стран.

Уссурийский край. Природа края. Озеро Ханка. Звери. Птицы

Наконец мечтам Пржевальского суждено было сбыться. В 1867 году он был направлен на Дальний Восток, именно в Уссурийский край, с целью произвести здесь географо-статистические исследования. В те времена этот, еще недавно присоединенный, край представлял почти неведомую страну.

Вот как описывает Пржевальский свои впечатления от путешествия в бассейне озера Ханка летом 1869 года:

«Три месяца странствовал я по лесам, горам и долинам или в лодке по воде и никогда не забуду это время, проведенное среди дикой, нетронутой природы, дышавшей всей прелестью сначала весенней, а потом летней жизни. По целым неделям сряду не знал я иного крова,

кроме широкого полога неба, иной обстановки, кроме свежей зелени и цветов, иных звуков, кроме пения птиц, оживляющих собою луга, болота и леса. Это была чудная, обаятельная жизнь, полная свободы и наслаждений! Часто, очень часто теперь я вспоминаю ее и утвердительно могу сказать, что человеку, раз понюхавшему этой дикой свободы, нет возможности позабыть о ней даже при самых лучших условиях дальнейшей жизни».

Уссурийские леса произвели на нашего путешественника громадное впечатление. В отличие от сибирской тайги, они переполнены самыми разнообразными породами. Тут можно встретить дуб, липу, вяз, березу, ясень, грецкий орех, пихту, ель, кедр. Нередко деревья переплетены различны-

ми вьющимися растениями. Роскошно развивается здесь амурский виноград. Он то стелется по земле, покрывая ее сплошным ковром зелени, то обвивает, как лианы тропиков, кустарники и деревья и свешивается с них роскошными гирляндами.

В таком лесу можно встретить необычное смешение северных и южных растений и животных; особенно поражает вид ели, обвитой виноградом, или грецкий орех, растущий рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, но тут же рядом можно встретить тигра.

Птичье население на реке Уссури во многом отлично от того, какое мы видим на нашей Родине по эту сторону Урала.

Так, Пржевальскому попался здесь японский, или

краснопогий, ибис, ближайший родственник египетского ибиса. У него передняя часть головы и ноги кирпично-красные. В размахе крыльев этот ибис достигает 120 сантиметров. На озере Ханка, в верховьях реки Уссури,

наш путешественник встретил эту южную птицу ранней весной, когда озера и болота были покрыты льдом, а термометр по ночам опускался до — 15°.

С удивлением Пржевальский отмечает, что вместе с ибисом здесь в продолжение почти целого месяца

можно видеть белую сову, которая гнездится в тундрах, но зимою спускается на юг, вплоть до средней Японии и северо-западной Индии. Вообще натуралисты давно обратили внимание на то, что Уссурийскому краю свойственно смешение северных и южных форм: здесь можно встретить сига — северную рыбу — вместе с змееглавом — рыбой, свойственной тропикам.

На том же озере Ханка Пржевальский имел случай наблюдать замечательные танцы японского, или даурского, журавля.

«Весной, — рассказывает наш путешественник, — эта птица устраивает забавные пляски. Ранним утром и в особенности перед вечером журавли слетаются на выбранное заранее место и, покричав здесь немного, принимаются за пляску. Один или два журавля начинают прыгать, приседать, кивать головой, подскакивать вверх, махать крыльями. Остальные присутствующие смотрят на них и от времени до времени сменяют уставших, которые в свою очередь делаются зрителями. Такая

пляска продолжается часа два, пока, наконец, утомленные танцоры не закричат хором во всё горло и не разлетятся на ночь по своим владениям». «Эти журавли, — говорит Пржевальский, — очень привязаны к своим детям и друг к другу. Однажды путешественник убил самку. Оставшийся самец долго летал вокруг охотника, пока он нес его убитую подругу; в течение двух дней он держался возле того места, где потерял самку, часто и громко кричал и, наконец, убедившись в бесплодности своих поисков, на третий день покинул свои родные места».

В Уссурийском крае раньше было много тигров. Главную пищу их составляют олени и кабаны. Зимою тигры приближались к деревням, где таскали собак, коров, а порою нападали и на людей. Иногда они втор-

гались в «фанзы» — жилища китайцев — и хватали спящих.

В 1869 году в одном селении тигр в течение месяца задавил двадцать две коровы и лошади.

Кроме тигра, здесь встречаются барс, рысь, медведи, соболь, енотовидная собака, множество козуль.

Первое путешествие по Центральной Азии. Из Кяхты через Гоби в Пекин

В начале 1870 года Пржевальский вернулся из Дальнего Востока в Петербург и сделал здесь в Географическом обществе несколько докладов о своих странствованиях по Уссурийскому краю.

В Географическом обществе путешественник встретил самый теплый прием: все сразу убедились, что имеют дело с выдающимся исследователем, которому предстоит блестящее будущее.

Основным правилом Пржевальского было — не отправляться в новое путешествие, пока не напечатан отчет о предыдущем. Летом 1869 года Николай Михайлович закончил свои исследования на Уссури. В августе следующего года вышла в свет его книга «Путешествие в Уссурийском крае», а через месяц Пржевальский уже отправляется в новое странствование: Географическое общество направляет его на три с лишним года в Центральную Азию.

По возвращении на родину Пржевальский в 1875 году напечатал отчет о своем путешествии под заглавием «Монголия и страна тангутов». Сочинение это является непревзойденным образцом описания путешествий. В увлекательной и вместе с тем строго научной форме путешественник описывает природу Центральной Азии, быт местного населения, приключения во время пути. Всё это изложено прекрасным языком, так что, начавши читать книгу, нельзя остановиться, пока не прочитаешь ее всю. Этот труд сразу по выходе в свет был переведен на несколько языков и сделал автора известным во всем мире.

В настоящее время книга Пржевальского переиздана Географическим издательством и легкодоступна. Мы горячо советуем всем любителям путешествий ознакомиться с этим замечательным произведением. Излагать его содержание невозможно — пришлось бы пересказывать каждую главу, — так увлекательно здесь всё изображено. Ограничимся кратким изложением наблюдений знаменитого исследователя Центральной Азии.

Первое центральноазиатское путешествие Н. М. Пржевальского началось в ноябре 1870 года с Кяхты, пограничного города в Забайкалье. «Близость чужих краев, — говорит Пржевальский, — почуялась для нас в Кяхте с первого же раза. Вереницы верблюдов на улицах города, загорелые лица монголов, длиннокосые китайцы, чуждая, непонятная речь — всё это ясно говорило, что мы стоим теперь накануне того шага, который должен надолго разлучить нас с родиной и всем, что только есть там дорогого. Тяжело было мириться с такой мыслью, но ее суровый гнет смягчался радостным ожиданием близкого начала путешествия, о котором я мечтал с самых ранних лет своей юности. . .»

Из Кяхты решили прежде всего направиться в столицу Китая — Пекин (теперь столица Китайской народной республики), чтобы здесь получить паспорта от китайского правительства.

На этом пути за Ургою (теперешний Улан-Батор, столица Монгольской народной республики) и вплоть до окраины собственно Китая тянется сначала степь, а потом полупустыня Гоби. Своим однообразием Гоби произвела на Пржевальского тяжелое, подавляющее впечатление. «По целым неделям, — говорит он, — сряду перед глазами путешественника являются одни и те же образы: то неоглядные равнины, отливающие (зимою) желтоватым

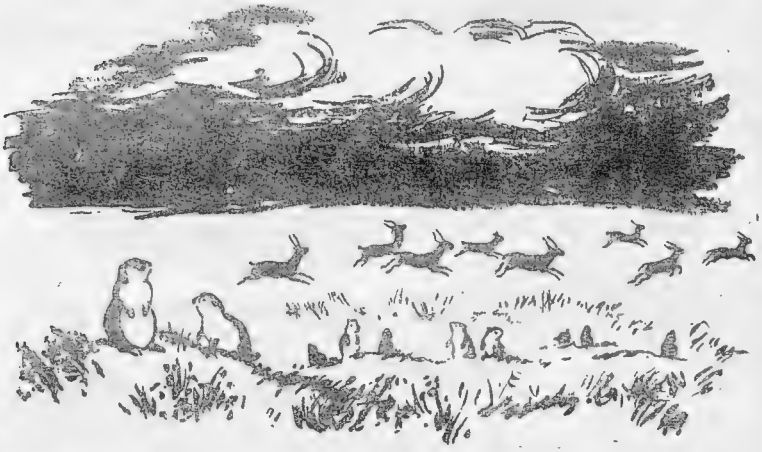
цветом иссохшей прошлогодней травы, то черноватые изборожденные гряды скал, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстроногой монгольской антилопы».

«Мерно шагают тяжело навьюченные верблюды, идут десятки, сотни верст, но степь не изменяет своего характера, а остается попрежнему угрюмой и непривет-ливой... Закатится солнце, ляжет темный полог ночи, безоблачное небо заискрится миллионами звезд, и караван, пройдя еще немного, останавливается на ночевку. Радуются верблюды, освободившись из-под тяжелых вьюков, и тотчас же улягутся вокруг палатки погонщиков, которые тем временем варят свой неприхотливый ужин».

Птицы и животные в Гоби

Из встреченных экспедицией в Гоби птиц замечательна саджа, или копытка. Она гнездится от низовьев Волги до Монголии, но время от времени предпринимает далекие вылеты за пределы своей обычной гнездовой области, залетая вплоть до Архангельска, Италии и Англии, и здесь на песчаных местах и пустырях даже гнездится.

Питается саджа семенами разных трав. Яйца, в количестве трех, откладывает прямо на землю, без всякой подстилки. Полет этой птицы необычайно быстрый, так что, когда несется целая стая, то еще издали слышен особый дребезжащий звук как бы от сильного вихря. Пальцы ног у саджи почти слиты наподобие копыта, отчего птица и получила название копытки. Зимою тысячными стадами встречаются монгольские жаворонки, лучшие певцы центрально-азиатских засуш-



ливых областей. Они обладают замечательной способностью передразнивать голоса других птиц и часто включают чужие трели в строфы своей собственной песни. Китайцы очень любят пение этих жаворонков и часто держат их в клетках.

Из млекопитающих для описываемой части Гоби характерны два вида: пищуха и монгольская антилопа. Пищуха — зверек величиной с крысу — принадлежит к грызунам. Живет она обществами в степях, выкапывая в земле норки. Замечательной особенностью пищухи является то, что она на зиму заготовляет себе запасы сена, которые складывает у входа в норку в виде стожков весом в два-три килограмма. Но нередко труды пищухи пропадают даром: монгольский скот поедает ее запасы.

Монгольская антилопа, или дзерен, величиной с обыкновенную козулю. Она весьма обыкновенна в Монголии, встречаясь стадами в пятнадцать-сорок голов, а иногда и гораздо большими — до тысячи. Она придерживается лучших пастбищ и в поисках кормов предпринимает далекие перекочевки. Заходит она и в южные части нашего Забайкалья. Быстрота бега этой антилопы удивительна. Новорожденные уже через несколько дней после появления на свет следуют повсюду за матерью и бегают так же быстро, как и взрослые. Монголы усердно преследуют дзеренов из-за мяса и шкур.

Монголии свойствен только двугорбый верблюд; одногорбый, который нередок в Средней Азии, здесь не встречается.

Коренное местожительство верблюда — это пустыня и полупустыня. Здесь, — говорит Пржевальский, — он чувствует себя вполне счастливым. Верблюд до того привык к свободе пустыни, что, будучи поставлен в загон,

хотя бы на самую лучшую пищу, быстро худеет и, наконец, погибает. Для верблюда нужна та пища, которую он находит в пустыне. Когда Пржевальский пришел со своими верблюдами на превосходные альпийские пастбища в горах Гань-су, верблюды здесь стали худеть с каждым днем. В пустыне любимой пищей верблюда служат: лук, некоторые солянки, злак чий, полынь, саксаул, нитрария.

Очень любят верблюды соль и охотно едят соляной налет на солончаках. Вообще верблюдам нужно два-три раза в месяц давать соль, иначе они начинают худеть. Некоторые верблюды едят решительно всё, включая мясо и рыбу.

Без пищи монгольский верблюд может пробыть дней восемь или десять, а без питья осенью и весной дней семь.

Однажды, в ноябре 1870 года, Пржевальскому не пришлось поить своих верблюдов шесть суток сряду, и они все шли бодро. Летом же, в жару, верблюд не выдержит без воды более трех или четырех суток; и во время летних переходов экспедиция никогда не оставляла верблюдов без воды дольше двух суток. Зимою верблюды довольствуются снегом, и их никогда не поят.

Живет верблюд более тридцати лет, а при хороших условиях даже до сорока. Умственные способности верблюда Пржевальский ставит не высоко. Верблюд очень труслив; при нападении волка не думает о защите, хотя одним ударом ноги мог бы убить своего врага; он только плюет на него и кричит во всё горло.

Средняя величина вьюка, какой несет верблюд, равна двумстам килограммам. С таким вьюком животное легко проходит километров пятьдесят в сутки и может итти без перерыва месяц. Затем, отдохнув дней десять или не-

дели две, верблюд опять готов в подобное путешествие и шагает так целую зиму. Через шесть-семь месяцев такой работы верблюд сильно худеет, и монгол отпускает его на всё лето в степь для поправки. Без этого животное не прослужит более года. Монголы летом никогда не ходят в караване на верблюдах. Но во время экспедиции, понятно, на лето нельзя было отпускать верблюдов, и много их гибло. В марте верблюд начинает линять, и в июле шерсть вся вылезает, так что верблюд становится совершенно голым. Затем его тело начинает покрываться мелкой шерстью, которая к началу октября становится длинной.

Город Калган. Великая китайская стена

Прибыв в Калган в конце декабря, наши путешественники застали здесь уже весну: город этот защищен горами от холодных северо-западных ветров. Калган в те времена был центром, откуда направлялись чайные караваны в Россию. С наступлением осени сюда стекались длинные вереницы откормленных верблюдов. На верблюда

вьючили четыре-пять чайных ящика, каждый весом в пятьдесят килограммов.

У Калгана путешественники имели возможность видеть великую китайскую стену, еще до начала нашей эры выстроенную китайскими владыками для защиты от набегов гуннов и других кочевников.

По словам китайцев, стена эта имеет в длину 5 000 километров; на самом же деле она вдвое короче. Высота ее от пяти до десяти метров; примерно через каждые двести метров устроены башни.

Из Калгана наши путешественники прибыли в Пекин. Тогдашняя столица Китая не понравилась Пржевальскому.

Снаряжение в глубь Центральной Азии

В Пекине они снарядились в дальнее путешествие: приобрели семь вьючных верблюдов и две верховые лошади, запаслись оружием и охотничьими припасами.

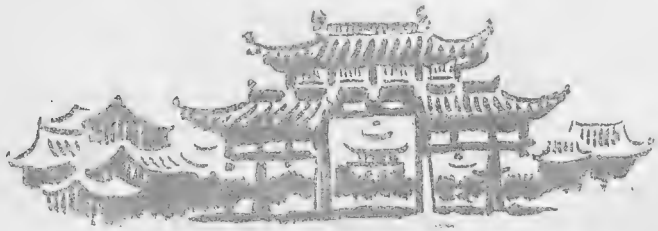
Охотой экспедиция надеялась добывать коллекции птиц и зверей, а кроме того, охота должна была доставлять — и действительно доставляла — пропитание в негостеприимных местах.

Из продовольствия взяли шестнадцать килограммов сахару и по мешку с просом и рисом.

Кроме помощника, Пыльцова, с Пржевальским отправилось двое казаков. Больше людей нельзя было взять из-за недостатка денежных средств. Поэтому нашему путешественнику вместе с товарищем приходилось вьючить верблюдов, пасти их, собирать сухой помет («аргал») на топливо — словом, исполнять все черные работы. Один из казаков был одновременно и переводчиком, и пастухом, и поваром, и работником.

Большие затруднения в Китае пришлось испытывать с китайской денежной системой. В Китае в те времена существовала только одна определенная монета, это — чох, монета, сделанная из сплава меди с цинком, с четырехугольным отверстием посредине. Для удобства счета чохи нанизывались на нитку по пятисот штук.

Чох — очень мелкая монета: на один наш серебряный рубль приходилось около трех с четвертью килограммов чохов. На сто рублей давали 328 килограммов чохов, что



составляло груз для трех верблюдов, которые сами стоили 240 рублей, не считая необходимого при них погонщика.

Везти с собою такое количество денег было невозможно. Но в качестве денег в Китае в ходу было серебро в слитках; оно шло на вес. Единицей веса служил серебряный лан, который равнялся нашим двум серебряным рублям. Правительство отливало ямбы — слитки серебра весом в 50 лан. На ямбах выбивалось казенное клеймо. Для расплаты слитки разрубали на куски большей или меньшей величины. При отвешивании серебра китайские купцы всегда обсчитывали покупателя. Притом курс чохов в разных местах был различный: в Пекине за лан серебра давали 1 500 чохов, а в Калгане — 1 800.

Из-за плутовства купцов и менял наши путешественники всегда были обсчитываемы, обвешиваемы и обманываемы самым бессовестным образом.

Целью предстоящего путешествия было посещение Тибета. Весною 1877 года караван, в составе Пржевальского, его помощника Пыльцова, двух казаков (одного бурята и другого — русского), восьми верблюдов и двух верховых лошадей, выступил из Калгана.

Пустыня Алашань. Монголы

К западу от большой излучины Хуан-хэ расстилается пустыня Алашань. «На многие десятки, даже сотни километров, — говорит Пржевальский, — мы видим здесь голые, сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим палящим жаром или засыпать песчаным ураганом. В них нигде нет капли воды; не видно ни птицы, ни зверя, и мертвое запустение наполняет ужасом душу забредшего сюда человека».

Растительность, там, где она есть, крайне скудная. Наиболее важное растение — это древовидная солянка саксаул, «дерево пустыни», достигающее высоты в три-четыре, иногда до пяти с половиной метров. На поделки это дерево не годно, но дает прекрасные дрова, которые превосходно горят. Ветвями саксаула охотно питается верблюд. Саксаул растет и у нас в Средней Азии: в туркменских Каракумах и в других местах.

Большое значение для монголов имеет трава сульхир, растущая на песках. Это колючее солянковое растение достигает высоты немногим более полуметра. Его мелкие семена, созревающие осенью, доставляют вкусную и питательную пищу.

Монголы собирают сульхир и обмолачивают его на

голых глинистых площадках, которые встречаются среди песков (у нас такие площадки в песках Средней Азии носят название «такыр»). Семена поджаривают на огне, толкут и получают вкусную муку, которую едят, заваривая чаем.

Пржевальский и его спутники охотно питались такой мукой и даже запасли ее на обратный путь. Сульхир служит отличной пищей также для верблюдов, лошадей, овец и птиц.

Из мелких грызунов в Алашанской пустыне попадается песчанка; она живет в зарослях саксаула и до того дырявит землю своими норами, что часто совершенно нельзя ехать верхом. «Целый день, — жалуется Пржевальский, — слышится писк этих зверьков, столь же скучный и однообразный, как вся вообще природа Алашаня».

Во времена Пржевальского в Алашанской пустыне жили одичавшие лошади. В этой же пустыне открыт Пржевальским горный баран (аргали). Из птиц замечательна саксаульная сойка. Нередко встречается саджа, о которой мы уже говорили.

Живут в Алашане монголы, которые занимаются разведением верблюдов.

Монгол, — говорит Пржевальский, — обладает многими похвальными качествами: он добродушен, честен, хороший семьянин, гостеприимен. Нрава он весьма мирного: крупные преступления, в особенности убийства, у мон-

голов весьма редки. Пешая ходьба во всеобщем презрении у монголов. Поэтому, если только есть возможность, он шагу не сделает без верховой лошади, постоянно привязанной возле его юрты. Угощают гостей прежде всего кирпичным чаем, а летом молоком или кумысом. Замечательно, что в Урге (теперешний Улан-Батор) в те времена кирпичный чай служил ходячей монетой: чайный кирпич весом в 600 граммов стоил на тогдашние русские деньги 60 копеек; эти кирпичи, кроме того, разрезывали на 30 кусочков. У монголов существует обычай обмениваться с гостями хадаками; хадак — это небольшой кусок шелковой материи вроде полотенца. Монгол отличается удивительной памятью: он легко отыщет своего заблудившегося барана в тысячном стаде другого владельца, припомнит масть и признает лошадь, на которой ездил много лет назад, прекрасно ориентируется в пустыне, подмечает и знает многие явления природы.

В китайском городе Дын-юань-ине. Животный мир Алашанских гор

В сентябре экспедиция прибыла в город Дын-юань-ин, где встретила радушный прием. За целый переход от города путешественников встретили три чиновника, посланные узнать, кто они такие.

Первый вопрос их был — не миссионеры ли они? И когда на это был дан отрицательный ответ, посланцы стали жать русским руки и объяснили, что если бы путники оказались миссионерами, то их не велено было пускать в город.

В Дын-юань-ине жил владетель Алашаня, монгольский князь, возрастом около сорока лет, совершенно окитаившийся: жена у него была из родственниц богдыхана (китайского императора). Князь, по словам Пржевальского, был взяточник и деспот.

Путешественники остановились в китайской гостинице. На следующий день двор с утра был наполнен толпой зевак, явившихся поглядеть на невиданных гостей.

«Любопытные посетители, — пишет Пржевальский, — прорывали бумагу, которой обыкновенно заклеиваются китайские окна, и смотрели сквозь сделанные отверстия. Напрасно по распоряжению князя к нам отрядили несколько солдат, чтобы отгонять народ и в то же время, вероятно, наблюдать за нашими действиями.

Выгоняли одну толпу — через десять минут набиралась новая; так было ежедневно в течение всего нашего пребывания в Дынь-юань-ине».

Высланные навстречу экспедиции чиновники с первых слов сообщили, что князю и его сыновьям надо сделать подарки. Годных для этого вещей у Пржевальского с собой не было; поэтому он подарил князю карманные часы, а его сыновьям — бинокль и разные мелочи.

Ежедневно путешественники получали в подарок целые коробы арбузов, яблок и груш.

Город Дын-юань-ин расположен у подножия Алашанского хребта, отдельные вершины которого поднимаются свыше 3 000 метров высоты. В этих горах Пржевальский

нашел ушастого фазана которого монголы называют «черная курица». Фазан этот гораздо крупнее обыкновенного и имеет голубовато-серую окраску; по бокам голова покрыта яркокрасной кожей. Хвост у этого фазана с полметра длиной. Местопребыванием ушастого фазана служат леса. Держится он на земле и ходит с хвостом, поднятым кверху, как у петуха. На деревья взлетает для ночевки или кормежки. Гнезда устраивает на земле, откладывая пять-семь яиц величиною с куриное.

Из млекопитающих здесь встречаются олень, горный баран, кабарга — животное, доставляющее мускус. Горный баран, или, по-монгольски, куку-яман («голубой козел»), во множестве водится в Алашанских горах. Величиной он немного больше обыкновенного барана; имеет шерсть буроватого цвета, а грудь черную. Иногда встречается стадами в 5—

15 голов; бывают и бо́льшие стада, в которых собирается до сотни баранов. В стаде есть один или несколько вожаков. В случае опасности вожак дает сигнал громким и отрывистым свистом, очень похожим на свист человека. «Испуганный баран бросается опрометью на уход по скалам, часто совершенно отвесным, так что, смотря на него, недоумеваешь, каким образом это большое животное может так ловко лазить по самым неприступным местам.

Для куку-ямана достаточно самого малого выступа, чтобы удержаться в равновесии на своих толстых ногах. Иногда случается, что камень оборвется под тяжестью зверя и с грохотом полетит вниз; ну, думаешь, оборвался и баран, — но он, как ни в чем не бывало, скачет далее по скале».

Озеро Куку-нор. Богатства озера и степей

В октябре 1872 года Пржевальский достиг своей заветной цели: экспедиция оказалась на берегу большого центрально-азиатского озера — Куку-нора, что по-монгольски значит: «синее озеро». Оно расположено на высоте 3 000 метров и имеет в длину до 100 километров. Не имея стока, озеро заключает солоноватую воду, которая в литре содержит около 11 граммов солей.

Несмотря на то что озеро лежит очень высоко над уровнем океана, летом вода его у берегов нагревается до 20°.

На берегах Куку-нора живут монголы и хара-тангуты.

Хара-тангуты — это малоизвестная народность; они по религии мусульмане, и некоторые ученые считают их горками. Главное занятие кукунорских хара-тангутов —

скотоводство; больше всего они разводят яков и баранов. Пржевальскому случалось на берегах озера Куку-нор встречать стада яков в несколько сот голов. Величиной

домашние яки равняются нашему рогатому скоту, а по окраске бывают черные или черные с белыми пятнами.

Як не только доставляет шерсть, прекрасное молоко и мясо, но употребляется и для перевозки тяжестей.

Завьючить яка не так-то легко, но зато с кладью в 80—100 килограммов он отлично идет по высоким и крутым горам, иногда самыми опасными тропинками. Из Куку-нора большие караваны яков отправляются в столицу Тибета — Лхасу.

Молоко самки яка очень густое, жирное, превосходного вкуса и дает масло много лучше коровьего.

С севера и с юга озеро Куру-нор окаймлено хребтами. Между горами и озером расстилаются прекрасные степи. Ни древесной, ни кустарниковой растительности на берегах Куку-нора нет.

В озере водится крупная рыба лжеосман. Небольшим

бреднем Пржевальский вытащил 136 этих рыб, каждая весом свыше килограмма. Икра и черная брюшина этой рыбы ядовиты: когда путешественники, не зная этого, поели икры лжеосмана, то ночью все заболели, но на следующий день все оправились. Такая же рыба с ядовитой икрой есть и у нас на Памире. Но мясо лжеосмана вполне съедобно.

В горах по южному берегу Куку-нора на высоте около 3 500 метров Пржевальский впоследствии встретил, к своему удивлению, леса из древовидного можжевельника («арча» в Тянь-шане, «арца» у монголов) и ели.

Самым замечательным животным кукунорских степей является кулан — нечто среднее между лошадью и ослом.

Шерсть у него светлокоричневая, брюхо — чисто белое. Здесь попадались табуны куланов в несколько сот голов. Кроме того, в степях Куку-нора встречается антилопа дзерен.

Из птиц бросается в глаза огромный жаворонок, ростом больше скворца; он прекрасно поет. На Куку-норе в изобилии гнездится горный, или индийский, гусь, который встречается на гнездовье и у нас в Тянь-шане. Летом горные гуси целыми стадами ходят по берегу озера или по прибрежным болотам.

На высоких степях Куку-нора массами встречаются грызуны пищухи, ростом с обыкновенную крысу, но только куцые. В Тибете эта пищуха поднимается в горы до 5 000 метров абсолютной высоты. На Куку-норе иногда вся поверхность почвы была изрыта норами этих зверьков. Ехать рысью по таким местам совсем нельзя, потому что лошадь постоянно спотыкается и проваливается в норки. Сами пищухи беспрерывно снуют перед путешественником, перебегая из одной норы в другую. Голос пищухи протяжный, довольно громкий, но тонкий.

Как четвероногие, так и крылатые хищники во множестве истребляют пищух. Замечательно, что пищухи всегда живут совместно с несколькими видами птичек — земляных вьюрков, которые спасаются при опасности, да и гнездятся в норах этих грызунов.

На Куку-норе, как и вообще в Тибете, большим распространением пользуются джума — небольшое травянистое растение, гусиная лапчатка, из семейства розоцветных; она обыкновенна в Европе и в других местах. У джумы небольшие съедобные клубнеобразные корни. Вкусом своим эти корни в сыром виде несколько напоминают орехи, а в вареном походят на фасоль или молодой картофель. Их приправляют маслом и солью, и тогда вареная джума представляет собой вкусную и питательную пищу, весьма любимую тибетцами. Но и члены экспедиции охотно ели ее.

Питаются джумой также грызуны и ушастые фазаны.

Путешествие в Тибет. Климат тибетской пустыни

С Куку-нора Пржевальский отправился в Тибет, именно к его северной окраине, хребту Бурхан-будда.

Хребет этот, входящий в систему Куэнь-луня, составляет резкую границу между странами, лежащими по северную и южную стороны его; за горами местность повышается до 4 000 – 4 600 метров высоты, и начинается Тибетское нагорье.

Бурхан-будда, поднимающийся до 5 000 метров абсолютной высоты, отличается крайним бесплодием: растительности и животных здесь почти нет. Климат и природа к югу от хребта Бурхан-будда, — говорит Пржевальский, — имеют ужасный характер; на много сот километров нет никакого населения.

Абсолютная высота местности очень велика, и воздух сильно разрежен. Поэтому небольшой переход или

восхождение на небольшую гору сильно утомляет даже крепкого человека: чувствуется слабость, делается одышка, головокружение, рвота. Один верблюд из каравана Пржевальского мгновенно упал мертвым при подъеме на высокий перевал.

Вследствие малого количества кислорода топливо горит очень плохо, и огонь развести трудно. Вода закипает при более низкой температуре, чем на уровне моря.

Климат тибетских пустынь несносный: зимою господствуют страшные холода и бури; весною тоже часты бури и метели; летом идут дожди, часто с крупным градом; и только осень сравнительно лучше. В это именно время и отправляются караваны из Монголии в Лхасу. На путь из Куку-нора до Лхасы уходит два месяца. Обратно направляются в феврале. При этом много людей, а в особенности верблюдов и яков, гибнет в этих страшных высокогорных пустынях.

Пржевальский рассказывает такой случай. В феврале 1870 года из Лхасы вышел караван, состоявший из трехсот человек и тысячи вьючных верблюдов и яков. От выпавшего глубокого снега и наступивших холодов караван потерял всех вьючных животных и около пятидесяти людей.

Один из участников этого путешествия рассказывал Пржевальскому такие подробности: когда начали ежедневно падать от бескормицы целыми десятками верблюды и яки, то люди принуждены были бросить все товары и лишние вещи; потом понемногу бросали продовольственные запасы, затем сами пошли пешком и напоследок должны были нести на себе продовольствие, так как в конце концов остались живыми только три верблюда, да и то потому, что их кормили дзамбой (поджаренной ячменной мукой).

Весь аргал (помет крупных животных), который служит топливом, занесло глубоким снегом, так что отыскивать его было очень трудно, а для растопки путники употребляли собственную одежду, которую поочередно рвали на себе кусками. Почти каждый день кто-нибудь умирал от истощения и болезни, а больные оставались на дороге и, конечно, также все гибли.

Таковы те тибетские пустыни, среди которых пришлось путешествовать Пржевальскому зимою 1872/1873 года.

Животные тибетской пустыни. Трудности путешествия. Лхаса недостижима

Но несмотря на неблагоприятные климатические условия и скудость растительности, пустыни северного Тибета чрезвычайно богаты животной жизнью. «Не видавши собственными глазами, — говорит Пржевальский, —

невозможно поверить, чтобы в этих обиженных природой местностях могло существовать такое громадное количество зверей, скопляющихся иногда в тысячные стада. Только бродя с места на место, эти сборища могут находить достаточно для себя корма на скудных пастбищах пустыни».

Наиболее многочисленные крупные млекопитающие тибетских пустынь: дикий як, два вида диких баранов, два вида антилоп, кулан, волк.

Дикий як, или длинношерстный бык, — это могучее животное весом до шестисот килограммов. Тело его покрыто густой черной шерстью. Як обладает громадной силой и превосходным обонянием. По самым высоким и скалистым горам як лазает прекрасно. В случае опасности стадо помещает телят в середину. Места, где як пасется и отдыхает, сплошь покрыты пометом, который составляет единственное топливо в здешних пустынях: никакой древесной растительности в тибетской пустыне нет. Если бы не было яка, то путешествие было бы здесь невозможно. Пржевальский застрелил тридцать два яка, но всё это

добро зря пропадало, потому что зажарить или сварить мясо для себя было трудно: оно сильно замерзало, а сварить его на большой высоте нельзя было как следует: вода закипала уже при 85 градусах.

Ночью морозы достигали 30 градусов и более. Снег шел редко, притом он был мелкий и сухой, как песок. Случалось, что снег покрывал землю тонким слоем, но в следующую же бурю его сдувало ветром и смешивало с пылью или песком.

Отличительную особенность тибетской зимы составляли пыльные бури. Они всегда случались днем. К полудню ветер достигал силы бури, солнце делалось совсем невидным, наступало что-то похожее на сумерки. В расстоянии нескольких сот шагов нельзя было различить даже высоких гор. Однако термометр во время таких бурь показывал или немного ниже нуля, а иногда даже поднимался выше точки замерзания.

Объясняется это тем, что зимою над Тибетом устанавливается так называемая инверсия температуры: в нижних слоях воздуха холодно, а вверху гораздо теплее. Когда начинается сильный ветер, он перемешивает воздух, и верхние, более теплые, слои попадают вниз.

К закату солнца буря обыкновенно стихала вдруг, отрывисто, но пыль продолжала стоять в воздухе даже утром следующего дня.

Свое зимнее странствование по Тибету Пржевальский описывает так:

«Мороз стоит трескучий, да вдобавок к нему прямо навстречу дует сильный ветер. Сидеть на лошади невозможно от холода, итти пешком также тяжело, тем более нести на себе ружье, сумку и патронташ, что вместе составляет вьюк около 8 килограммов. На высоком же нагорье, в разреженном воздухе, каждые полкилограмма

тяжести убавляют немало сил; малейший подъем казался очень трудным, чувствуется одышка, сердце бьется очень сильно, руки и ноги трясутся, по временам начинается головокружение и рвота. Ко всему этому следует прибавить, что наше теплое одеяние, за два года предшествовавших странствований, так износилось, что всё было покрыто заплатами и не могло достаточно защищать от холода...

Очень часто случалось, что к полудню поднималась

сильная буря, которая наполняла воздух тучами пыли и песка; тогда уже итти было невозможно, и мы останавливались». «На месте остановки необходимо развьючить верблюдов и поставить юрту; эта процедура занимает почти час времени. Затем нужно итти собирать аргал, рубить лед для воды и усталому, голодному ждать, пока наконец сварится чай. С жадностью тогда ели отвратительное месиво из дзамбы с маслом и рад-радехонек, что хотя подобным кушаньем можно утолить свой голод».

Ночью путешественники не имели спокойного сна: на высоком плоскогорье, в сильно разреженном воздухе, всегда являлось удушье, губы и рот пересыхали.

Но все эти невзгоды с лихвой вознаграждались теми впечатлениями, какие путешественники получали от девственной природы. Где в другом месте можно было наблюдать такое изобилие крупных копытных животных, какое Пржевальский описывает в Тибете в хребте Шуга (к югу от Цайдама)?

«Хорошие пастбища по долине среднего течения р. Шуги привлекают сюда массу травоядных зверей. По нашему пути вдоль реки беспрестанно встречались куланы, яки и антилопы. С удивлением и любопытством смотрели доверчивые животные на караван, почти не пугаясь его. Табуны куланов (из рода лошадей) отходили только немного в сторону и, повернувшись всею кучею, пропускали нас мимо себя, а иногда даже некоторое время следовали сзади верблюдов. Антилопы спокойно паслись и резвились по сторонам или перебегали дорогу перед нашими верховыми лошадьми; лежавшие же, после покормки, дикие яки даже не трудились вставать, если караван проходил мимо их на расстоянии $^1/_4$ версты».

Пределом странствований Пржевальского в это путешествие была река Янцзы-цзян в ее верхнем течении. Отсюда до Лхасы оставалось только 27 дней пути, то есть около восьмисот пятидесяти километров. Дойти туда было вполне возможно, так как проводник монгол ходил девять раз в столицу Тибета и отлично знал дорогу. Но Лхаса оказалась для Пржевальского на этот раз, как и впоследствии, недостижимой: вьючные животные едва волочили ноги, а деньги были на исходе.

Пришлось возвращаться домой.

Обратный путь из Тибета. Лишения и потери

На обратном пути через пустыню Алашаня Пржевальскому пришлось испытывать другие, чем в Тибете, крайности климата: стояла сильная жара при безоблачном небе, и термометр днем показывал в тени 45 градусов по Цельсию. Почва накалялась до 63 градусов и более. Воздух был чрезвычайно сух, и случалось, что дождь, падавший из облака в пустыне, не долетал до земли, а, встретив раскаленный нижний слой воздуха, снова превращался в пар.

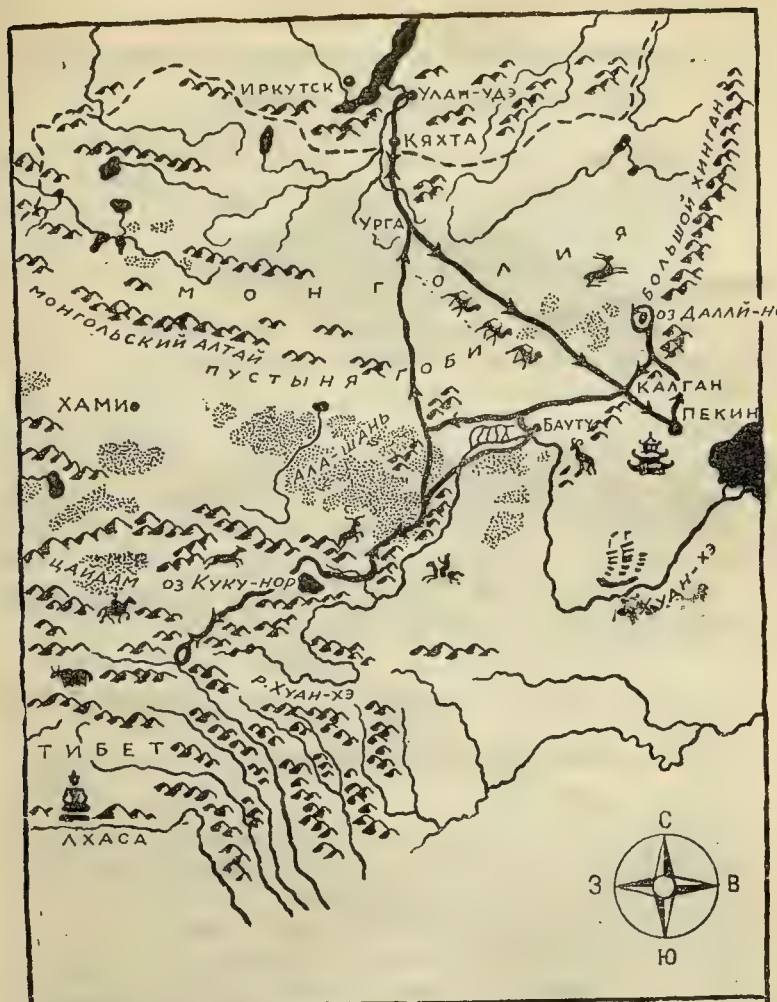
Однажды экспедиция, не найдя правильного пути к колодцу, едва не погибла от жажды. При этом потеряли верного пса, который служил почти три года. Похоронив его, Пржевальский с товарищем плакали как дети.

Через Ургу (теперь Улан-Батор) и Кяхту путешественники в сентябре 1873 года вернулись на родину.

В начале 1874 года Пржевальский вернулся в Петербург.

Он привез с собою богатейшие научные материалы: съемку шести тысяч километров пути, новые данные по климату, растительности, животному миру и населению Центральной Азии.

В Петербурге Николай Михайлович был встречен с энтузиазмом. Географическое общество, отмечая, что его «путешествие есть одно из самых величайших географических предприятий нашего времени», присудило ему свою высшую награду — золотую Константиновскую медаль.



МОНГОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Второе центральноазиатское путешествие. Озеро Лоб-нор

В 1876 году Пржевальский отправился в новое, второе путешествие в Центральную Азию. На этот раз целью его был район озера Лоб-нор. Этот обширный водоем, принимающий в себя реку Тарим, в те времена был совершенно не исследован.

О городе (но не об озере) Лоп, который лежит в великой пустыне, упоминает еще Марко Поло, венецианский путешественник XIII века. На китайских картах, составленных в 1718 году, Лоб-нор изображен севернее, чем у Пржевальского. Объясняется это тем, что Тарим — это кочующая река, а Лоб-нор — кочующее озеро. Время от времени Тарим в низовьях изменяет свое направление, и тогда Лоб-нор перемещается.

В настоящее время Лоб-нор ушел к северу, занимая примерно то же положение, что и в начале XVIII века, а Лоб-нор Пржевальского превратился в солончаки и болота, среди которых разбросаны небольшие озерки.

Такие перемещения обычны в реках пустыни: вспомним, как изменчивы рукава дельты Аму-Дарьи.

Мы уже говорили о том, что в Лоб-норе вода, по наблюдениям Пржевальского, пресная. Между тем, Лоб-нор не имеет стока, а такие озера, как правило, имеют воду соленую, потому что в озере с течением времени накопляются соли, приносимые, хотя и в небольшом количестве, реками. Но Лоб-нор был в 1877 году пресным потому, очевидно, что он не успел еще осолониться на том месте, где его застал Пржевальский в 1877 году; Лоб-нор существовал еще недолгое время.

В промежуток времени между первым (1877) и вторым (1885) посещениями Лоб-нора Пржевальским озеро это уменьшилось в своих размерах; в это время и в нашей Средней Азии наблюдалось усыхание озер, которое, однако, потом сменилось прибыванием.

Озеро Лоб-нор лежит на абсолютной высоте около 800 метров, среди пустыни, самой дикой и бесплодной из всех, какие видел до сих пор Пржевальский. Длина тогдашнего Лоб-нора была около ста километров, наибольшая ширина — около двадцати километров, глубина ничтожная, обычно метр-полтора, изредка до четырех метров. Вода в озере совершенно пресная.

На берегах Тарима, в его низовьях, в пойме растут узкой каймой леса из разнолистного тополя, или туранги, достигающей восьми-десяти метров высоты. К тополю в небольшом количестве присоединяется лох, или джида, деревцо или кустарник, наполняющий воздух во время цветения нежным благоуханием. По озерам и болотам растет в изобилии высокий тростник, по-местному «камыш», а также рогоз, или куга.

«Трудно представить себе, — говорит Пржевальский, —

что-либо безотраднее лесов из туранги, почва которых совершенно оголена и только осенью усыпана опавшими листьями, высохшими, словно сухарь, в здешней страшно сухой атмосфере. Всюду хлам, валежник, сухой, ломающийся под ногами тростник и соленая пыль, обдающая путника с каждой встречной ветки. Иногда попадаются целые площади иссохших туранговых деревьев, с обломанными сучьями и опавшей корой. Эти мертвецы здесь не гниют, но мало-помалу разваливаются и заносятся пылью».

«Как ни безотрадны сами по себе эти леса, но соседняя пустыня еще безотраднее. Монотонность пейзажа достигает здесь крайней степени. Всюду неоглядная равнина, покрытая, словно громадными кочками, глинистыми буграми, на которых растет тамариск. Тропинка вьется между этими буграми, и ничего не видно по сторонам. Даже далекие горы чуть-чуть синеют в воздухе, наполненном пылью, как туманом».

Из зверей в области Лоб-нора водятся тигр, обыкновенный здесь, в тростниках, затем кабан, дикая кошка манул, марал, или благородный олень, антилопа джейран, заяц, дикий верблюд.

Тигр и кабан держатся в тростниках, марал — ча-

стично там же, частично в туранговых лесах и в зарослях колючки — джингила.

Из рыб в Лоб-норе встречаются в изобилии маринки, небольшие усатые рыбки гольцы и, наконец, аспиориих, крупная рыба из семейства карповых, достигающая веса свыше двадцати килограммов. Все эти рыбы, особенно маринка, весьма многочисленны и составляют главное питание местных жителей.

Население Лоб-нора. Весенний пролет птиц на Лоб-норе. Пыльные бури

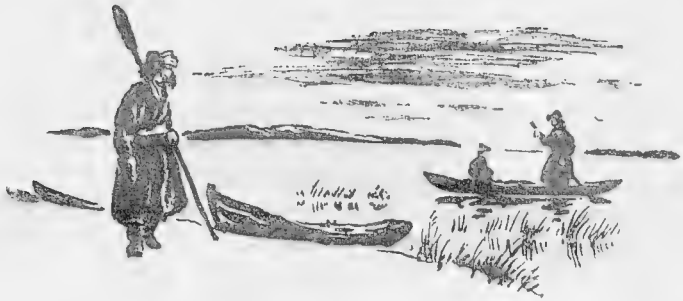
Население бассейна Тарима говорит на тюркском языке, близком к языку уйгуров и узбеков, живущих в советской Средней Азии. Местное население весьма радушно встретило русских.

Жилища устраивают здесь из тростника; он один служит и для стен, и для пола, и для крыши. Длина такого жилища около шести метров. Крыша не слишком защищает даже от солнца, не то что от непогоды.

Топливом служит тот же тростник. Помимо того, метелки осенью собираются для постели, а молодые весенние побеги тростника употребляются в пищу.

Главное занятие жителей Тарима — рыболовство. Сети делают из кендыря — прядильного растения, которое в изобилии растет по Тариму. Из кендыря же ткут холст для одежды. Кендырь растет и у нас в Средней Азии и используется как прядильное растение.

Как мужчины, так и женщины отлично управляются с челноками. Подспорьем к рыбной пище служат корни кендыря; корни поджаривают на огне и едят вместо



хлеба. Земледелие появилось по нижнему Тариму лишь незадолго до Пржевальского; сеют пшеницу и, в меньшем количестве, ячмень, кукурузу и хлопок; разводят также арбузы, дыни и овощи. Почву орошают арыками (каналами). Занимаются жители также скотоводством, разводят прекрасных баранов, рогатый скот, в небольшом количестве лошадей и ослов.

Верблюдов нет. Кормом для скота служит тростник.

В низовьях Тарима Пржевальский сделал замечательное наблюдение: местные жители хоронят покойников в лодках: одна служит нижней, другая — верхней покрышкой гроба.

На Лоб-норе Пржевальский в конце февраля (нового стиля) мог наблюдать весенний пролет птиц. Озеро еще было покрыто льдом. Целые дни, с утра до вечера, почти без перерыва неслись стада уток. Сидя, они покрывали большие площади льда; поднимались они с шумом бури, а на лету издали походили на густое облако. В некоторых стадах было до пяти тысяч уток. И такие стада встречались вблизи друг друга. «Не десятки, не сотни тысяч, но, вероятно, миллионы птиц явились на Лоб-нор в течение наиболее сильного прилета, продолжавшегося недели две». Уток требовалось для восьми членов экспе-

диции ежедневно по три штуки для каждого, так что в котле каждодневно для завтрака, обеда и ужина варилось двадцать четыре утки. «Таков, — говорит Пржевальский, — бывает аппетит у путешественников, для которых, при жизни на открытом воздухе и постоянном моционе, чужды всякие расстройства желудка, равно как и бессонница».

Для большинства птиц Лоб-нор — это временная станция на далеком пути к северу, где они гнездятся. Только немногие остаются для гнездования на этом озере.

По окраинам тростников держится фазан.

В феврале, марте и апреле на нижнем Тариме господствовали сильные северо-восточные ветры, которые нередко превращались в бури, поднимавшие в воздух тучи пыли. Эта пыль толстым слоем садилась на тростник, в зарослях которого нельзя было шагу ступить без того, чтобы не залепило глаза. Атмосфера была постоянно наполнена пылью, сквозь которую солнце светило как сквозь дым. В марте и апреле не было ни одного ясного дня. Пыль часто не позволяла видеть далее нескольких сот шагов, и это очень затрудняло производство съемки.

Открытые Пржевальским горы Алтын-таг

К югу от низовьев Тарима Пржевальский открыл мощный хребет Алтын-таг, поднимающийся здесь до высоты в шесть тысяч четыреста метров.

Открытие этого хребта есть одно из замечательнейших достижений Пржевальского: карта Центральной Азии получила теперь совсем другие очертания.

Горы эти отличаются крайним бесплодием.

В Алтынтаге встречаются уже некоторые тибетские звери: горный баран куку-яман, дикий як, кулан. Остановившись в горах на высоте свыше трех тысяч метров, экспедиция встретила здесь дикого верблюда, но добыть его не удалось.

Однако охотники, посланные Пржевальским, доставили ему шкуры и черепа убитых ими верблюдов — самца и самки. У диких верблюдов горбы вдвое меньше, чем у домашних. Главное местопребывание дикого верблюда — к востоку от Лоб-нора. Проводник лобнорец рассказывал,

что лет двадцать до посещения этих мест Пржевальским ему приходилось нередко видеть стада диких верблюдов по нескольку десятков голов и однажды даже более сотни. В течение своей жизни он убил более сотни этих животных.

Во время зимнего путешествия в Алтынтаге по вечерам, после заката солнца, в ясную погоду превосходно был виден на западной стороне неба зодиакальный свет, причем он был более ярок, чем Млечный путь. Явление зодиакального света объясняется тем, что вокруг солнца в плоскости земной орбиты расположено огромное облако, состоящее из газа или мельчайшей пыли. Облако это светит отраженным светом солнца.

Отсюда через Кульджу вернулись в Зайсан.

ЛОБНОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВ.

Третье центральноазиатское путешествие. Джунгарская пустыня. Животный мир

В 1879 году Пржевальский отправился в свое третье центральноазиатское путешествие. Он прошел из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Хуан-хэ. На этот раз экспедиция располагала значительно большими средствами и имела возможность лучше снарядиться. В состав экспедиции вошло тринадцать человек. Ближайшими помощниками Пржевальского были два офицера, прапорщики Роборовский, впоследствии знаменитый путешественник, и Эклон.

Караван экспедиции состоял из тридцати пяти превосходных верблюдов, из них двадцать три шли под вьюком, на восьми сидели казаки, остальные взяты как запасные. Сверх того имелось пять лошадей: для офицеров, препаратора и переводчика.

Первое замечательное открытие было сделано Пржевальским в пустынях Джунгарии — страны, расположенной в западном Китае, между Монгольским Алтаем и восточным Тянь-шанем. Здесь был добыт до того времени не

известный, весьма редкий вид дикой лошади, названный лошадью Пржевальского. Чучело этого животного выставлено в Зоологическом музее Академии наук в Ленинграде. Раньше думали, что эта лошадь близка к домашней лошади и, может быть, даже происходит от нее. Но теперь доказано, что это совсем особый вид. Лошадь Пржевальского держится небольшими стадами, в пять-пятнадцать голов, в самых диких частях Джунгарской пустыни. Охота за этими животными чрезвычайно затруднительна: они весьма осторожны, а к тому же обладают прекрасным обонянием, слухом и зрением. Впоследствии только немногим путешественникам удавалось добывать лошадь Пржевальского.

В Джунгарской пустыне местами встречались пугливые стада куланов.

Оазисы Хами и Са-чжоу

На пути из Джунгарии в оазис Хами экспедиция пересекла восточную оконечность Тянь-шаня. Контраст с знойными пустынями Джунгарии был разительный. На высоте между 1 800 и 2 700 метрами путешественники

попали в густые хвойные леса из лиственницы и ели. В этих лесах водятся маралы, или благородные олени. Выше хвойных лесов, в альпийском поясе, живут горные бараны и горные козлы.

Оазис Хами, расположенный у южного подножия восточной оконечности Тянь-шаня, окружен совершенно безводной и бесплодной пустыней. Искусственно орошенная почва весьма плодородна и в изобилии родит пшеницу, просо, ячмень, овес, горох, арбузы и дыни, а также овощи. Особенно славились дыни, которые шли из Хами в столицу Китая.

Деревьев и садов в Хамийском оазисе в 1879 году не было, так как они все были уничтожены во время дунганского восстания (дунгане — это китайцы-мусульмане; они живут и в республиках Средней Азии). Коренные жители Хами — таранчи (что значит: «земледелец»), потомки древних уйгуров. Все они магометане. Женщины у них пользуются большой свободой и вне дома ходят без покрывала. Управляла таранчами в то время женщина,

вдова местного князя (вана), погибшего в войне с дунганами. Под властью ванши, которой было пятьдесят четыре года, состояло около восьми тысяч таранчей. Пржевальский описывает устроенный в его честь обед у военного китайского губернатора области Хами. Прислуживали и подавали обед, состоявший из шестидесяти блюд, китайские офицеры младших чинов.

За плодородным Хамийским оазисом располагается дикая пустыня, лишенная растительности и животных; нет даже ящериц и насекомых. Пржевальский, пересекший эту пустыню в июне, так описывает ее:

«По дороге беспрестанно валяются кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскаленною днем почвою висит мутная, словно дымом наполненная атмосфера. Только часто пробегают горячие вихри и далеко уносят крутящиеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонам путника играет обманчивый мираж. Жара днем невыносимая. Солнце жжет от самого своего восхода до заката. Оголенная почва нагревалась до 63°, в тени же, около полудня, мы не наблюдали меньше 35°. Ночью также не было прохлады. Чтобы избавиться от жгучих солнечных

лучей, при которых решительно невозможно долго итти ни людям, ни вьючным животным, мы делали большую часть своих переходов ночью и ранним утром».

На южной окраине Хамийской пустыни, у подножия громадной горной системы Нань-шаня лежит оазис Са-чжоу. Эта прекрасная местность показалась нашим путешественникам вдвое очаровательнее после ужасного бесплодия пройденной пустыни. «Но, — говорит Пржевальский, — словно для того, чтобы еще раз напомнить о ней, в день прибытия, после полудня поднялась сильнейшая буря. Тучи соленой пыли густой пеленой заслонили воздух. Атмосфера стала желтою, а вскоре сделалось темно, как в сумерки. Бешеные порывы ветра грозили вырвать с корнем деревья. Жара достигала 35°. Так продолжалось до ночи. С утра пошел дождь, и в полдень температура понизилась до 14°».

Оазис Са-чжоу находится на абсолютной высоте тысячи сто метров и занимает площадь в двадцать пять километров с севера на юг и двадцать километров с запада на восток. Всё это пространство сплошь заселено китайцами, которые разводят здесь пшеницу, горох, ячмень и лен, и в меньшем количестве рис, кукурузу, чечевицу, фасоль, коноплю, арбузы, дыни, также овощи. В садах изобильны яблоки, груши, абрикосы; персиков и винограда здесь нет. Поля искусственно орошаются выведенными из реки каналами (арыками). Жилища китайцев («фанзы») укрыты в тени высоких ив, пирамидальных тополей и живописных вязов. Оазис Са-чжоу, после Кульджи, — самый плодородный из виденных нашим путешественником в Центральной Азии.

Дикая фауна не богата. Из пустыни на китайские поля забегают антилопы джейраны и бесцеремонно поедают хлеба на корню. Из птиц здесь был встречен фазан.

В Са-чжоу удалось закупить продовольствие для путешествия по Тибету: дзамбу из поджаренной пшеницы, рис, просо, пшеничную муку, соль для людей и для верблюдов, кирпичный чай, китайский сахар, пшеницу для корма лошадей; взяты также пятнадцать живых баранов.

Тысяча пещер. Хребет Нань-шань и котловина Цайдам

Путь в Тибет шел через горы Нань-шань. К югу от Са-чжоу экспедиция посетила место, называемое китайцами «тысячью пещер». Все пещеры выкопаны в обрывах ущелья; расположены они в два или три яруса. В пещерах находятся изображения Будды и буддийских божков. Одно из изображений Будды имеет в высоту свыше двадцати пяти метров; длина ступни около шести

метров. В другой пещере есть громадный идол, окруженный своими детьми, числом 72; голова этого идола, кисти рук и ноги позолочены. Все идолы, как большие, так и малые, сделаны из глины с примесью тростника. В некоторых пещерах висят большие чугунные колокола.

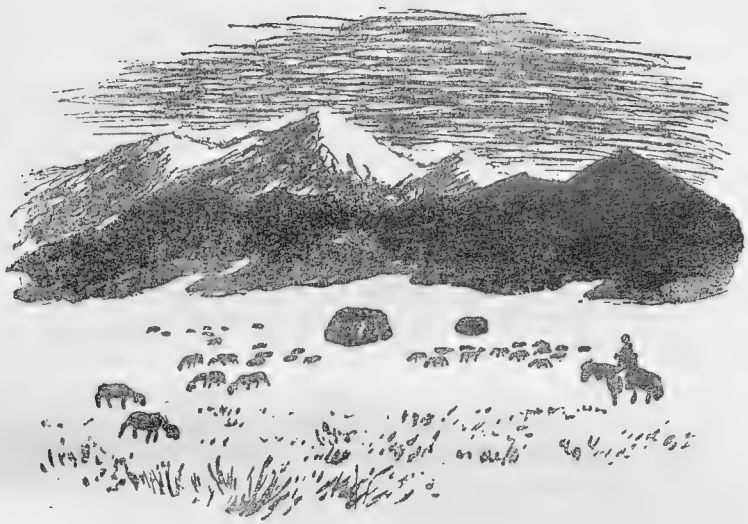
Выйдя из оазиса Са-чжоу, экспедиция пересекла безлесный хребет Нань-шань. В Нань-шане чуть было не случилось большое несчастье: на охоте за яком заблудился один из лучших людей экспедиции, унтер-офицер Егоров. Пять человек были посланы на розыски пропавшего, но найти его не удалось.

На шестые сутки караван случайно увидел, что кто-то спускается с гор. Сначала подумали, что это зверь, а потом в бинокль разглядели, что идет считавшийся уже мертвым Егоров. Он страшно исхудал, и наготу его прикрывала одна рубашка. Обувь износилась через два дня; несчастному пришлось обернуть свои ноги парусинными штанами. Питался он сырыми продуктами охоты — зайцем и уларом.

К югу от главной цепи Нань-шаня Пржевальский открыл два снеговых хребта — Гумбольдта и Риттера, тоже относящиеся к системе Нань-шаня. Снеговая линия в хребте Гумбольдта лежит очень высоко, на 4 500—4 800 метрах абсолютной высоты, что объясняется большой сухостью воздуха здешней страны.

В альпийской области гор Нань-шаня водятся дикий як, горный баран «куку-яман», другой горный баран («архар»), марал, или благородный олень; из птиц изобилует тибетский улар — крупная птица, родственная куропатке; она встречается и у нас на Памире.

Из Нань-шаня экспедиция перешла в Цайдам — так называется обширная котловина, опоясанная с севера



системами Алтын-тага и Нань-шаня, а на юге тоже ограниченная рядом мощных хребтов. Страна эта возвышается в среднем на три тысячи метров над уровнем моря.

Население Цайдама состоит преимущественно из монголов; на востоке в небольшом количестве живут тибетцы (по-монгольски: тангуты).

Цайдамские монголы занимаются разведением баранов, лошадей и рогатого скота; имеют немного яков и верблюдов. Но для верблюдов эта местность не благоприятна; здесь много болот, на которых множество комаров и оводов, а они чрезвычайно вредны для верблюда. Местами монголы засевают ячмень и частью пшеницу. Употребляют в пищу сладко-соленые плоды хармыка, как здесь называют кустарник питрарию высотою до двух метров; ягоды хармыка, которые поспевают в сентябре, собирают

и сушат впрок на зиму. Их едят, предварительно сварив вместе с дзамбой. Птицы, верблюды, медведи и другие животные также любят ягоды хармыка.

В Цайдаме экспедиция нашла монгола-проводника, который знал дорогу в Тибет.

Природа Тибетского нагорья

Тибет — это мощное плоскогорье, поднятое на высоту 4 000—5 000 метров над уровнем моря. На этом плоскогорье, равного которому по размерам нет нигде в свете, громоздятся обширные горные хребты, достигающие 6 000—8 000 метров абсолютной высоты.

До Пржевальского большая часть Тибета была почти неведомой страной. Вся же северная часть Тибетского нагорья, — говорит Пржевальский, — была в отношении картографии менее известна, чем видимая поверхность спутника нашей планеты — Луны.

«Много различных невзгод ожидают здесь путешественника. Против него встанут и люди, и природа. Огромная абсолютная высота и вследствие того разреженный воздух, в котором мускулы человека и вьючных животных отказываются служить как следует; крайности климата, то слишком сухого, то (летом) слишком жаркого; холода и бури, отсутствие топлива, скудный подножный корм, наконец гигантские ущелья и горы в восточной части страны — вот те препоны, бороться с которыми придется на каждом шагу. С другой стороны, в местах обитаемых туземное население подозрительно или даже враждебно будет смотреть на неведомого пришельца».

Пржевальский так описывает Тибетское нагорье:

«Грандиозная природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны — ознаменовала себя тем же духом подавляющей массивности и в обширном нагорье, наполняющем южную половину центральной части этого континента и известном под именем Тибета.

Резко ограниченная со всех сторон первостепенными горными хребтами, названная страна представляет собою, в форме неправильной трапеции, грандиозную, нигде более на земном шаре в таких размерах не повторяющуюся, столовидную массу, поднятую над уровнем моря, за исключением немногих окраин, на страшную высоту от 4 000 до 4 500 метров.

И на этом гигантском пьедестале громоздятся, сверх того, обширные горные хребты, правда, относительно невысокие внутри страны, но зато на ее окраинах развивающиеся самыми могучими формами диких альпов.

Словно стерегут здесь эти великаны трудно доступный мир заоблачных нагорий, неприветливых для человека по своей природе и климату и в большей части еще совершенно неведомых для науки».

Границами собственно Тибета на севере служит хребет Куэньлунь, а на юге цепь Гималаев. Если провести

линию от озера Тенгри-нор (оно лежит к северу от Лхасы) к истокам реки Хуан-хэ, или Желтой, то линия эта разделит Тибет на две части: к западу залегает сплошною массою платообразная поверхность Тибета, к востоку же страна приобретает расчлененный, альпийский облик.

Можно выделить еще южную часть, к югу от Загималайского (Трансгималайского) хребта, в которой берут начала реки Брахмапутра, Инд и его приток Сетледж.

Западный Тибет — это высокогорная пустыня. Но диких травоядных животных, как мы упоминали, здесь баснословно много.

Путь в Лхасу. Новые препятствия

Тибет встретил наших путешественников неприветливо. Стояла осень, и наступили холода. Под снегом верблюды с трудом находили корм, а люди — топливо («аргал»). Но настойчивость Пржевальского и энтузиазм его спутников побороли все препятствия.

В горах Куку-шили, которые являются продолжением Куэнь-луня, пришлось отказаться от услуг проводника, который совершенно не знал местности, и путешественники оказались предоставленными самим себе. К счастью, вскоре удалось выйти на южный склон хребта Куку-шили.

Достигнув области верховьев Янцзы-цзяна, экспедиция увидела след дороги, недавно протоптанной караваном, следовавшим в Лхасу.

Эта дорога привела к перевалу через хребет Тан-ла. Этот очень пологий перевал имеет в высоту свыше пяти

тысяч метров, но возвышается всего на шестьсот метров над тибетским плато.

В хребте Тан-ла, достигающем шести тысяч метров высоты, есть снеговые горы и ледники. До высоты перевала можно встретить диких яков и куланов.

У подножия хребта Тан-ла экспедиция, впервые на пути от Цайдама, встретила людей. Это были кочевники-тибетцы. Они жили в черных палатках из грубой шерстяной ткани.

Подъем на Тан-ла, хотя горы эти поднимаются очень полого, занял восемь суток. Животные, и без того отощавшие, чувствовали себя очень плохо на такой громадной высоте. Притом нужно было двигаться по обледенелой тропинке, где вьючные верблюды скользили. Здесь потеряли четырех верблюдов.

На морозе очень трудно было производить съемку, и Пржевальский отморозил себе несколько пальцев на обеих руках. На самой вершине перевала находилось буддийское жертвенное место; каждый буддист оставляет здесь свое приношение — камень, кость или прядь волос

своего коня или верблюда. Экспедиция положила здесь пустую бутылку, но на обратном пути ее не оказалось.

Перевалив через хребет, караван сделал остановку километрах в двенадцати от высшей точки. Здесь появились пятнадцать тибетцев и для предлога привезли на продажу масла.

Пока шла торговля, один из тибетцев украл нож у переводчика экспедиции Юсупова. Когда тот стал требовать нож обратно, тибетец выхватил саблю и ударил ею переводчика по руке, но повредил только шубу. Это было сигналом к нападению на экспедицию. Но выстрелами из ружей разбойники были обращены в бегство. На ночь пришлось устроить укрепление в виде квадрата из уложенных верблюдов и багажа. Поочередно два казака караулили. Все прочие спали, не раздеваясь, с ружьями в руках. Однако ночь прошла спокойно.

Утром снялись с места ночевки.

Впереди шел весь состав экспедиции с винтовками в руках. Дорога пролегала через ущелье, которое было

занято конной партией тибетцев. Часть разбойников оказалась в тылу экспедиции. Несколько залпов заставили тибетцев броситься врассыпную, и караван экспедиции благополучно миновал ущелье.

На южном склоне Тан-ла были обнаружены теплые минеральные ключи с температурой до 52°. Там, где температура была не выше 20°, толпились над водой мошки и играли рыбы: гольцы и лжеосманы. На эти ключи раньше съезжались больные из Лхасы и других частей Тибета.

Встретили троих монголов, которые сообщили нерадостные вести: в Лхасе разнесся слух, что русские идут с целью похитить далай-ламу — верховного первосвященника буддистов. Поэтому вплоть до перевала через Тан-ла

тибетскими властями были расставлены пикеты; на зиму их убрали, так как не рассчитывали, что русские будут двигаться зимою. Теперь же местному населению под страхом смертной казни было воспрещено продавать что-либо русским и вообще вступать с ними в сношения.

Кроме того, навстречу экспедиции были посланы два чиновника с конвоем и десять человек, чтобы вступить с русскими в переговоры. Рассказчики были отправлены с этим отрядом в качестве переводчиков, но они поспешили вперед и обо всем предупредили Пржевальского.

Через короткое время действительно показались тибетские чиновники. Они держали себя очень вежливо и осведомились, кто такие пришельцы и зачем они идут. Пржевальский объяснил, что цель экспедиции исключительно научная. На это тибетцы отвечали, что русские никогда не бывали в Лхасе и что тибетские власти решили не пускать экспедицию дальше. На это было отвечено, что русские направляются в столицу Тибета не самовольно, а с разрешения китайского правительства и что тибетцы не имеют права не пускать экспедицию дальше.

Тогда чиновники просили обождать ответа из Лхасы, куда немедленно будет послан нарочный. Ответ ожидали получить через двенадцать дней. Пржевальский согласился, тем более, что и люди, и животные сильно устали. Кроме того, дальше итти на верблюдах было невозможно, их следовало сменить на яков. Богомольцы, отправляющиеся в Лхасу, нанимают здесь яков у местного населения, но русским, понятно, яков не дали бы.

Тибетский отряд, а вместе с ним и чиновники уехали, но переводчики-монголы остались. Они утверждали, что русских не пустят в Лхасу.

Экспедиция остановилась в расстоянии двухсот пятидесяти километров от Лхасы, расположив свой лагерь на абсолютной высоте в четыре тысячи семьсот метров у столовой горы, возвышавшейся над подножием на пятьсот метров. В сухом климате этих мест плоская вершина горы даже в декабре была свободна от снега.

Тибетцы и их быт. Далай-лама не пускает русских в Лхасу

Около стоянки кочевали тибетцы, с которыми наша экспедиция теперь могла ближе познакомиться. У тибетцев на голове длинные черные волосы, которые сзади

у мужчин обычно заплетены в косу, у женщин же распадаются на много косичек. Живут тибетцы в черных палатках из материи, сотканной из волос яка. По религии тибетцы — буддисты, главою которых является далай-лама в Лхасе.

Основной пищей тибетцев служит баранье или, реже, яковое мясо, которое они нередко едят сырым. Очень любят чай, в который прибавляют сушеный творог, масло и молоко.

Исключительное занятие здешних тибетцев — скотоводство, тогда как в южном Тибете, центром которого является Лхаса, — земледелие.

Из животных северные тибетцы держат главным образом яков и баранов. Як доставляет тибетцу молоко, прекрасное масло, мясо, наконец кости, из которых варят суп; кроме того, як служит прекрасным вьючным животным. «По крутым горам и по самым опасным тропинкам вьючный, или верховой як, — говорит Пржевальский, — идет уверенной поступью и никогда не оплошает. Даже по льду он ходит и бегает хорошо: там, где очень

скользко, катится на своих копытах, словно на коньках» Цвет домашнего яка преимущественно черный, иногда светлокоричневый или пегий; иногда попадаются совершенно белые. Нрав яка свирепый, и иногда яки даже бросались на караван экспедиции. Для того чтобы завьючить яка, надо большое уменье, да и то иногда злые яки бодают своих вожаков и сбрасывают вьюк. Обычный вес вьюка — около восьмидесяти килограммов. Стоимость яка на наши деньги составляла тогда 10 рублей. Баран тоже в Тибете служит вьючным животным; с кладью в 10 килограммов он проходит тысячи километров.

Лошади тибетцев небольшого роста, с длинной шерстью. Они очень выносливы и смирны. Родившись и выросши на громадной высоте, лошади эти легко взбираются даже на крутые горы. Подков они не знают.

Скот тибетцев пасется круглый год на свободе. В числе достоинств здешних мест Пржевальский отмечает отсутствие кусающих насекомых.

В ожидании ответа из Лхасы экспедиции пришлось пробыть на стоянке не двенадцать дней, а целых шестнадцать.

Путь вперед, к Лхасе, был заперт: в небольшом расстоянии от стоянки было собрано до тысячи тибетских

солдат. Сношения с окрестными туземцами тоже были затруднительны, частью по незнанию языка, частью вследствие недоверчивости тибетцев, внушенной им властями. Единственным развлечением экспедиции была охота за орлами-ягнятниками и за снежными грифами. Птицы эти беспрестанно прилетали к стоянке в надежде поживиться куском бараньего мяса. Ягнятники садились иногда не далее двадцати шагов от занятых варкою пищи казаков. Грифы иногда собирались стаями штук в сорок.

При экспедиции находилось посменно пять тибетских солдат под предлогом охраны, но, в сущности, чтобы наблюдать за русскими. Впрочем, большинство этих солдат были услужливы.

В середине декабря (нового стиля) прибыл, наконец, посланец из Лхасы, который привез недобрые для экспедиции вести: тибетские власти не желают пускать русских в свою столицу.

Мотивы были следующие: в Лхасу северным путем ходят только три народа — монголы, тибетцы и китайцы; русские же никогда раньше в Лхасу не ходили, ибо они

иной веры; и, наконец, весь тибетский народ и далай-лама не желают пускать русских к себе.

Никакие уговоры Пржевальского не действовали. В ответ как сам посланник, так и вся его свита, сидевшие в юрте экспедиции, складывали свои руки впереди груди и самым униженным образом умоляли исполнить просьбу — не ходить далее. Предлагали даже оплатить все расходы экспедиции, если русские повернут обратно. «Даже не верилось собственным глазам, — говорит Пржевальский, — чтобы представители могущественного далай-ламы могли вести себя столь униженно и так испугаться горсти русских».

Предложение об уплате издержек Пржевальский, понятно, отверг, но пытаться итти в Лхасу, наперекор требованиям тибетских властей, было бы бесцельно, и экспедиции пришлось покориться необходимости и вернуться. Лхаса и впоследствии оказалась недоступной нашему путешественнику. Однако времена меняются. Вскоре после описанного путешествия Пржевальского началось проникновение Англии в Тибет, и в противовес этому далай-лама стал искать сближения с Россией. В 1900 году он прислал делегацию к русскому правитель-

ству с просьбой о соглашении. Со своей стороны англичане направили в Тибет войска, которые заняли Лхасу в августе 1904 года. Не дожидаясь этого, далай-лама бежал в Монголию, в город Ургу (ныне Улан-Батор). В следующем году Географическое общество направило в Ургу известного путешественника П. К. Козлова для свидания с далай-ламой. От него Козлов получил в дар для Географического общества собрание предметов буддийского культа, которые и ныне хранятся в доме Географического общества. Через несколько лет этот далай-лама снова видался с П. К. Козловым, которому сказал: «Надеюсь, что Россия будет поддерживать с Тибетом лучшие дружеские отношения и впредь будет присылать своих путешественников-исследователей для более широкого ознакомления с природой и населением Тибета». При этом далай-лама сам пригласил Козлова посетить Лхасу.

Но возвращаемся к путешествию Пржевальского. После неудачной попытки попасть в столицу далай-ламы экспедиция направила свой путь к верховьям реки Хуан-хэ, или, в переводе с китайского, Желтой, как ее раньше и называли европейцы. Местность эта лежит к югу от озера Куку-нор, в северо-восточном углу Тибетского нагорья. Снаряжался сюда Пржевальский в городе Синине, который расположен на восток от озера Куку-нор. Сининский губернатор («амбань») сказал при свидании нашему путешественнику, что не пустит его туда. Но на это Пржевальский ответил, что на Хуан-хэ пойдет и без его позволения.

Верхнее течение Хуан-хэ населено тибетцами, которых монголы называют хара-тангутами, то есть черными тибетцами, за их черные палатки. Замечательно, что хара-тангуты всегда в своих палатках топят бараньим

пометом («аргалом»), несмотря на обилие леса в их стране. От этого леса здесь сохраняются в неприкосновенности.

Кроме баранов, хара-тангуты разводят еще яков.

Хотя хара-тангуты буддисты, но среди них встречаются шаманы, принадлежащие к сословию лам. Пржевальский описывает, как такой шаман заговаривал град. Заклинания его продолжались с четверть часа, после чего град перестал, так как град обычно падает недолго. Но присутствующие были убеждены, что это случилось благодаря шаманским наговорам. Влияние этих пройдох на тангутов, — говорит Пржевальский, — очень велико.

В здешних еловых и можжевеловых лесах в изобилии растет лекарственный ревень. Корни его достигают громадных размеров; один из таких корней, взятых в коллекцию, весил свыше десяти килограммов в свежем виде.

Обратный путь из Тибета через Алашанскую пустыню и Гоби

Обратный путь Пржевальского далее шел через озеро Куку-нор и Гоби.

Описывая свой путь через Алашанскую пустыню, Пржевальский говорит:

«Тяжелое, подавляющее впечатление производит Алашанская пустыня, как и все другие, на душу путника. Бредет он со своим караваном по сыпучим пескам или по обширным глинисто-солончаковым площадям и день за днем встречает одни и те же пейзажи, одну и ту же мертвенность и запустение. Лишь изредка пробежит вдали робкая хара-сульта (антилопа джейран), юркнет в нору испуганный тушканчик, глухо просвистит песчанка, затрещит саксаульная сойка или со своим обычным криком пролетит стадо больдуруков (саджа, или копытка)... Затем нередко по целым часам сряду не слышно никаких звуков, не видно ни одного живого существа, кроме бесчисленных ящериц. А между тем летнее солнце печет невыносимо, и негде укрыться от жары; нет здесь ни леса, ни тени; разве случайно набе-

жит кучевое облако и на минуту прикроет путника от палящих лучей. В мутной желтовато-серой атмосфере обыкновенно не колыхнет ветерок; являются только частые вихри и крутят горячий песок или соленую пыль...

Вплоть до заката жжет неумолимое солнце пустыни. Но и ночью здесь нет прохлады. Раскаленная днем почва дышит жаром до следующего утра. Зимою взамен невыносимых жаров наступают столь же невыносимые холода».

В ноябре 1880 года экспедиция прибыла в Кяхту, и третья центральноазиатская экспедиция Пржевальского была закончена.

В начале 1881 года Пржевальский со своими путниками был торжественно встречен в Петербурге.

Географическое общество избрало его почетным членом, а города Петербург и Смоленск — почетным гражданином. Академия наук устроила выставку коллекций, привезенных знаменитым путешественником.

Четвертое центральноазиатское путешествие. Истоки реки Хуан-хэ. Новые открытия

В конце 1882 года Пржевальский представил Географическому обществу отчет о своей третьей центральноазиатской экспедиции, а вскоре им был составлен проект новой экспедиции в Тибет. Отправным пунктом была Кяхта, откуда в начале ноября 1883 года выступил караван экспедиции, состоявший из пятидесяти семи верблюдов и семи верховых лошадей.

1ое ТИБЕТСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В пустыне Гоби, которую путешественники пересекли в ноябре и декабре 1883 года, они были почти ежедневно свидетелями великолепных вечерних и утренних зорь. Это явление было вызвано громадным количеством вулканической пыли, выброшенной в 1883 году во время извержения вулкана Кракатау — на острове между Суматрой и Явой.

Знакомым путем дошли до озера Куку-нор, а затем достигли истоков реки Хуан-хэ. «Мы видели теперь воочию, — говорит Пржевальский, — таинственную колыбель великой китайской реки и пили воду из ее истоков. Радости нашей не имелось конца».

Река кишела рыбой лжеосманом, и путешественники небольшим бреднем вылавливали сразу по центнеру и по полтора рыбы, каждая в 30—50 сантиметров длиной. Рыбу эту никто никогда не ловил, потому что монголы и тибетцы рыбы не едят, а китайцы сюда не заглядывают. Из-за обилия рыбы в этом месте во множестве держались чайки и орланы. Чайки, как искусные рыболовы, без труда находили себе пищу, но ее сейчас же отнимали у них орланы, которые только таким способом и кормились.

Медведи тоже занимались ловом рыбы.

Здешний медведь относится к виду тибетского. Туземцы его не преследуют, считая священным животным. Питается он главным образом пищухами, но также разными кореньями, не брезгует и рыбой. В общем он безобидное животное.

Здесь, как и в других местах, Пржевальский из-за охотничьей страсти бесполезно убивал животных: за один день он и его помощники застрелили шесть медведей с тремя медвежатами. В другой раз, не сходя с места, убил медведицу и трех бывших с нею медвежат. А всего в верхнем течении Хуан-хэ было истреблено около шестидесяти медведей.

В этой области Пржевальский нанес на карту два озера, названные им «озеро Русское» и «озеро Экспедиции»; «Пусть первое название, — говорит путешественник, — свидетельствует, что к таинственным истокам Желтой реки (Хуан-хэ) первым проник русский человек». На берегах этих озер экспедиция дважды подвергалась нападению тангутов, но оба раза они были с уроном отбиты.

Отсюда Пржевальский отправился через Цаддам на запад, имея в виду проникнуть в бассейн Тарима. В Куэньлуне им был открыт снеговой хребет, которому Пржевальский дал название Загадочного, но Географическое общество переименовало его в хребет Пржевальского.

Высшая точка хребта была названа, по форме, «Шапкой Мономаха». Помимо того, экспедицией открыт в этих местах ряд мощных хребтов; среди них: Цайдамский, хребет Колумба, Московский, с вершиною Кремль, хребет Русский.

Перевалив через Алтын-таг, экспедиция вышла к озеру Лоб-нор. Отсюда через Хотанский оазис вернулись в октябре 1885 года на родину, к озеру Иссык-куль, а отсюда — в Петербург.

Академия наук на торжественном заседании поднесла Пржевальскому золотую медаль, на одной стороне которой изображен его портрет, а на другой — написано: «Первому исследователю природы Центральной Азии, 1886». В речи, обращенной к путешественнику, непременный секретарь Академии наук говорил:

«Есть счастливые имена, которые довольно произнести, чтобы возбудить в слушателях представление о чем-то великом и общеизвестном. Таково имя Пржевальского. Я не думаю, чтобы на всем необъятном пространстве земли русской нашелся хоть один сколько-нибудь образованный человек, который бы не знал, что это за имя. Имя Пржевальского будет отныне синонимом бесстрашия и энергии в борьбе с природою и беззаветной преданности науке».

Подготовка к пятому центральноазиатскому путешествию

Как всегда, Пржевальский вскоре по окончании четвертого путешествия представил подробный отчет под заглавием «От Кяхты на истоки Желтой реки, исследо-

2ое ТИБЕТСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

вание северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор к бассейну Тарима». Вместе с тем великий путешественник задумал новую, пятую экспедицию, которая ставила себе целью дальнейшие исследования Тибета и проникновение в Лхасу.

По ходатайству Географического общества на эту экспедицию было ассигновано 80 тысяч рублей. В состав участников были избраны старые, испытанные спутники Пржевальского — Роборовский и Козлов.

В начале октября 1888 года прибыли в город Пишпек (ныне Фрунзе). Здесь на охоте Пржевальский, выпив сырой воды, заразился брюшным тифом и 20 октября (1 ноября нового стиля) на пятидесятом году жизни скончался в городе Караколе (ныне носящем имя Пржевальск), близ живописного озера Иссык-куль.

К великому горю всего просвещенного человечества, не стало одного из величайших путешественников всех времен и народов.

Согласно завещанию, Пржевальский похоронен на берегу Иссык-куля, и на могиле его поставлен художественный памятник в форме орла, распростершего свои крылья над скалой.

Пржевальский как путешественник

Необыкновенные географические подвиги Пржевальского, его облик, его печатные труды, блестяще изложенные, его трагическая смерть в расцвете заслуженной славы на пороге новой экспедиции — всё это производит глубокое впечатление.

Глава Географического общества П. П. Семенов-Тян-

Шанский говорил, что Пржевальский занял свое место наряду с величайшими путешественниками. До Пржевальского поверхность Центральной Азии была известна хуже, чем поверхность Луны.

Известные раньше почти только по именам озеро Куку-нор, Цайдам, хребет Куэнь-лунь, озеро Лоб-нор, пустыня Гоби были тщательно нанесены на карту, изучены и описаны.

В стихотворении, посвященном Пржевальскому, Тютчев писал, что наш великий путешественник «довершил чертеж Земли». Пржевальский не только дал новую карту Центральной Азии, он, как правильно отметила Академия наук, первый осветил ее природу, ее растительный и животный мир.

Помимо прочих своих достоинств, Пржевальский обладал талантом художественного изложения. Его труды остаются лучшими образцами описания неизвестных стран. Для примера приведем небольшой отрывок из отчета о третьем путешествии (1879—1880 годы). Вот как изображен здесь день путешественника в пустыне:

«Перенеситесь, читатель, мысленно в центрально-азиатскую пустыню к нашему бивуаку и проведите с нами одни сутки, — тогда вы будете иметь полное представление о нашей походной жизни во всё время путешествия...

Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа в пустыне. Две палатки стоят невдалеке друг от друга; между ними помещается вьючный багаж, возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка баранов; несколько в стороне наарканены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд или бредит сонный человек. В сухой, прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные

звезды; созвездия резко бросаются в глаза; Млечный путь отливает фосфористым светом.

А кругом дикая необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа...

Но вот забрезжила заря на востоке. Встает дежурный казак и прежде всего вешает в стороне на железном треножнике термометр; затем разводит огонь и варит чай. Когда последний готов, поднимаются и остальные казаки; встаем и мы. В прохладной утренней атмосфере сначала немного пробирает дрожь, но чашка горячего чая хорошо и быстро согревает. Завтрак же, обыкновенно в виде оставшегося с вечера куска вареной баранины или уцелевшей лепешки, тщательно прячется

в карман на дорогу; но казаки теперь наедаются дзамбы,[1] зная, что следующая еда будет только на следующем бивуаке. Затем начинается седлание коней и вьючение верблюдов. Тем временем мы надеваем на себя оружие и садимся на верховых лошадей. Выходим мы с места ночлега обыкновенно на восходе солнца. Первый десяток верст всегда проходит как-то незаметно; но на втором десятке, в особенности к его концу, начинает уже чувствоваться небольшая усталость: тем более, что в это время обыкновенно начинается жара или подымается буря. Разговоры в караване смолкают; даже верблюды и лошади идут лениво, апатично. Но вот, наконец, показывается вдали желанное место — колодезь или ключ, возле которого иногда бродит монгольское стадо, ожидая водопоя. Через несколько минут является к колодцу весь караван. Пока совершается процедура установки бивуака, казак, заведующий кухнею, наскоро разводит огонь и варит чай. Топливом, как и везде почти в пустыне, служит сухой помет домашних животных, называемый монголами аргал. Зажигать подобное топливо нужно с уменьем, тогда оно горит хорошо.

Едва ли какой-либо гастроном ест с таким аппетитом

---

[1] Дзамба, или, точнее, цзамба, — это поджаренная ячменная или пшеничная мука. Заваренная горячим чаем, в виде толокна, с прибавкой соли, масла или бараньего сала, она хорошо заменяет хлеб. При этом долго сохраняется и весьма удобна для перевозки вьюком.

разные тонкости европейской кухни, с каким мы принимаемся теперь за питье кирпичного чая и за еду дзамбы с маслом, а за неимением его — с бараньим салом. Правда, последнее, будучи растоплено, издает противный запах сальных свечей, но путешественнику в азиатских пустынях необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать.

Цивилизованный комфорт, даже при больших материальных средствах, здесь невозможен: никакие деньги не переменят соленой воды пустыни на пресную, не уберегут от жаров, морозов и пыльных бурь, от грязи, а иногда и паразитов. В самом себе должен искать путешественник сил для борьбы со всеми невзгодами, а не стараться избавиться от них разными мало действенными мерами.

Во время чаепития, заменяющего завтрак, обыкновенно являются к нам ближайшие монголы, которые тотчас же заводят знакомство, а иногда и дружбу с нашими казаками. Эти последние, живя в Забайкалье, по

соседству Монголии, почти все говорят по-монгольски и до тонкости знают обычаи монголов.

Окончив чаепитие и утолив голод, все принимаются за работы. Одни казаки идут собирать аргал; другие, которым сегодня очередь пасти караванных животных, возятся около верблюдов; третьи обдирают зарезанного на обед барана. В нашей палатке также все заняты: я перевожу на чистый планшет сегодняшнюю съемку и пишу на свежую память дневник, Роборовский рисует, Эклон и Коломейцев препарируют убитых дорогою птиц. В час пополудни делается третье метеорологическое наблюдение.

Наконец, обед готов. Он всегда один и тот же: суп из баранины с рисом или просом, изредка с финтязою (род вермишели из гороховой муки) и гуамяном (то же — из пшеничной).

Иногда казак-повар, желая устроить сюрприз, сделает лапшу из запасной пшеничной муки или напечет в золе лепешек из той же муки; случается, обыкновенно на дневках, что мы сделаем себе пирожков или сварим рисовую кашу.

После удачной охоты обыкновенно жарится дичь или, в редких случаях рыболовства, варится уха из пойманной рыбы. Словом, мы никогда не пропускали случая полакомиться тем или иным способом. Только случаи эти в пустыне, к сожалению, представляются очень редко; в горах же или на реке в этом отношении гораздо привольнее.

Зато баранина, которою главным образом приходится продовольствоваться путешественнику в Монголии, всегда бывает превосходного качества, а главное, никогда не надоедает, подобно другому мясу, даже дичине. Ну и поедали же мы этой баранины во время путешествия!

Каждый день уничтожался целый баран, который дает средним числом полтора пуда мяса. Нередко к такому барану еще делались приложения в виде застреленных фазанов, уток, гусей или куропаток. Теперь мне даже самому не верится, как мог быть у нас такой волчий аппетит».

Какие требования предъявлял Пржевальский к исследователю Центральной Азии и, прежде всего, очевидно, к самому себе, можно видеть из его слов:

«Для того, кто вознамерится посвятить себя исследованиям далеких стран в глубине Азии, мало одной научной подготовки, необходимы еще: «цветущее здоровье, крепкие мускулы и еще лучше атлетическое сложение, с одной стороны, а с другой — сильный характер, энергия и решимость». Другие требования, какие предъявляет Пржевальский к путешественнику, таковы: он «не должен гнушаться никакой черной работы, как, например, вьюченья верблюдов, седланья лошадей, укладки багажа и прочее, словом, ни в коем случае не держать себя белоручкою; не должен иметь избалованных вкуса и привычек, ибо в путешествии придется жить в грязи и питаться чем придется; не должен знать простуды, так как зиму и лето станет проводить на открытом воздухе; должен быть отличным ходоком; наконец, должен иметь ровный, покладистый характер, чем быстро приобретет расположение и дружбу своих спутников».

Всеми этими свойствами Пржевальский обладал в полной мере. Он был полон настойчивости, энергии и решимости. Вспомним, как во время первого путешествия по Центральной Азии Пржевальский всего с тремя спутниками оказал сопротивление двумстам китайским солдатам, вознамерившимся напасть на путешественников.

Скажем об его отношении к спутникам, ибо от этого, как само собой понятно, зависит исход любой экспедиции. «Прежде всего нужно напомнить о том, что для успеха ни в каком случае нельзя иметь парадной обстановки и вообще держать себя барином. Наоборот, чем более путешественник будет, так сказать, в «черной шкуре», тем лучше.

Личный пример начальника, как и везде, магически действует на подчиненных. Мы лично при путешествиях жили одинаково с казаками — в одних и тех же палатках, спали на одинаковых войлоках, ели из одной чашки.

И казаки умели всё это оценить и понимать. Никогда, даже в тяжелые минуты различных невзгод, я не слыхал в своем отряде ни малейшего ропота, ни одного намека на излишние трудности».

О своих спутниках казаках, участвовавших в первой экспедиции по Монголии и Тибету, Пржевальский говорит так:

«Один из них был русский, девятнадцатилетний юноша, по имени Панфил Чебаев, а другой, родом бурят, назывался Дондок Ирильчинов. Мы с товарищем[1] вскоре сблизились с этими добрыми людьми самою тесною дружбою, и это был важный залог для успеха дела.

В страшной дали от родины, среди людей, чуждых нам во всем, мы жили родными братьями, вместе делили труды и опасности, горе и радости. И до гроба сохраню я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничною отвагою и преданностью делу обусловили как нельзя более успех экспедиции».

---

[1] То есть с М. А. Пыльцовым, помощником Н. М. Пржевальского по первому путешествию в Центральную Азию.

Понятно поэтому, почему спутники этого великого путешественника сохраняли о нем благодарную память до конца своих дней.

Нельзя не привести здесь, хотя бы не полностью, его знаменитый приказ от 29 октября 1885 года, отданный по окончании четвертого центральноазиатского путешествия, когда отряд только что перешел через русскую границу.

«Сегодня для нас знаменательный день, — писал Пржевальский, — мы перешли через китайскую границу и вступили на родную землю. Более двух лет минуло с тех пор, как мы начали из Кяхты свое путешествие.

Мы пускались тогда в глубь азиатских пустынь, имея с собою лишь одного союзника — отвагу; всё остальное стояло против нас: и природа и люди. Вспомните — мы ходили то по сыпучим пескам Алашаня и Тарима, то по болотам Цайдама и Тибета, то по громадным горным хребтам, перевалы через которые лежат на заоблачной высоте. Мы жили два года, как дикари, под открытым небом, в палатках или юртах, и переносили то сорокаградусные морозы, то еще большие жары, то ужасные бури пустыни. Ко всему этому по временам добавлялось недружелюбие, иногда даже открытая вражда туземцев: вспомните, как на нас дважды нападали тангуты в Тибете...

Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроенного населения, ничто не могло остановить нас. Мы выполнили свою задачу до конца — прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную — от имени

науки, которой мы служили и от имени родины, которую мы прославили».

Свои путешествия и свои достижения Пржевальский рассматривал как общее дело всех участников экспедиции.

В рапорте по поводу четвертой экспедиции он писал, что бо́льшая часть заслуг экспедиции принадлежит не ему, а его сподвижникам. «Без их отваги, энергии и беззаветной преданности делу, конечно, никогда не могла бы осуществиться даже малая часть того, что теперь сделано за два года путешествия».

Содержание

Предисловие 3
Афанасий Никитин 7
Семен Дежнев 33
Владимир Атласов 49
Алексей Ильич Чириков 71
Василий Михайлович Головнин 97
Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев 129
Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский 151
Николай Николаевич Миклухо-Маклай 183
Николай Михайлович Пржевальский 211

БИБЛИОТЕКА
Г. ШЕЛЬ СССР

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *Л. Джалалбекова*

Художник-редактор *Ю. Киселев*. Технич. редактор *Н. Сусленникова*. Корректор *Л. Дрожжина*. Подписано к печати 18/XII 1950 г. 60 × 84 1/16. Бум. л. 9¼ + 1 вклейка. Печ. л. 17,35. Уч.-изд. л. 11,84 Авт. л. 7.55. Тираж 45 000. М-39986. Заказ № 534. 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства Просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.

Сводная карта путешествий Н. М. Пржевальского.

BIBLIOTECA
DE CCP

BIBLIOTECA
DE CCP

7 р. 50 к.